

Annotation

Серо-голубой логотип «ВКонтакте» мелькает на всех мониторах страны. Чем так притягательна виртуальная реальность соцсети для десятков миллионов россиян от 12 и старше? Кто придумал эту игрушку и куда этот человек ведет свою необычную компанию? Павел Дуров почти не общается с журналистами, но автору этой книги удалось проникнуть внутрь «ВКонтакте». Получилось не просто журналистское расследование, а авантюрная история, исследующая феномен сетевого предпринимателя-харизматика и его детища – а заодно и вполне материальное выражение популярности бизнеса соцсети.

- [Николай Кононов](#)
 -
 - [Предисловие](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Об авторе](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Николай Кононов

Код Дурова. Реальная история «ВКонтакте» и ее создателя

Эту книгу хорошо дополняют:

Мечтай, создавай, изменяй! Как молодые предприниматели меняют мир и зарабатывают состояния

Сара Лейси

И ботаники делают бизнес

Максим Котин

Предисловие

С этой книжкой нам очень повезло.

Нынешняя Россия – это страна потерянных сюжетов: истории шекспировского накала и гомеровского размаха буквально-таки валяются под ногами, да некому подобрать. На наших глазах рушатся империи, люди без имени и, в общем, без судьбы становятся хозяевами вселенной, чтобы тут же быть повергнутыми в грязь, из ничего создаются многомиллиардные состояния, а иногда и целые миры – и вся эта космическая свистопляска остается совершенно не описанной, не зафиксированной, не отливается не то что в граните – а даже в книжках в мягкой обложке. На то существует множество причин: архивы засекречены, пиарщики путают следы, или же, как принято сейчас говорить, «реальность настолько неустойчива и неоформленна, что ускользает от любого описания» (что, по-моему, совсем уже гнилая отмазка). Но факт остается фактом: когда будущим ученым потребуются источники по истории России раннего постсоветского периода, им практически не из чего будет составить библиографию – придется ограничиться подшивками «Коммерсанта» и «Ведомостей» да архивами соцсетей на калифорнийских серверах.

Редкое наше везение в том, что одна из происходивших рядом с нами удивительных человеческих историй превратилась в книжку, которую вам сейчас предстоит прочитать. Притом что история эта до сих пор не была внятно отражена даже на коммерсантовских страницах. Да и сервера, которые в ней фигурируют, прописаны вовсе не в Кремниевой долине.

Мир, о котором рассказывает книга Николая Кононова, – он вроде как есть, но, с другой стороны, его как бы и нет. Если у вас есть родственники или знакомые младше двадцати, вы наверняка замечали, что в их браузере постоянно мелькает сине-голубой логотип «ВКонтакте», и то, что происходит на страницах с этим лого, почему-то кажется им более важным и осмысленным, чем так называемая реальная жизнь (если вы сами являетесь тем родственником и знакомым младше двадцати лет, то извините, что здесь приходится объяснять такие очевидные вещи, а также не очень понятно, как вы нашли в себе силы оторваться от «ВКонтакте» и взяться за книгу).

Само пространство, маркированное сине-голубым логотипом, руками не потрогать, словами не назвать – и приклеиваемые к нему ярлыки «заповедник школоты» или «клон фейсбука» никак не объясняют этого

феномена, а лишь позволяют от него временно отделаться. История вопроса, масштабы происходящего и список ответственных лиц при этом остаются совершенно не ясны – а меж тем существует смутное подозрение, что этот логотип мелькает перед глазами неспроста, а мир, в котором мы живем, будет все больше переползать в сторону «ВКонтакте» просто в силу поколенческих закономерностей.

К тому же существует (и будоражит воображение) сама фигура основателя «ВКонтакте», который в двадцать с небольшим заработал миллионы долларов (которые ему, кажется, не очень нужны) и затащил в свои сети миллионы пользователей (с которыми он делает что хочет). И, как писали раньше в журнале «Афиша», – что с этим делать, решительно непонятно.

Велико искушение на основании всего вышеизложенного объявить Павла Дурова выразителем духа времени и представителем мира будущего – править которым будут полчища мини-Дуровых, зарабатывающих миллиарды, не отрываясь от экрана ноутбука. Но «цифровая элита» потому и является элитой, что попасть в нее могут единицы – для этого требуется смелость, наглость, тонкое чутье и мгновенная реакция, большинству, по определению, недоступные. Для этого нужно мыслить глобально, действовать локально, уметь угадывать, что нужно людям, гораздо раньше, чем люди сами могут это сформулировать, не думать о миллиардах и иногда отрываться от ноутбука. Поэтому вряд ли стоит читать книгу Кононова как портрет Героя Нашего Времени или описание того, Как Все В Мире Будет Устроено, – в фигуре Дурова слишком много исключительного, не сказать, эксцентрического, чтобы делать из его истории Далекоидущие Выводы.

Возможно, правильнее было бы подойти к этому тексту как к авантюрному роману, серии удивительных приключений и сказочных перевоплощений – развязка которых, кажется, далеко не очевидна. Кажется, один из важных мотивов для Дурова – стремление сделать все назло и поперек системе, в которую его пытаются встроить, разломать рамки, в которые его стараются загнать, обмануть ожидания относительно логики собственного поведения. Это тот случай, когда ничему удивительному в его судьбе не стоит удивляться. Возможно, через несколько лет он скроется в нейтральных водах на бронированной яхте в компании какой-нибудь Леди Гаги, или купит контрольный пакет акций «Газпрома», или уединится в мансарде на Невском, чтобы рисовать собак. Герой этой книги не борется за свободу – а утверждает ее самым фактом своего существования.

В любом случае, это открывает и перед автором, и перед читателями блистательную перспективу: в том смысле, что продолжение следует.

Юрий Сапрыкин, публицист, шеф-редактор «Рамблер-Афиша»

Пролог

Поток бурлил, завивался и крутил водовороты из прохожих и зевак, глазающих на собор и площадь перед ним. По проспекту фланировали студенты, назначившие группе встречу и теперь искавшие своих. Азиаты в водонепроницаемых пончо фотографировали особняк на углу канала.

Человеческий трафик рождал шум, который смешивался с гудками и призывами на экскурсию по городу. Течения сгущались у дома с кованым панно, называвшим первого владельца – Zinger. Медные девы-валькирии с копьями охраняли его купол, увенчанный прозрачным земным шаром.

На шестом этаже у окна в полный рост стоял человек в очках и, щурясь от света, высматривал что-то в потоке. Время от времени он приглаживал стриженные волосы и слушал голоса, звучавшие за его спиной. Шел третий час переговоров.

За столом восседал мужчина средних лет – очки, улыбка, акцент иностранца, который давно живет в России и говорит вполне бегло. Его компания слыла сильнейшим интернет-торговцем страны. Директору-экспату требовалось навязать программистам, создавшим самую крупную соцсеть в России, свои условия торговли на их территории. Захватить пространство, где ежедневно толчется 20 миллионов человек, мечтает каждый, поэтому иностранец старался нравиться.

Напротив него сидели двое. Белобрысый парень с ноутбуком и айфоном (представился главным разработчиком) и невзрачный тип в бейсболке. Каждому на взгляд – не более двадцати пяти лет. Программист отрешенно стучал по клавиатуре, а тип как в рот воды набрал, поэтому менеджер обращался к человеку у окна. Тот прославился в качестве attack dog, жесткого переговорщика, но сегодня вел себя тихо. Это немного сбивало с толку, ну что ж, бывает.

Переговорщик отвернулся от окна и спросил: «Так что, вы продолжаете настаивать, что с разных категорий товара заплатите нам разный процент?» Экспат закивал; он неоднократно обосновывал свою позицию – каждый товар имеет оборачиваемость, популярность – короче, это бизнес, ничего личного.

«Послушайте, – вздохнул переговорщик. – Мы внедряем этот сервис, „Желания“, чтобы миллионы пользователей могли дарить друзьям товары. Мы выбрали вас и даем вам кнопку, которая в один клик позволяет приобрести подарок за нашу валюту. Эта кнопка приведет к вам миллионы

покупателей».

Ерзая в кресле, экспат повторил свои аргументы. Он давно и железобетонно уяснил: всему есть цена, и благородные устремления существуют, чтобы набить цену. Парни просто торгуются.

«Хорошо, – произнес он. – Уважая цели вашей компании, я готов на 5 процентов по мягким игрушкам». Программист покрутил головой и продолжил стучать по клавиатуре. Переговорщик вернулся к столу, откинулся, развел руками: «Мы настаиваем – 10 процентов».

«Понимаю, – твердо сказал менеджер. – Но такая комиссия для нас неприемлема».

«Тогда 20 процентов! – неожиданно заорал тип в бейсболке. – 20 процентов! Или мы подписываем контракт немедленно, или мы не работаем с вашей компанией!» Он вскочил, сунул руки в карманы черных брюк и зашагал, чуть скособочившись и наклонившись вперед, вдоль стола. Иностранца предупреждали об эксцентричности этого деятеля, но не до такой же степени, мы здесь все приличные люди.

«Черт возьми, я думал, что мы работаем с инновационной компанией, а вы торгуетесь, как на базаре, – чеканил тип. – Мы создаем новое, совершенное средство коммуникации, а вы... что вы тут вообще устраиваете?!»

Иностранец лихорадочно соображал, как себя вести: исполнитель роли attack dog сидел совсем не там, где он предполагал, и напал неожиданно. Ему говорили, что «плохого следователя» играет стриженный очкарик, а этот, якобы гениальный программист, всегда вежлив. Хотя чего думать, надо успокаивать чертова неврастеника, пока не сбежал.

«Подождите, Павел, – экспат примиряюще развел руками. – Я прекрасно вас понимаю и ценю ваш продукт, вы работаете на переднем крае технологий...» – продолжал он, краем глаза фиксируя, что гений вернулся на стул, сбросил бейсболку, быстрым движением пригладил черные волосы и водрузил кепку обратно.

Удивительно, что за два часа у этого человека несколько раз тасовались, как карты, личности. Первая – подросток, глядящий черными глазами куда-то вбок, растерянный; подбирает слова; неестественность, выпирающие углы жестов, то плавных, то стремительных, выдают тлеющее внутри безумие. Вторая – нагловатый бизнесмен. Третья – интеллигент, с лету разбирающийся в проблеме и способах ее решения.

Об этом человеке говорили, что выше всего он ценит кодеров, а остальных людей в компании считает вторым сортом. Впрочем, много что рассказывали про его социальную сеть. Что нигде нет программистов

такого класса, чтобы тридцать человек поддерживали сложную архитектуру серверов и присутствие десятков миллионов юзеров. Что «ВКонтакте» создали масоны. Или, наоборот, чекисты, а Павел Дуров – выдуманный персонаж.

Экспат взял себя в руки, отбросил иррациональную симпатию, которую вызывал нахальный противник, и аргументировал: наша компания тоже высокотехнологичная, но бизнес-резоны одинаковы для любой отрасли. Переговорщик кивал. Буря эго стихла. Можно повторить насчет 5 %.

Но Дуров опять подскочил: «Вы считаете, будто мы набиваем себе цену. Вы просто тратите наше время. Два часа я слушаю вас, хотя мы могли бы договориться и запустить эксперимент. Хватит!» – и опять направился к двери.

В мозгу экспата столкнулись и заискрили несколько соображений. Эксперимент по-любому выгоден, а если безумец оборвет переговоры, то более сговорчивые конкуренты быстро заключат с ним контракт. Проклятые программисты, возмнили о себе черт знает что. А какотреагируют на объяснения о разрыве договоренности насчет сделки мои акционеры?

«Павел, подождите! – закричал экспат устремившейся к дверям фигуре в черном. – У меня есть предложение, я согласен, вы правы! Мы сейчас разгорячились, а это вредно для бизнеса. Предлагаю договориться в общих чертах, а конкретизировать условия приглашаю вас, Илью и Андрея в мое шале в Швейцарии. Встреча, отдых – все на мне. Мы спокойно посидим...»

Экспат прервался, потому что увидел, как переговорщик смеется. Программист тоже улыбался, а предводитель шайки молчал, внезапно успокоившись, будто и не бегал к двери. Наконец Дуров любопытно наклонил голову и произнес: «А вы еще и коррупционер. Интересно. Мы из вашей Швейцарии два дня назад прилетели и полетим еще, когда захотим».

Экспат вздохнул и быстро сказал: «ОК, давайте зафиксируем ваши условия».

Гостя проводили по ковровой дорожке до лифта, чья золоченая клетка наводила на мысль, что программисты сняли этаж у реликтового министерства. Затем переговорщики прошли в залу с анфиладой кабинетов. Троица так громко хохотала и обсуждала окаменевшую физиономию иностранца, что на смех начали сходиться странные люди. Они выползали из кабинетов с магнитными досками, где литерами были набраны таблички вроде: «Сквот ИЕ. Кости в танке», «Наркомпросвет», «Злые пользователи», «Музей Дурова» и т. п. Большая часть пришедших носила футболки,

схваченные ремнями выше пояса, а некоторые гордо застегнули рубашки на верхнюю пуговицу.

Странные люди выглядели как кодла ботаников родом из эссе Пола Грэма Why Nerds Are Unpopular, которая сбежала с олимпиады по физике и учредила свое государство на необитаемом острове.

Собравшись в круг, нёрды вслушивались в детали переговоров. Кто-то наливал сок из автомата, выжимавшего апельсины. Кто-то, забыв, зачем пришел, обсуждал возможности языка C++.

«Классный момент был, – пересказывал главный программист. – Этот нам: „Вы хотите десять, но мы не можем дать больше пяти“. А Павел ему: „Двадцать!“» Нёрды заулыбались. Старожилы помнили, как предводитель менял себя и учился вежливо хамить.

«Так торгашей и надо троллить», – произнес кто-то. Мы занимаемся важными для будущего вещами, и зачем терять время на какие-то проценты. «Прозрачная позиция отлично работает», – добавил переговорщик. «Да, конечно, – кивнул лидер, – когда ты не врешь, тобой нельзя манипулировать».

«Павел, – спросил один из программистов, – а правда, что наш инвестор хочет слить бизнесы в один холдинг – и мы как бы войдем туда?» Пауза. «Вполне возможно, что так».

Еще пауза. Нёрды сознавали, что слияние с корпорацией может принести больше проблем, чем ярость сетевых коммерсантов. Речь шла о возможной войне за независимость, потеря которой означала бы распад их коммуны, живущей по своим законам.

Мало кто в доме Зингера догадывался, что война идет с первого года жизни «ВКонтакте» и имеет свое предназначение. Возможно, это знали медные валькирии, но никому не говорили и молчали, взирая на человеческий трафик, который тек под ними, несмотря на то что собор, мосты и весь Петербург погрузились в ночь.

* * *

Историю с переговорами мне рассказали ее участники со стороны «ВКонтакте», предусмотрительно записавшие беседу на диктофон (их оппонент не отреагировал на просьбу прокомментировать отношения с домом Зингера).

Я слушал и размышлял о том, что мы не заметили, как нёрды сломали картину мира. Похожие друг на друга утра: конструктор из многоэтажек;

толкотня у поручня или ругань на перестраивающихся справа; метро; люди, уткнувшиеся в газеты, пусть даже в телефоны, – дело не в носителе, мало кто замечает, насколько стремительно технологии изменили сознание и психику.

Сто лет назад человек скакал на лошади к другу, позже пугался прибывающего поезда и плакал, услышав голос в трубке на расстоянии. Знание в пределах одной страны доставлялось днями, часами, наконец, минутами – теперь люди обмениваются информацией мгновенно. Человек говорит и видит абонента, следит за его жизнью в фотокартинках и видео. Люди не стали ближе, но стали откровеннее за считанные годы.

Если раньше личными переживаниями владели мы сами и отчасти наши близкие, то теперь – это любой, перед кем мы хотим обнажиться. Даже если вы не дали допуск к своим мыслям, переживаниям, фото, все равно есть люди, которые владеют выплеснутым вами содержанием жизни – то есть надеждами и страхами, горем и эйфорией, похотью и изменой, сокровенным и непростительным. Тем, в чем признаются, давясь словами, на последней исповеди, владеют люди, которых никто, по сути, близко не знает. Даже если эти люди, втащившие мир в двоичный код, держат слово, как врачи или адвокаты, все равно знание человеческой изнанки у них достовернейшего качества.

В соцсетях человечество обрело децентрализованную нервную систему – одну на многих. Кто контролирует ее нервные окончания, тот знает о людях все: профиль с интересами, биографией, фото, плейлистом сам по себе стал высказыванием и идентичностью.

Миллионы идентичностей порождают «мудрость друзей», то есть коллективное мнение многих, которое становится решающе значимым. Это вызов и раздражитель для экспертов в любых областях знания, которые оказались лишенными монополии на исчерпывающую оценку происходящего в мире.

Социальные сети – это ЦНС, регулируемая не пользователем, а хозяевами кода. Кто эти хозяева, какими качествами наделены, чего хотят, к чему стремятся?

Год назад журнал Vanity Fair выпустил номер о новом истеблишменте. Его вполне можно было бы озаглавить «Мир во власти нёрдов». Более половины списка агентов влияния на умы – программисты, воплотившие свои идеи в коде.

Услышав рассказ о переговорах «ВКонтакте», я подумал, что сценка в переговорной очень характерна и узнаваема. История отличников, которые обвели вокруг пальца мир троечников, мне была близка со школы.

Как всякий чуть-чуть соображающий хорошист с тройками по нелюбимым предметам (а также отсутствием дисциплины, чтобы их выучить), я торчал между высоколобой Сциллой и быдловатой Харибдой. Одна из моих ролей заключалась в том, чтобы служить медиатором между одними и другими, проводником, который мирит, объясняет, находит точки, где одни могут быть полезны другим. Иногда процесс напоминал зажимание зубами оборванного провода связи.

Когда настала цифровая эпоха, эти два мира, две жизненные стратегии находились в точке перелома. Интернет обеспечил тех, над кем хихикали девочки и издевались гопники, шансом подчинить себе мир, облагоразумить его и упорядочить. Ботаниками в руки попало сильнейшее оружие, и им, горбATIVшимся на государства и мегакорпорации, открылось, что код способен изменить мир без посредников. Нажал «ввод» – и things will never be the same again.

Социальные сети – верх их реванша: весь мир создает контент, которым владеет и на котором зарабатывает сама платформа. Люди делятся фото, эмоциями, страхами, самым сокровенным – на их коммуникациях интернет-герои зарабатывают миллиарды. Сервисы вмешиваются в чужие жизни и высасывают из них самое дорогое. Хотите быстро познакомиться – Badoo, продать себя дороже – LinkedIn, составить альбом своей жизни, читая лучшее из газет и журналов и просматривая фото друзей, параллельно переписываясь с ними, – Facebook и «ВКонтакте».

Мир ловил меня, но не поймал, писал философ Григорий Сковорода. Ботаники поймали мир, и Павел Дуров казался типичным генералом этой армии ночи.

* * *

Год назад я колесил по Петербургу. Вокруг гремел День города, человеческие течения напоминали переплетающуюся в ручье траву. Лето еще не разбросало нужных мне людей по отпускам, поэтому мне удалось встретиться с университетскими приятелями, школьными учителями и коллегами Дурова.

Если раньше из его биографии были известны мало что раскрывающие факты («отличник с двойкой по поведению», университетский активист), то теперь кое-что прояснялось. Впрочем, сам он не откликался на письма. Лишь когда меня рекомендовали буквально со всех сторон, ответил в интернет-мессенджере, что не хочет давать интервью Forbes, так как ему

плевать на деньги. Я схватился за эту соломинку и начал спорить. Выяснилось, что взгляды сторон на цель и смысл предпринимательства совпадают, и мы проболтали до четырех часов утра.

Ночной разговор послужил отправной точкой для этой книги.

По мере того как я изучал путь «ВКонтакте», передо мной разворачивалась совсем другая история – более глубокая; не столько о реванше нёрдов, сколько о последствиях их революции.

Дуров оказался той же крови, что и предприниматели нового поколения, стремящиеся изобретать сервисы, которые решают глобальные проблемы (их пока меньшинство в списке Vanity Fair). Например, есть такая малоприятная штука, как непрозрачность или асимметрия информации. Facebook во главе с Марком Цукербергом толкает людей к все большей прозрачности их жизни – привыкай к тому, что твои поступки и связи видят все. Граждане переносят новые паттерны поведения, к примеру, с частной жизни на отношения с государством и бюрократией.

«Я боюсь не новых идей, а старых», – как-то написал Дуров и сформулировал ключевую ценность новых «социалистов»: движение вперед. Он, странный юноша не без снобизма и мизантропии, сначала прятался от публики, а в последнее время, напротив, чудил – разбрасывал деньги с балкона дома Зингера, придумал эротическую фотосессию моделей в своем кабинете, подписывал футболки поклонникам на Дворцовой площади. Затем вызвал лютую ярость сталинистов, написав 9 мая в личном твиттере, что нечего радоваться победе, вернувшей страну в руки палача.

Когда в декабре 2011 года поднялись протесты, он не испугался прокуратуры и не стал ограничивать количество участников группы оппозиционного политика Алексея Навального. Незадолго до этого, на свой день рождения, вывесил на личной странице коллаж из кадров разных фильмов и приписал из «Фауста»: *Vi veri universum vivus vici* – «[Силой] истины я, живущий, покорил вселенную». Коллаж увидели 3,6 млн подписчиков – аудитория, которой вещает Дуров, перекрывает любое печатное издание в стране.

Как ни странно, у этого пафосного человека оказалось много фанатов среди его негромких коллег – интернет-миллионеров. Мало кого принципиально смущало наличие во «ВКонтакте» порнографии и фильмов, выложенных без уведомления правообладателя.

Однажды зимой, стоя у окна цеха бывшей шоколадной фабрики, я наблюдал за рекой. Теплоходы без труда рассекали ледяную кашу по проторенному кем-то створу. В глубине зала начиналось представление,

посвященное рейтингу сетевых предпринимателей Forbes. Чтобы развлечь публику, коллеги устроили голосование в нескольких номинациях.

Зная, что в одну из них – «лучший CEO» – номинирован Дуров, я устроился рядом с основателем «Яндекса» Аркадием Воложем. Нам раздали пульты с тремя кнопками – по каждой на кандидатуру. Первые две номинации Волож сидел спокойно, а когда объявили третью, занес палец над цифрой «3», полагавшейся Дурову, и держал так несколько минут, пока конференсье живописал подвиги номинантов.

Я догадывался, почему владелец компании, стоившей миллиарды и торговавшейся на бирже NASDAQ, проголосовал – как и многие другие – за сына профессора филологии. Дуров создал цифровое государство с населением сто миллионов человек – причем произвел этот финт под носом у государства, где бизнесмены переживали эпоху мелкотемья и боязни не угодить вертикали власти.

«Причина нелюбви ко „ВКонтакте“ заключается в том, что каждый считает, что во „ВКонтакте“ неправильно ведутся дела, недостаточно активно вычищается порнография и „пиратские“ фильмы, а он, дескать, знает, как правильно, – писал случайный комментатор на сайте интернет-деятелей Roem.ru. – Факт: Дуров с командой взял на себя смелость войти в тему, оседлал тренд и теперь гребет бабло, и именно потому, что выстраивает политику так, как считает нужным».

Когда я искал ответ на вопрос, что движет пользователем Twitter под ником Porn King и его командой, которые затащили в «новую нервную систему» более 100 млн человек, то не предполагал, что история стартапа превратится в триллер о сражении за свободу в двоичном коде, цифровой среде.

Исследуя путь взбесившегося и анархического государства нёрдов, каковым, безусловно, является «ВКонтакте», я спиной ощущал взгляды персонажей Бека, Вулфа, Капоте и других охотников за выдающимися историями, которые следует поймать, а не придумать.

И зачем что-то придумывать, если перед тобой люди, которые построили систему каналов, в которых бежит чужая жизнь и создаются миллионы идентичностей-гомункулов. Разговаривая с Дуровым, я чувствовал себя режиссером из первой сцены «Пиратов Кремниевой долины», которому Джобс внушает, что предстоит снять не рекламу, а блокбастер об устройстве, которое изменит мир.

Герой оказался сильнодействующим продавцом идей, и автору стоило много труда раскопать слой, лежащий в их основании. Однако я старался отсекал факты о «ВКонтакте» от интерпретаций и подвергал сомнению

даже те эпизоды, которые не вызывали вопросов. Это было интересно. Как говорится, so long, and thanks for all the fish^[1].

Глава 1

Ботанический сад

Мальчик с томом Сервантеса выходит из подъезда, огибает автомобиль, который какой-то негодяй поставил так, что пешеходы еле протискиваются мимо, и сворачивает за угол. Перед ним пустынные кварталы, поля и высоковольтные вышки, а в физиономию дует ветер – как везде в Петербурге, но в этом районе особенно. Рядом море.

Архитектор раскрасил панели домов в оранжевый и бордовый, чтобы однообразное серое не свело район с ума. Расстояния между корпусами напоминают о заполярных городах, где возводить что-либо можно лишь на сопках, а дворы имеют сторону в километр. Летом они зарастают одуванчиками, разнотравьем и камышом. Вокруг осушенные болота.

Сканируя пространство на предмет гопников, мальчик с книгой идет к трассе. Некоторые многоэтажки недостроены, а улицы недочерчены. У одного корпуса поставили стилобат, а потом, видимо, куда-то просадили деньги – осталась бетонная коробка. Внутри нее горят костры и сидят парни, курят, треплются и малюют граффити. Весной разливаются лужи, и парни сколачивают плоты, чтобы перебраться с континента «Камышовая» на континент «Ситцевая». Маячат котлованы, наполненные мутной водой. За ними чернеет лес.

Перепрыгивая через лужи, мальчик проходит недострой и выбирается к дороге, по которой век назад возили торф. Справа забор кладбища и березки у надгробий. Слева перекопанная площадь, окруженная скелетами панельных многоквартирных гигантов. Гиганты глядят свысока на рабочих в отсыревшей одежде, которые поднимаются из-под земли, где вот-вот – ожидание затянулось на годы – откроется новая станция, последняя на ветке.

Несколько лет мальчик ходил к площади по грязной тропинке, и ему казалось, что он перемещается в предместье Аида: перед ним возникал строй теней – пенсионеры и несуны с завода продавали метизы, подшипники и еще что-то из подвергшихся насилию металлов; когда метро наконец ожило, тени исчезли. Пока же метро не открылось, дорога мальчика к ближайшей станции и оттуда до школы лежит через подболоченное поле, засеянное бетонными столбами и их обломками. Наверху в проводах гудит электричество. Сереют трубы, а зиккурат

фабрики, выпускающей фотоаппараты, сбегает вниз ступеньками – тупыми серыми блоками.

Оглянувшись, мальчик форсирует торфяную дорогу и упирается в поле. Перед ним заброшенный аэродром и остатки военной базы. Бомбоубежища, накрытые искусственными холмами, и закрытые на замок корпуса, бункеры. Он взбирается на холм и разглядывает дымящиеся горы мусора вдали. Когда ветер дует неудачно, сталкер ощущает присутствие ужаса квартирных маклеров – помойки. Пейзаж как бы говорит: больше трэша, больше ада.

Но в этот раз дым не долетает, пахнет морем. Мальчик, устраиваясь на крыше бункера, открывает книгу и погружается в нее. Гопники сюда не забредают, да и вообще кругом живет мало людей. Он худой, невысокий, не различает буквы на третьей строчке снизу; логопед не плакал по нему, а пожалуй, справлял тризну. И он торчит часами на крыше в одиночестве, если не считать Сервантеса.

Он мог бы пригласить с собой братьев, но старший, сводный, Михаил – взрослый, жил отдельно от матери, а средний, Николай, был настолько умен, что не интересовался аэродромом. Когда Николаю было три года, родители сажали его на свободное место в троллейбусе и выдавали книгу – например, «Популярную астрономию». Никто из попутчиков не верил, что ребенок ее читает, – рассматривает, поди, – но Николай читал. Он рано выучился арифметике, а в семь лет щелкал кубические уравнения. Однажды его даже зазвали в телевизор на шоу вундеркиндов.

Это произошло, уже когда семья перебралась с Балтики на Адриатику. Отцу, доктору филологии, предложили учить иностранцев русскому языку в Индии или Италии. Индусы манили поместьем с садом, прислугой, комфортом. Итальянцы известили, что главу Института русского языка ждут в однокомнатной квартире, но в Турине. Что выберет латинист?

В общем, «мальчика с Сервантесом» – то есть Павла – не взяли в стесненные условия и оставили бабушке, пока не наладится быт. Та жила на Невском проспекте в тридцатиметровой комнате, окруженной чистилищем коммуналки. По блокадной привычке крутила страшное количество консервов и заполняла полки банками. Семья не сообщила Павлу, что летит в урезанном составе. Когда объявили едва ли не в последний момент, он, четырех лет от роду, не переварил это известие и начал бить банки предательства.

Бабушка паниковала и жаловалась родителям: мальчик капризный и неуправляемый. Среди ночи он щелкал кнопкой телевизора и пялился на

экран. Показывали заседание во Дворце съездов, и его, как многих детей, захватывал поток непонятных и интересных слов: «президиум», «кандидат», «перестройка», «гласность», «кооператив». Его первое воспоминание о себе – как сидел на ковре и строил из кубиков башню. Второе – как ставил кости домино одну на другую, стараясь забраться как можно выше, пока стела не рухнула.

«Исступленное стремление к созиданию изначально есть практически у всех, просто у меня оно осталось по мере взросления и не было вытеснено псевдоценностями общества потребления, – этот пассаж высветился на экране в половину четвертого одного июньского утра. – Возможно, потому что я сохранял голову в чистоте: не смотрел телевизор, не читал газет, не принимал на веру мнение авторитетов».

Мы переписывались восемь часов подряд, отвлекаясь на разговор с редактором (автор) и консультацию разработчиков (герой). Подумав, Дуров добавил: «А может быть, это не причины, а следствия. Все, ухожу, я сегодня еще не ел».

Позднесоветский детский сад мало отличался от современного – раз ты прописан в таком-то районе, значит, твоя тарелка манной каши именно там. Тусклыми утрами мальчик и пожилая женщина выходили из подъезда, пряча глаза от ветра, и ждали троллейбуса. Цепляясь за перила, лезли в него, как альпинисты по веревке, и тратили часы своей жизни, чтобы достичь окраины. Так Дуров возненавидел бюрократию.

Через несколько месяцев мать прилетела и забрала его с собой. В итальянской школе детей учили иначе, никакого принуждения. Тогда-то педагоги и опознали в его брате Николае вундеркинда, а телевизионщики рекрутировали на телешоу.

Павла никуда не звали. Но, во-первых, ему перепало от эрудиции брата. Родители, уложив их, гасили свет и уходили, после чего старший пересказывал младшему самое интересное из прочитанного за день: созвездия, логарифмы, *origin of species* и т. д. Они, разумеется, дрались и дулись друг на друга, но старший не жадничал и делился тезаурусом.

А во-вторых, младший брат был одарен по-своему. Когда в семью приходил гость, он брал карандаш и бумагу и под кухонный диспут рисовал прибывшего. Перед тем как портретируемый собирался прощаться, ему демонстрировали картину – и часто сходство сражало; конечно, если учесть, что автор – первоклассник.

Возвращение на родину далось трудно. Павла ждала приличная школа, где он совсем не страдал, пока однажды не понял, что знает английский лучше, чем пришедшая на замену заболевшей англичанке девушка. Он так

и сказал ей: «Вы плохо учите». Похожий конфликт тлел между ним и преподавателем русского.

Ученик плевал на субординацию и считал важным лишь то, что англичанка делает ошибки, – и почему в таком случае директор ждет, что он заткнется?! Возраст он не считал чем-то, что обеспечивает авторитетом, – еще с той поры, когда бил банки. Есть факт, и ничто не должно его затмевать. А факт в том, что... и т. д.

«Я боролся со страхом, – вспоминал потом Дуров. – Учитель держит всех в магическом оцепенении – если все не замолчат, произойдет что-то ужасное. Надо расковырять это ужасное. Ну, встану я и заору – что она может сделать? Исключат из школы? Но даже в этом случае есть плюсы. Я и то и другое огреб – и тройку за год, и исключение. А есть люди, которые боятся самого страха».

Родители узнали быстро. Отец подчеркивал, что не надо идти на конфликт, но учителей не защищал. Мать сочла, что сыновья разумны и воспитанны и вряд ли ни с того ни с сего станут хамить учителям; очевидно, учителя проявили недостаточный профессионализм – не смогли справиться с сыном.

Ей самой в старших классах однажды прислали другого физика, и она из чувства протеста подбила класс уйти в кино. На других предметах, если ее что-то не устраивало, выходила к доске нарочито вежливо. «Отвечайте урок». – «Это [допустим, формула] так-то?» – «Да». – «Это [первый ход решения] так-то?» – «Верно. А дальше?» – «Я не знаю...» Класс понимал, что вожак все знает, но протестует и защищается.

Отличница чувствовала за собой право на саботаж. Она росла в Омске, рядом с переселенцами-немцами, и выучила их язык. Блестящие способности. Когда ее мама заболела раком, решила участвовать в изобретении лекарства против опухолей и подала документы в Хабаровск на медицинский. Затем уехала в Ленинград. Выбирая, где учиться, определилась с журфаком и поступила без особых проблем.

Непонятно, какая школа взяла бы ее сына с трудным характером, если бы действие разворачивалось не в Петербурге – колыбели интеллигенции, которая веками строила социальные связи, чтобы выучить детей в приличных заведениях. Друзья отца, филологи Русаковы, после открытия педагогической вольницы возрождали систему классического дореволюционного образования – в собственной школе. Тогда, в 1992 году, им повезло – Академической гимназии при университете достался крупный транш от Министерства образования. Накал энтузиазма в то время был высок, о «пилежке» средств речи не шло – поэтому Русаковы под свои

«общеобразовательные классы» получили деньги и арендовали Аничков дворец на Невском.

Педагогическая идея в целом выглядела так. Если ребенка учить с малых лет математике и языкам, он научится думать и воспринимать информацию таким образом, что новые науки и умения освоит без труда. От классического образования оставили латынь, заканчивающуюся в выпускном классе «Записками о Галльской войне», английский, французский и немецкий языки, которые вводились последовательно.

Сперва классы жили в роскоши, учеников возили по Европе, и они едва ли не столовались по талончикам в «Метрополе». Русаковы как люди талантливые, но непрагматичные, считали, что школа должна быть бесплатной – чтобы могли учиться таланты из бедных семей. Затем деньги иссякли, и энтузиасты съехали в плохо отапливаемые помещения университета. Классы предложили родителям сдавать 83 рубля в месяц – в тот момент минимальная оплата труда, – но родители отказались. Гимназия поставила экспериментаторам ультиматум: «Самоокупаемость или роспуск», и Русаковы ушли. Началась эпоха мытарств. Тогда профессор Дуров и привел в классы заносчивого младшего сына.

* * *

Мальчика пригласили пройти отбор – письменный тест, затем задачи на лингвистическое чутье. Предлагалось ознакомиться с текстом, написанным на несуществующем языке, – и, разобравшись в его структуре, с помощью скудных вводных догадаться, о чем идет речь. Дуров проанализировал имеющуюся информацию и сдал листок с ответом. Все оказалось верно, и последующее собеседование было почти формальностью.

Новый директор Григорий Медников снимал помещение в конструктивистском доме культуры у «Нарвской», где в 60-х на поэтических турнирах являлся публике Бродский. Английский учили в аудитории, которую оккупировал клуб анонимных алкоголиков. Историю – в помещении, где адвентисты разучивали за партами гимны. Рядом «зажигал» клуб «Пляшущий пенсионер». Дорога в эти остросюжетные обстоятельства занимала у Дурова час: автобус до метро, пересадка, эскалатор и немного пешком.

Я помню Петербург того времени. Декабрь, утро. На улицах тусклый свет, аэродинамические трубы подворотен, сугробы, как морены ледника,

ползущего по мостовым. Ощущение, что город сплотился, чтобы пережить темень этих месяцев.

Хозяйка, у которой вписывались друзья, жила по адресу Большая Морская, дом 2 – то есть почти в арке, выводящей на Дворцовую площадь. Тревожить ее было неприлично, поэтому мы пробрались переулками к трамвайной линии, чтобы выспаться на протяженном маршруте. Вверху болтались фонари, неслись по касательной люди-футляры, спешащие скорее прятаться от ветра, чем к рабочему месту. Двери в трамвае стреляли, как красные матросы, и вздремнуть не удалось. Надежда скоротать время в Ростральной колонне пропала, когда за дверью, ведущей в ее недра, мы нашли спящих бродяг.

Вывалившись из стреляющих дверей, толкаясь среди замерзших футляров, к метро устремлялся и Дуров: «Я помню очереди на подступах к станции. Метров за сто. Самое опасное место – поручень, туда выносило тех, кто не сопротивлялся».

Он оказался самым младшим в классе. Сначала сидел за партой с девочкой Тасей, которой нравился. Одноклассники вспоминали, что Тася зачем-то носила соседу медяки, копейки, и он пересыпал их в портфель. Позже Дуров оккупировал первую парту, где пребывал чаще всего в одиночестве, ссутулившись над тетрадями или рассматривая – третья строчка снизу яснее не стала – то, что нацарапано на доске.

До старших классов у него не было друзей. Исключение составил товарищ, с которым они проучились неполных два года. Этот ученик одним своим присутствием спасал общеобразовательные классы от развала.

Каждое утро Слава ехал в школу на лимузине с охранником, разглядывая в окно сонный Кировский район. Он тормозил авто за три квартала, вылезал на тротуар, продевал руки в лямки рюкзака и шагал к Дому культуры, не глядя на проезжую часть. Там, прикидываясь, что хочет припарковаться, полз лимузин. Молодой человек был сыном короля игорных заведений города Михаила Мирилашвили.

В общеобразовательных классах тусовались дети интеллигенции, и не каждая семья с легкостью вносила оплату, которую пришлось ввести. Например, для Дуровых это было существенной тратой.

По закону голливудо-болливудских драм столкновение Славы с гордыми детьми, занимающими унижительную вторую, если не третью полку в социальном купе, вело к неизбежному конфликту.

Однако сюжет развивался в колыбели интеллигенции, а не в «Голли-Болли». Слава оказался вежлив, корректен, учился не хуже прочих.

На переменах сын миллионера бегал в пышечную и влетал в класс,

держа в руках замаслившийся пакет с выпечкой. Дуров оказался едва ли не единственным, с кем подружился Слава.

Жизнь в классе бурлила. Предводители Диевский и Паперно придумали свое государство и написали конституцию. Класс играл в демократию, избирал президента и т. д.

Дурова, может быть, это и волновало, но вида он не показывал, иронически улыбаясь массовым развлечениям. Его одолевали собственные идеи об успехе и власти. Сидя на крыше бункера у аэродрома, он штудировал Кастанеду в компании с Наполеоном Хиллом. «Ты – то, что ты думаешь; думай и богатей».

Однажды класс проходил «Обломова». Илья Ильич как зеркало русской души. Дискуссия. Большинство соглашается, что главный герой добр, безвреден, а Штольц вполне бездушный немчура, механизм и чужеродное тело на славянских просторах.

Руководил обсуждением Николай Гуськов, учитель словесности, известный тем, что любил средневековую литературу. Итальянцу Дурову нравилось, что Гуськов фокусируется на малоизвестных течениях – например, прованских или ломбардских трубадурах. Правда, эта симпатия не отменяла его «идеи фикс» – быть во всем *contrarian*, противоположным общепринятому взгляду на вещи.

Выслушав про нежную душу Обломова, Дуров (о русские дворянские фамилии!) поднял руку. Гуськов дал слово. «Я считаю, что произведение, поэтизирующее лень, следует исключить из школьной программы», – проговорил Дуров. Класс вздрогнул и вышел из оцепенения. Дискуссия свернула на непредсказуемую дорожку.

«Лень упрятана глубоко у нас в культуре – „работа не волк“ и т. д., но людская лень – это все ж таки плохо с точки зрения развития экономики, науки и искусства, – продолжал менторствовать Дуров. – Ничего неделанье ведет к регрессу и распаду. Поэтому для всей нашей страны, да и культуры, было бы лучше, если бы люди были по возможности менее ленивыми. А что делает Гончаров? Он поэтизирует лень. Заставляет ей сочувствовать с помощью милого Обломова. Активную жизненную позицию он, напротив, дискредитирует с помощью механистичного Штольца. В итоге роман не мог не отразиться негативно на многих сферах человеческой деятельности в нашей чудной стране».

Гуськов не удивился. Он привык, что резонер не просто гонит против всех, а ищет аргументы и доказывает. Кроме Гончарова под шквал ругани уже попадал Достоевский: «Я считаю, что он ужасный писатель, потому что...» Дальше шло доказательство через психологию, неувязки в сюжете,

избыточность языка.

В другой раз класс чуть не передрался из-за «Вишневого сада». Интеллигентные дети порицали купечество в лице Лопехина, влезшее сапогами в кружевную душу Раневской, а Дуров орал, что Лопехин – человек дела; помещики сами сгубили сад по лени и бездарности.

Один из его прадедов был дворянином и помещиком, а другой – зажиточным земледельцем. Обоих лишили собственности красные иждивенцы. Поэтому нелюбовь к грязи, получающей все, содержалась в крови Дурова изначально.

Позже, в университете, он отправится в дискуссионный клуб, где позицию оратора выбирает жребий и считается удачей защитить, к примеру, фашизм. Личные убеждения многие отобьют – а как насчет тех, что признаны преступными?..

Гуськов был доволен – спор запылал, девочки набросились на Дурова, доказывая, что Обломов хоть и слабый человек, но порядочный, добрый и т. д.

Директор привлекал таких, как Гуськов, всеми правдами и неправдами. Сам Медников был опытным учителем математики, дети его обожали и называли за глаза и в школьном фольклоре Гризом (от медведя гризли). Он быстро все понял про Дурова и не давил на ученика, подбрасывая задачи посложнее. Когда удавалось заразить идеей, Дуров приносил невиданные объемы решенного. Будучи незаинтригованным, показывал средние результаты.

Медников приглашал ученых, способных рассказывать детям всякие занимательные штуки. Так в классы угодили Евгений Нинбург – известный гидробиолог, который увлекал детей тем, что был не кабинетным теоретиком, а месяцами пропадал на Белом море и возил недорослей в экспедиции. Нинбург преподавал теорию популяции и эволюции.

Как-то раз в ресторане «Терраса» с видом на Казанский собор, разламывая хлеб резкими движениями и скатывая из него шарики, Дуров рассказал, как эти теории взорвали ему мозг. Он отшатнулся от позитивной психологии и Хилла и стал воспринимать людей как продукт среды, естественного отбора. Если дать человеку выбор, он выберет, что хочет, – и результат будет достойным вознаграждением за этот выбор. Да, есть вопрос, стоит ли поручать людям выбор. Люди ведутся на манипулирование, выбирают иррационально. Но и манипуляции, и маркетинговое зомбирование, и политика – это тоже поле интеллектуальной конкуренции, а конкуренция была и осталась главной святыней Дурова.

Еще одно знание, приобретенное через Нинбурга и сыгравшее некоторую роль во всем, что происходило с «ВКонтакте», – о поведении человека. Однажды, спускаясь из штаба по лестнице, устланной коврами дорожками, Дуров пересказывал мне известный эксперимент с обезьянами и электричеством.

Обезьян посадили в клетку и регулярно подбрасывали им бананы. Но, как только кто-то брал эти бананы, группа получала удар током. Вскоре тех, кто тянулся за бананом, били свои. Затем старожилы по одному начали менять на новоприбывших особей и в какой-то момент отключили электричество. Но все равно группа саморегулировалась так, что новоприбывшим запрещали касаться бананов. В финале клетка наполнилась приматами, которые ни разу не получали удар током и даже не общались с теми, кто получал, – и эта группа хранила священный ужас перед прикосновением к желанной и безопасной еде.

Когда мы вышли через крутящиеся двери на ночной Невский, я спросил: «И зачем вы это рассказали?» «Да так, размышляя об этом эксперименте, я лучше стал понимать суть человека», – пожал плечами Дуров.

Алексей Руткевич вел у гимназистов спецкурс по психоанализу и рассказывал, как психика может влиять на вербальное и визуальное творчество. Юнг, Фрэнк; развитие мозга человека с внутриутробного периода; как определить психотип. Руткевич учил школьников рассчитывать размер своего мозга, а потом уточнял – у кроманьонцев объем мозга был еще больше, но извилин меньше.

Руткевич навел Дурова на тексты изобретателя IQ-тестов Ганса Айзенка. Айзенка подвергали обструкции, к примеру, за утверждение, что у черной расы пространственная и вербальная логика хуже. Дурова взбесила политкорректность, не позволявшая признать, что люди одной национальности могут быть более или менее успешны в каком-либо роде деятельности, чем люди другой национальности.

Тогда же, в девятом классе, он прочитал Фрейда и позже, когда выбирал цвета и логотип для «ВКонтакте», мысленно слал поклон учителю. Выпуклая женственная буква «В», набранная обычным шрифтом без засечек, Tahoma. Красный огонечек оповещений, загоравшийся в Facebook, Дуров копировать не стал и третий цвет, черный, ввел только вместе с всплывающими окнами оповещений.

Когда он выбирал нейтральные цвета – синий и серый, – вспоминал уроки, на которые приходил художник, друг Медникова, периодически в подпитии, и рассказывал про Рафаэля, Микеланджело, пропорции, свет.

Раз в неделю он брал класс с собой в Эрмитаж.

Короче, Дуров учился у людей, стосковавшихся по свободе творчества и любящих делиться. Однако их педагогическая синекура цвела на фоне закручивающейся диссидентской истории – школа вечно пребывала в статусе гонимой.

Когда Славу Мирилашвили отдавали в это заведение, педагоги еще как-то выкручивались с арендой. После того как их выгнали из дома культуры с «Пляшущими алкоголиками», Михаил Мирилашвили взялся помогать с арендой нового помещения. Но союз педагогов и хозяина «одноруких бандитов», чей офис квартировал в бронированном особняке, просуществовал недолго.

* * *

Ночной звонок простучал как пулемет. Медников схватил трубку. Человек, отвечавший за безопасность семьи Мирилашвили, извинился за беспокойство, но дальше говорил настойчиво.

Шефа обвиняют в похищении людей, Славу срочно эвакуируют в Израиль. Надо как можно быстрее передать его личное дело и медкарту; насчет помощи школе решим позже.

Дождавшись утра, Медников приехал в свой кабинет, откопал в сейфе нужные бумаги и выдал их прибывшим посланцам. Слава улетел, после чего они с Дуровым не виделись семь лет.

Классам продолжили «делать биографию». Их хотели приручить, посулив новый дом: выселяйте ПТУ у Смоленского кладбища и забирайте помещение. Полторы сотни учеников и их родители давно осознали, что они диссиденты и подмоги ждать неоткуда. Орда, желавшая учиться по своим законам и у своих учителей, вскрыла замки и вывезла станки.

Когда Медникову дали подписать устав, он с изумлением обнаружил, что в бумаге проставлен другой адрес. Власти оказались хитрее диссидентов, выгнали пэтэушников их руками и хотели передать отбитый дом университету.

Классы подняли бунт, и школу закрыла санэпидемстанция. Ее визиты были чем-то вроде ритуала. Когда мы условились с Медниковым встретиться на Черной Речке, первое, что он сделал при появлении, – протянул мне книжку о классах, с фольклором, славословиями и статьями, зачем обществу нужны люди Ренессанса. Половина песен, которые сочинили ученики, описывала, как среди урока в класс вламываются

пожарники, санитары и другие слуги народа.

Октябрьским утром приехавшие со всего города бунтовщики увидели перед носом замки на дверях. Учителей отрезали от личных вещей, оставленных в классах.

Гриз смог войти в здание лишь в январе. В одну из комнат кто-то из учеников принес цветы и аквариум, когда начинали обустраиваться. Отперев комнату, директор увидел сухие стебли и глыбы льда с застывшими кусками рваных оранжевых лент. Присмотревшись, он понял, что это замерзшие рыбы.

Школу приказали размазать по соседним учреждениям. Но диссиденты скандалили громко и умело, созвали митинг у Мариинского дворца. Город обратил внимание, что из-за склок дети пропускают занятия, и решил вернуть классы гимназии – пусть доучиваются, но новых набирать нельзя.

В новом здании впервые возник компьютерный класс и начались приключения, связанные с дуровскими штучками. Павел как раз учился программировать и однажды утром завесил экраны всех компьютеров портретом учителя Михаила Бараза с надписью «Must die». Начались догонялки. Учитель закрывал ученику доступ к сети, а тот раз за разом взламывал пароли.

Дуров так надоел Баразу, что тот дал ему задание написать игру – проект на несколько месяцев. Две недели информатик отдыхал, но отпуск кончился внезапно – к нему явился Дуров с готовой игрой, написанной во Flash.

У хакера был свой раздражитель. Брат Николай попал в систему тех же математических кружков, из которой вырос Григорий Перельман и другие топологи и геометры. Его вычислил на городской олимпиаде известный тренер Александр Голованов и заманил в кружок не менее известного Сергея Рукшина – учителя Перельмана. Вскоре после этого Николая рекрутировали в знаменитую «единичку» – спецкласс 239-й школы, где учились призеры олимпиад. Помимо математики он с головой погрузился в программирование.

Школа славилась тем, что в первые два класса параллели – «единичку» и «двойку» – набирали гениев. Гении росли и начинали понимать следствия из того, что аналоговую эпоху сменила цифровая. Интернет дает возможность им, нёрдам в стоптанных сандалиях, создавать программы, игры, пространства, которые неподвластны тем, кто думает менее изящно и быстро.

Власть капитала пасует перед властью таланта. Если коммунисты

прятали нёрдов в институты-ящики, создавая годный для выживания и удовлетворения амбиций климат, – то теперь они вырвались на волю и строили продукты, меняющие мир. Путь им указывали Стив Джобс, Билл Гейтс, Сергей Брин, Линус Торвальдс, Джимми Уэйлс. Все перечисленные слыли ботаниками. Когда программные продукты и интернет-сервисы вплотную приблизились к жизни потребителя и стали ее ежедневным инструментом, как зубная щетка или автомобиль, нёрды ощутили власть и вошли во вкус.

Впрочем, в 239-й школе лишь небольшой процент гениев совпадал с образом аутичного носителя очков с гигантским «минусом». Когда «единичка» приезжала в летний лагерь на озеро Зеркальное, отряда математиков боялись все остальные, потому что парни обыгрывали всех в футбол и были не дураки подражаться. На переменах из дверей школы вываливались старшеклассники и расползались по прилегающим дворам под названиями «Дымок-1» и «Дымок-2». В соседней школе сдвинули звонки, чтобы за гаражами не дрались, например, за девочек. Милиция часто наведывалась в «дымки».

Но, конечно, лучшими в классах были хронические нёрды. Именно они – концентрировавшиеся на страсти к математике, реже к физике и биологии – достигали мирового уровня в науке. Остальные превращались в высокообразованных менеджеров, журналистов, маркетологов – в общем, вливались в креативную страту, которая создавала что-то для конечного потребителя. Им, как и в школе, где учился Дуров, внушали, что именно они интеллектуальная элита и что от них зависит будущее страны. Если не мы, то кто?

Николай Дуров относился к хроническому типу. Он выиграл сначала российский чемпионат по программированию, а затем и мировой. Мама, исправно посещавшая родительские собрания, благодарила Медникова за то, что он не давил на Павла так, как в «единичке» тренировали Николая. Медников ругал идейного вдохновителя маткружка Рукшина – мол, когда у ребенка нервный срыв или энурез из-за нерешенной задачи, это ненормально: «Он, наверное, самый великий тренер по математике в мире, но у него на первом месте математическое, а на втором человеческое. Я не отдал бы ему своего внука».

Николая звали судить соревнования. Ученикам раздавали задачи, они их решали, а потом судьи определяли, кто справился элегантнее. Дуров-старший не принимал участия в обсуждениях, рисуя что-то на бумаге, а когда спрашивали его мнение, часто показывал лист с верным решением задачи или просто рассказывал, как правильно было бы с ней разделиться.

Коллегия произносила что-то вроде: «Что ж ты молчал!» – и меняла свои вердикты.

Николай был совершенно погруженным в свою страсть человеком, далеким от денежных, карьерных и других суетных стремлений. Когда ему доводилось выступать на публике, он, покачиваясь с ноги на ногу и глядя в потолок, кратко обрисовывал смысл своих изысканий и быстрее отправлялся к доске, где чувствовал себя увереннее, имея перед глазами формулы.

По своему типу Дуров-младший находился где-то между ботаниками и активными умниками, а может, и сбоку. Как-то раз он прочел в эссе Пола Грэма «Почему ботаники непопулярны», что нёрды не хотят быть самыми красивыми или успешными в понимании большинства (хотя глупо думать, что это их не волнует) – они хотят быть самыми умными.

Нельзя утверждать, что Дуров свирепо завидовал старшему брату, но конкуренция с ним подстегивала. Он тоже записался в кружок программирования и летом съездил на Зеркальное. Там его попросили прочесть лекцию о языке паскаль.

Дуров вышел перед несколькими десятками незнакомцев, обвел аудиторию рассеянным взглядом и, запинаясь, начал вещать. Прошло несколько минут, и, почувствовав, что слушают, он заговорил более уверенно и после лекции свободно отвечал на вопросы.

Он превращался из худого мальчика, согнувшегося над партой, в более общительного, но по-прежнему отстраненного товарища. Портрет со слов одноклассников: «Всегда находил способ быть отдельным»; «Некомандный человек»; «Никогда не был органичен»; «Внутри него шла работа, которая наружу не прорывалась».

Дурова захватывала идея эффективности. Как успевать на отлично сразу по нескольким предметам – это было продолжение вызова кастанедовско-хилловского: «Ты можешь все». Дуров концентрировался на учебе, и даже программирование, которое затягивало его все сильнее, отошло на второй план.

Из всего класса на серебряную медаль тянули двоих – его и Аню Бертову. Впрочем, они, как и большинство учеников, разговаривали без всяких «Ань» – только на «вы» и по отчеству. Это были интеллигентные дети, инфильтрованные диссидентством и порожденным им чувством избранности. «Здравствуйте, Павел Валерьевич». – «Добрый вечер, Анна Дмитриевна». После уроков с ними занимался Гриз.

Закончив тесты, они шли домой и болтали на нравственно-этические темы. Дуров утверждал, что ежели кто беден, то потому, что ленив

и неспособен поднять зад для великих свершений. Бертова приводила в пример родителей, астрономов, которые вели себя отнюдь не пассивно, но жили не в роскоши.

Так они спорили до июня, когда получили по серебряной медали – золотая оказалась недостижимой. Бертова как воплощенная педагогическая идея о человеке Ренессанса готовилась на матмех, но потом внезапно передумала и без усилий прошла на японскую филологию.

Дуров перестал сторониться самодеятельности. Если на снимке 8-го класса (был день рождения у Бертовой) он единственный из всех намеренно и гордо смотрит мимо камеры вдаль, то теперь, перед выпуском, как с иронией заметила одна из звезд класса, «с ним уже можно было общаться». Он написал пьесу для утренника по мотивам программы «Кто хочет стать миллионером» и сыграл в ней роль саркастичного ведущего.

Ощущение того, что классы и их обитатели вечно гонимы, не спланивало его ни с кем, когда речь касалась зависимости его воли от коллективного разума. Перед выпуском параллель хотела сняться для альбома, чтобы каждый получил по экземпляру на память. Староста приступил к Дурову насчет участия в общем котле.

– Какой альбом? – спросил Дуров.

– Ну, вот такой, где мы все.

– А почему именно так будут снимать?

– Ну, вот так договорились.

– Нет, я не буду.

– Ты что, с ума сошел?

– Не буду, и все! – заорал Дуров, взбешенный, что его ставят перед фактом. – Бараны вы такие, я не хочу, как вы, всем стадом сдавать!

Альбом напечатали без него.

Ночью после выпускного они гуляли по набережным Петроградской стороны. Под утро добрались до квартиры Гриза, пили на кухне чай и по традиции рассказывали, кто кем видит себя в будущем. Дуров молчал.

Диевский задвинул про математику, Паперно – про лингвистику, Русин визионировал насчет кораблестроения, постебались над айкидисткой Бертовой.

Когда Дурова спросили, кем себя видит в будущем, он прервал молчание и сказал, улыбаясь: «Тотемом». Его желания, страсти, умения сложились в одну формулу. Все неинтересное и ненужное отсеялось.

Он повторил то, что окружающие расценили как шутку, не подозревая, что произнесенная фраза определит все, что произойдет дальше: «Я хочу стать интернет-тотемом».

Глава 2

Архитектор

Очередь извивалась от «Капитанского мостика» на лестнице – через коридор «Школы» с ее досками объявлений, завешанными подрагивающими от сквозняков листами («Студенческая карта ISIC», «Семинар по финно-угорским диалектам переносится», «Двоечников, не сдавших хвосты до пятницы, повесят в деканате»), – и тянулась до дверей «Евразии», то есть аудитории № 215. Здесь толкались, делая вид, что с иронией относятся к обстоятельствам, блондинки, брюнетки, рыжие, миниатюрные и дылды – короче, все студентки филфака и востфака, которые сочли себя достойными конкурса. Приклеенная к стене афиша звала на «студенческий конкурс эстетики и дизайна „Олимп“». Внизу ее стояли логотипы спонсоров: Elle, Mary Kay, Motivi.

Время от времени дверь выпускала отстрелявшихся, и к ним подбегали из очереди:

- Что там? Пели-танцевали?
- Да нет, просто говорили.
- Говорили?
- Ну да, говорили, как собеседование.
- А кто они, симпатичные?
- Ну такие, вполне, хи-хи. Дали визитку, смотрите...

Толпа рассматривала черные карточки, напоминавшие те, что имели хождение в гарвардском студенческом клубе. На одной было напечатано «Durov.com Club – Ilya Perekopsky, Vice President». На другой, собственно, – «Pavel Durov, President». Ничего больше.

Те, о ком сплетничала очередь, еле ворочали языком, скулы сводило от болтовни. Они сидели за партой. Первый – коротко стриженный шатен в поблескивающих оправой очках. Второй – бледный брюнет в черном, волосы на прямой пробор, кажется, близорукий. Солировал он.

Зашедшую в аудиторию жертву приглашали к парте. Брюнет демонстрировал рассеянную, чуть неестественную, но в целом убедительную улыбку и спрашивал голосом самоуверенного старшеклассника – про литературу, музыку, философию, вкусы. Какое у вас хобби? Танцы? Ну-ну. Периодически он сбивал ответчиц парадоксальными вопросами, выставлял их убеждения примитивными – короче, вредничал

и издевался.

Если конкурсантка о чем-то переспрашивала, он смотрел на нее, пока она говорила, кивая и держа взгляд. Когда вопрос был задан, он продолжал молчать, чуть щурясь и как бы убеждаясь, что соискательница уже закончила. Если требовались размышления (обычно нет), смотрел в сторону, а потом отвечал слегка разухабистым, напористым, но непременно вежливым тоном, из которого нельзя было понять, прошла девушка в следующий тур или нет.

Товарищ вредного чернеца (им был Дуров), Илья Перекопский, поддакивал и шугал мужской пол, заглядывающий в аудиторию с саркастическими, а иногда идиотскими лицами. Кроме этого, он прикидывал, отчего их конкурс выстрелил. Да, на филфаке отсутствовала всякая студенческая активность – и вдруг такое шоу. Да, афиша выглядела не хуже плаката к блокбастеру – черный фон, стальные буквы и логотипы модных спонсоров, которые обещали, что мероприятие статусное. Но аншлаг-то откуда?

Перекопский также размышлял и о том, что, конечно, найдутся обиженные и поднимется народный фронт: «Честные женщины против сомнительного конкурса». Но, во-первых, они покажут декану, на что способны, а во-вторых, как бы то ни было, перезнакомятся с лучшими красавицами факультета. Красота – страшная сила, прелестные кадры объединяют компании, вокруг них выются активные парни.

Их с Дуровым девушки не принимали участия, считая конкурс чем-то ниже своего достоинства. Но и сцены ревности не закатывали. Дуров учил Перекопского, что отношения надо строить так, чтобы женщины не влияли на творческие эксперименты, к которым имеют гораздо меньше способностей, чем мужчины, и не перехватывали власть. Перекопский был поражен тем, что Дуров как-то в воспитательных целях не разговаривал со своей девушкой две недели.

Впрочем, резоны «приянь декана» и «знакомство с бьюти-активом» имели для тандема побочное значение. Цель находилась в другом месте – и, чтобы попасть в нее, требовалась спланированная публичная кампания, где конкурс выступал лишь эпизодом закрученного сюжета.

Отсеяв пятьдесят симпатичных и остроязыких филологинь, они выпроводили последнюю конкурсантку, заперли аудиторию и отправились готовиться к следующему туру.

Перекопский явился в Петербург из металлургического города Череповца, где окончил лучшее заведение и был натаскан репетиторами. Родители сняли ему квартиру недалеко от Сенной площади и высылали денежное содержание. Перекопский любил деньги, хотел зарабатывать их много и английский язык учил не ради красот, а для деловых связей.

Главная такая связь его жизни установилась в первый же день. Вместе с толпой поступивших Перекопский влился в узкий холл двухэтажной усадьбы, миновал бюсты первых деканов востфака и филфака Александра Казем-Бека и Бодуэна де Куртене и вскоре очутился во внутреннем дворе. Его критический глаз исследовал курс в поисках товарищей.

Товарищи не находились. Один, когда разговаривал с людьми, смотрел в землю. Другой, как в анекдоте про разницу между программистом-интровертом и программистом-экстравертом, смотрел не в землю, но на туфли оппонента. Третий оказался церемонным мажором. Зато наличествовала туча, тьма, стая прекрасных девушек, как и полагается на факультете невест.

И тут толпа извергла из себя Дурова – эдакого джокера без легко считаваемых свойств, в белой рубашечке. Они как-то стихийно познакомились и разговорились. На первой лекции сели вместе, и их объединило легкое жжение от открывавшихся университетом возможностей и вообще от новой жизни, которая началась и продлится пять лет.

После занятий сутулый мальчик с первой парты шел с новым приятелем через Дворцовый мост до метро «Невский проспект» и, как вспоминал потом Перекопский, трещал про свои общеобразовательные классы и пересказал полжизни. Уроженец города хоккея и едкого дыма из труб умудрялся вставлять какие-то фразы в этот монолог, но редко.

Я повторил их путь от филфака до «Невского проспекта»: 3500 метров, полчаса быстрым шагом с поправкой на ветер. Если Дуров столько проболтал с впервые встреченным человеком и увлек его, это означало лишь одно – сидя на первой парте, он прослыл социопатом потому, что в школе мало с кем хотелось говорить. Ни в классах, ни на озере Зеркальном не встретилось удобного характера, устремленного к проектам, напрямую связанным с людьми и их потребностями.

Перекопский был удобен. Он сразу понял, что Дуров обдумывает далекоидущие идеи и ставит цели точнее, но при этом не любит рутинную работу, необходимую для воплощения этих идей. Роль второго лица в тандеме Перекопского устраивала.

Как-то раз, отвечая на опрос: «Для чего нужно чего-то добиваться?» –

он написал: «Чтобы были деньги. Я их коллекционирую. Нужно же что-то коллекционировать?»

Прагматик и визионер осознали, что полезны друг другу, имеют взаимодополняющие сильные стороны, и сдружились.

Сначала их устремления не поражали размахом. Амбиции касались, например, двора факультета – сада со скульптурами и скамейками, где на переменах болтали филологи. Каждый день рядом со скульптурой «Перекур» дискутировал кружок американцев, которые учат русский. Почему-то филологи не снисходили до знакомства с носителями языка, а Дуров с Перекопским увидели в этом шанс перейти на более высокий языковой уровень.

День рождения Дурова они праздновали в англоязычном кругу, зазвав носителей в бар «Идиот» на Мойке. Американцы поразились, что именинник не пьет и утверждает, что даже капля спиртного во рту ему отвратительна.

Первая идея Дурова, связанная с интернетом, выросла из его мании эффективности. Студент английской кафедры считал, что человечество тратит адское количество времени на ерунду, и тот, кто ему поможет, будет если не вознагражден, то по крайней мере удовлетворен как творец.

Готовясь к сессии, его группа использовала вечный метод – каждый взял себе пул билетов и обязался их написать. На трех мальчиков в группе приходилось пятнадцать девочек, и поэтому обязательства выполнялись красивыми разборчивыми почерками. Затем группа встречалась и менялась записями.

Чтобы ускорить этот процесс, Дуров написал сайт и назвал его в соответствии с выпускным обетом – durov.com. Там выкладывались филологические билеты и курсовые. Хостинг стоил дешево, и Дуров легко покрывал расходы из своего заработка – он рисовал сайты, а также писал статьи в журнал «Всемирный следопыт» об исторических персонажах. Редактор заказал первую статью его отцу – о римских гладиаторах, – но профессору было неинтересно заниматься перетолмачиванием науки в популярное чтение, и он сплавил халтуру сыну. Тот с радостью заработал на Эдисоне, Форде и братьях Райт, попутно усвоив один из законов медиа – продавать читателю малоизвестного героя лучше, связав его со знаменитостью или с громким событием. Например, посланника Российской империи в Тибет Агвана Доржиева преподнесли как «друга живого бога».

Durov.com наводнили материалы. Сайт прогремел на факультете, и вскоре все курсы размещали там рефераты с лекциями. Преподаватели

разделились на две партии. Те, кто помоложе, советовали заглянуть на durov.com за материалами к следующему коллоквиуму. Профессор классической филологии, в честь которого закуток перед кафедрой называли «уголком Дурова», отнесся к идее сына без восторга, но не критиковал.

Преподаватели-консерваторы сочли сайт злом и дорогой к отупению, списыванию и компиляторству. Соппротивление прогрессу укрепило эйджизм Дурова, верящего в молодость: «Пожилые – люди внутри своих конструкторов, дают своим мнимым авторитетом. Меня это бесило».

Популярность не сносила крышу тотему и пока не давала оснований полагать, что mass collaboration может стать его главным занятием в жизни, которое даст не только славу, но и хлеб. Когда он встречался со школьными товарищами, говорил, что метит в переводчики какой-нибудь богатой углеводородной конторы типа «Газпрома».

Старая знакомая Бертова как-то проходила по «Школе» и увидела Дурова, окруженного толпой девиц. По словам Бертовой, Дуров заметил ее и кивнул девицам – подождите, я сейчас. Приблизившись, церемонно склонил голову.

- Здравствуйте, Анна Дмитриевна.
- Здравствуйте, Павел Валерьевич. Как поживаете, чем занимаетесь?
- Да вот думаю, Анна Дмитриевна, поработать летом.
- Неужели? И кем?
- Аспен, Калифорния. Это горнолыжный курорт, для очень богатых людей. Они оставляют чаевые. Думаю, может, официантом поехать.
- Как же, Павел Валерьевич, разве это возможно: вы – и тарелки?
- Возможно, Анна Дмитриевна, все возможно.

* * *

Осенним вечером Дуров с Перекопским засиделись допоздна в квартире на Сенной. Они часто учили заданные слова или возились с домашним заданием, а потом трепались, пока не клонило в сон. Первый курс закончился, и грянул второй.

Дуров любил проповедовать. Он учил Перекопского правильному отношению к учебе: главное – экзамены и подготовка к ним; если не сдал, не стоит убиваться, следует всегда оставаться хладнокровным. «Преподов», как и всех людей, надо понимать – в смысле потребностей, какие мотивы ими управляют, – а также четко улавливать, что им нужно от тебя,

и предоставлять это.

«В девяноста девяти случаях знакомств Дуров хочет понравиться, чтобы отношение к нему изменилось в лучшую сторону», – скажет Перекопский позже. Мы будем сидеть в ресторане на крыше самой дорогой гостиницы Москвы, и за его спиной будут блестеть звезды, а гуляющие на Манежной граждане покажутся кем-то вроде термитов, топчущихся около башен недосягаемого муравейника.

Дуров происходил из семьи менее состоятельной, чем у одноклассников, а Перекопский мог позволить себе больше, но и он был ограничен в средствах. После того как «ВКонтакте» стала стоить миллиарды долларов, оба оторвались и жили в лучших гостиницах, работали в самом дорогом офисе Петербурга. «Мы сделали этот мир...»

Мантра Дурова касалась информации. Интернет стер прежнюю картину мира, люди загружают в сеть все больше данных, их жизнь перетекает в двоичный код. Сообща они создают контент и саморегулирующиеся сообщества – тому примером «Википедия». Деньги не главное в свободном интернете. Главное – власть, которая принадлежит тому, кто контролирует потоки информации.

«Смотри, – проговорил Дуров. – Что такое университет? Это же раздробленная структура с удельными княжествами. Физики в своем Петергофе вообще никого не видят, экономический сидит отдельно, юристы тоже».

Перекопский подбрасывал апельсин. Фрукт долетал до потолка, но вовремя останавливался и падал в руку. «Я слышал, на истфаке процветает жуткое политиканство, студсовет, политические споры, – добавил Перекопский, пряча зевок. – Все кипит».

«Ну да, – кивнул Дуров. – Пассионарная прослойка либо за профком, либо против профкома. Те контролируют бюджет – распределяют деньги на мероприятия. Есть за что бороться. К тому же людям важны титулы, это же круто – стать во главе профкома или студкома». Последние дни он торчал на форумах факультетов и разбирался в законах, по которым разгорались и затухали дискуссии.

Дуров визионировал: «Мы придумаем площадку для всех факультетов и создадим иллюзию, что все уже здесь. Ключевых людей приглашаем на роль модераторов – вместе с ними к нам придет аудитория».

«М-м-м, – бросок апельсином, – а что их заставит уйти со своих площадок на нашу?» «Это будет форум, где можно знакомиться с народом с других факультетов, искать общие темы, создавать альтернативные центры силы, становиться известным, – перечислил Дуров. – Мы будем

в двадцать раз сильнее, и каждый из примкнувших к нам сможет найти применение этой силы в бизнесе или личной жизни».

«Смотрю, ты не прочь прославиться», – заметил квартиросъемщик. «Надо заняться этим срочно», – донеслось с дивана. «Надо», – зевнул Перекопский, отложил оранжевый шар и щелкнул выключателем.

* * *

Дуров зарегистрировал домен spbgu.org и выбрал движок для форума. Они с братом подрихтовали кое-какие опции и протестировали. Все работало: форум как форум, с темами, модерацией, вполне безликим дизайном.

Теперь Дурову предстояло стать местным богом из машины, который бы решал споры, авторитетно выступал на горячие темы и регулировал жизнь сообщества. Он предвкушал, как сыграет на сдержках-противовесах чужих амбиций. Верховному модератору следовало тщательно строить образ.

У них с Перекопским была тайная страсть. Они раз двадцать пересмотрели «Матрицу». Остатки трезвомыслящих людей выкрадывают талантливого программиста и втолковывают ему, что виртуальная реальность реальна, а в «истинном» мире машины навевают людям морок, чтобы высасывать из них, спящих, энергию. Предводитель повстанцев Морфеус объясняет герою, что Пифия предрекла: у него талант не только кодить, но и драться с машинами. «Проснись, Нео. Ты избранный».

Хакер и ментор находятся в некоем белом пространстве, одетые во все черное – рубашки, костюмы, туфли. Вдали падший мир. Киану Ривз немного напоминает чертами Дурова. Оба программисты. Оба с миссией.

Черный цвет приглянулся Дурову. Тотем обожал пафос и, когда кодил, включал речи великих ораторов – Муссолини, Мартина Лютера Кинга, Малькольма Икса. Если лепить себе маску, черный цвет идеален – это цвет пафоса, миссии, строгости, проповеди, начальства. Логотип Durov.com – книга в золотом сиянии на черном фоне – смотрелся символом масонской логи. Собственно, Дуров интересовался масонами – позже он скажет: «Догма» Альберта Пайка стала для него своеобразным нравственным ориентиром.

А пока он стоял перед зеркалом и прикидывал, как выглядит. Черная бейсболка, костюм, туфли, чемоданчик. Это очень просто – не надо париться с выбором одежды, ты просто носишь черное. Но пока стиль не

так важен – людям нужно узнать о форуме, а его творец будет завоевывать доверие уже в онлайне.

Дуров списался с модераторами факультетских форумов, и они начали осваиваться на spbgu.org. Но писали и спорили пока недостаточно, мало скандалов, активность перетекала на новый форум вяловато. Следовало нанести визуальный удар и вручить власть тем, у кого ее нет и кто ее хочет.

Наушники прижаты к голове, реальность растворяется, и, как в «Матрице», создается иной мир: шуршат цифры, зеленый двоичный код. Дуров сидел в кресле и рисовал афиши форума.

«Пора неграм отплатить Америке за 310 лет рабства. Покажем им, как надо бороться! Покажем, как проснуться и начать настоящую революцию! Хватит трепать языком. Вам нужны не разговоры, вам нужны действия»

Светлые тона: зеленый, салатовый. Они нравятся юзерам durov.com больше других. Выделяем адрес сайта. Эта штука перевернет жизнь университета.

«Когда мы выйдем на улицы, мы сразимся за общую цель. Против врага, который у нас один на всех и который не хочет нашей свободы!»

Да, ключевое – свобода. Вот эту плашку вниз – «Без рекламы!». Здесь нет маркетологов. Метастазы общества потребления, поработавшего всех, кто мыслит стереотипами, не дотянутся в наш мир.

Нет, конечно, не будем забывать про инстинкты – ставим анимешную девицу наверх, приоткрываем ей декольте, подчеркиваем талию, бедра, ресницы уже прорисованы. Пафос не должен отрываться от земли, от базовых потребностей, иначе его носителя легко троллить за высокодуховность.

Сам Дуров тоже троллил и стебал. Они с Перекопским выписали диск с «Тупым, еще тупее» – без дубляжа и субтитров; тотем писал курсовую по англоязычному юмору. Если кто не помнит, сюжет заключается в том, что два болвана, ужасно предприимчивых и обладающих каким-то хтоническим чувством прекрасного, выполняют миссию – доставляют брошенный в аэропорту чемоданчик незнакомке.

И вот настает время продать форум людям. Звонит будильник. (Проснись, Нео.)

Дуров сворачивает плакаты в рулон, берет чемоданчик, натягивает бейсболку. (Нео выходит из телефонной будки, чтобы принести людям веру в их неограниченные возможности, под «Wake Up» Rage Against The Machine.)

Спускается на лифте и видит, что какой-то урод опять поставил машину у подъезда – приходится ее огибать. («Посмотрите в окно, это

закат человечества, а будущее за нами, – наставляет пленного Морфеуса его враг, агент Смит. – Я хочу поделиться теорией. Все животные приспособляются к среде обитания, но человек не таков. Заняв какой-то участок, вы размножаетесь. Чтобы выжить, вам приходится захватывать все новые и новые территории. Есть один организм на земле со сходной повадкой. Знаете какой? Вирус. Человечество – это болезнь, раковая опухоль планеты. А мы – лекарство».)

Дуров мстит достойному сыну автомобилизации – вытаскивает из кармана гвоздь, царапает борт и продолжает свой путь.

Заброшенный аэродром, где он сидел с книгой, начали застраивать – потребительское общество возводит вавилонские моллы. В маршрутке он не платит – считает, что право студента на бесплатный проезд распространяется и на нее. Если громила-водитель орет: «Кто не передал?» – встает и выходит.

Через полчаса он у цели. Холл экономфака, где бродят стада студенток со стаканчиками кофе, конспектами, сигаретами. Кто-то болтает по телефону, кто-то вполголоса материт опаздывающего старосту, кто-то сдает в раздевалку пальто. Трафик. Живой трафик, люди, которым бывает сложно создавать связи в жизни.

(«Я знаю, ты здесь. Я знаю, что ты боишься. Боишься нас. Боишься перемен. Я не знаю будущего. Я не могу рассказать тебе, каким оно будет. Но я могу показать тебе, как начать его менять. Я покажу мир без контроля и границ, мир, где возможно все».)

Доступ к трафику лимитирован вахтером. Студбилет филолога на него не действует. Дуров предельно вежлив, показывает афишу, рассказывает про сайт и улыбается, улыбается, улыбается, мысленно посылая привет американцам из бара «Идиот». Это не всегда срабатывает, но экономический вахтер не слишком подозрителен и впускает человека с чемоданчиком.

Дуров ищет точку, с которой просматривается тусовочный пятачок. Изучает лица, одежду, стиль, жестикуляцию. Мы вербуем сторонников, которые расклеят афиши. Если плакатики сорвут, пришили новые – и так, пока администрации не станет ясно, что форум ей не переупрямить.

Кто может быть сторонником? Гламурная девица с клатчем? Нет, в их глазах золото, думает Дуров, одни деньги, такие об улучшении мира не размышляют, все больше о том, как захомутать богатенького. Он вспоминает, как зашел на день рождения к однокурснице и услышал, как она с подругами размазывала по стенке парня, которому нравилась, – а когда тот позвонил в дверь, преобразилась, мило улыбаясь, приняла

подарки и т. д.

Нет, не наша клиентура – Дуров анализирует трафик, – если девочка, то должна быть неформалка. Пусть не модель, но с харизмой. Наконец мелькает умный взгляд, приближается интеллигентный вроде тип и не ботан. Запускаем программу знакомства.

Алгоритм прост: подходим с невинным вопросом. Выказываем интерес. Начинаем обсуждать факультет. А я с филфака, заходите, у нас дворик неплохой, декан собирает скульптуры, да. Вы, может быть, слышали, он у нас большой оригинал, на день филолога приехал на карете, ряженный в камзол, в том году на «Харлее», а в позапрошлом вообще на воздушном шаре таким богом из машины. Система пропусков есть, приходите, закажем.

Знакомство состоялось, и возникает тема форума. Из чемоданчика появляются афиши. Избранник рассказывает про профком, оппозицию – весь расклад сил на факультете и тусовки, где вертятся личности, притягивающие глаза и уши. Если избранник оказывается лидером, прекрасно. Если нет, Дуров добирается через него до агентов влияния.

На филфаке вокруг него теперь тусовались не только одноклассники, но и активные писатели форума. Между лекциями они собирались во дворе и болтали о высоком – например, про ценности либертарианства. Эти споры продолжались в онлайн. Дуров повесил на свой аккаунт картинку с золотым орлом на красном поле и подписался The Architect (архитектор).

«Какое-то время я старался разжигать огонь, – вспоминал он. – Человек приходил на форум – а ничего нет, пусто и мертвые с косами стоят. И он не оставлял сообщения, уходил. Надо было создать иллюзию наличия критической массы. Я использовал заголовки, которые являются стопроцентным попаданием: возможна ли дружба между мужчиной и женщиной и т. д. Спорщиков приходилось зацеплять. Если с оратором все согласится, он почувствует, что он красавчик, делать тут больше нечего, и уйдет. Если поспорят с ним, немного унизив, – вернется, чтобы доказать, что он лучший».

Однако шпионские истории с проникновением на факультеты и скандальные темы не привели к необходимому эффекту. Посещаемость сайта росла, количество высказываний – тоже, но недостаточно быстро. Некоторые факультеты (например, истфак) сидели на своих площадках. А самое главное, среднестатистический студент редко лазал в интернете. Следовательно, нужен катализатор в офлайне – чтобы затянуть людей в онлайн. Что бы это могло быть?

Куранты на башне, с которой не удосужились снять рубиновые звезды,

пробили 2004 год. Дуров не знал, что на другом полушарии, в заснеженном Гарварде, раскручивалась история, которая превратила своего демиурга из сетевого задрота в одного из влиятельнейших людей мира. Марк Цукерберг хакнул сервер с фотографиями студенток, выкачал файлы и написал программу, которая позволяла выбирать из двух расположенных рядом снимков тот, где более привлекательная девушка. Общежития прилипли к мониторам, выбирая всенародную мисс Гарвард, и локальная сеть рухнула.

Именно в эти дни Дуров перебирал варианты, как раскрутиться через громкое событие. В конце концов его мысли отправились в том же направлении, что у Цукерберга.

* * *

Новичок рассматривал кружок вокруг парня в черном. Тусовка едва умещалась на «Седьмом небе», узком коридоре третьего этажа, бывшем чердаке. Забавно, что некоторые участники копировали лидера и тоже носили траур.

Любопытство заставило новичка познакомиться – так же, как когда-то толкнуло заниматься нетипичными для филолога вещами: торговать джинсами, редактировать газету «Метростроевец» и разучивать аргентинское танго. Принадлежность к виду «юноша с филфака» в нем подчеркивали стихи и проза – неперенные атрибуты гения, который видит сны о чем-то большем. «Идея с конкурсом красоты забавная, но одно дело – мечтать, другое – воплощать» – так новичок описал первое впечатление от консилиери. Совершив ритуал знакомства, он старался говорить мало и в основном наблюдал за компанией. Его звали Михаил Равдоникас, и через месяц он тоже облекся в черное.

Вскоре после тусовки на «Седьмом небе» в приемной декана нарисовались Дуров и Перекопский. Их привел завкафедрой межкультурных коммуникаций, знакомство с которым парни активизировали чуть раньше. Так же, как в Перекопском, Дуров вычислил компаньона в завкафедрой и использовал его как мостик к декану. Тот приходился родственником Перекопскому и не противился идее послужить административной подпоркой.

Декан выслушал идею. «Конкурс красоты и дизайна»: отбор девушек в три тура, никаких бикини, декламация, танец, остроумная пикировка, а вы, конечно, возглавляете жюри. Декан благословил «людей в черном»,

для порядка прочитав лекцию, что «филологини по роду занятий ориентированы на воплощение идеи любви и красоты», и, пожалуйста, никакой пошлости. Активистам выделили 100 000 рублей.

Дуров с Перекопским вышли, едва сдерживаясь, чтобы не сплясать пого. Равдоникас, пораженный скоростью действий компаньонов, подключился к делу. Срочно разыскивались спонсоры, готовые одеть девушек, научить двигаться на сцене, сфотографировать их и помочь с макияжем. Активисты напечатали визитки и плакаты, а также приобрели факс для рассылки предложений. Волокиту и дозвон принял на себя Перекопский, а Дуров нарисовал афиши и подключался на переговорах. Они условились, что в беседе с контрагентами никогда не спорят друг с другом – даже если один из них бредит.

История с маркетингом развивалась гладко. Спонсоры задавали два-три вопроса по условиям и акцептировали участие. Главный приз, ноутбук, ссудила фирма, торговавшая компьютерами на первом этаже филфака. Motivì поделились платьями, а Mary Kay – макияжем. «Фитнес палас» предоставил зал, где рекрутированный хореограф из Мариинки ставил движение. Elle обещал фоторепортаж – за место в жюри. Ближе к маю Перекопский арендовал свет и звукоусилители, а также заказал статуэтку скульптору.

Но это была лишь офлайн-часть артподготовки. Вскоре Дуров выложил на сайт фотосессии девушек, вышедших во второй этап конкурса, и предложил форуму выбрать № 1. Студенческие голоса давали право называться «Мисс зрительских симпатий». Каждая девушка указывала рост и параметры фигуры.

Это выглядело не столь провокативной бомбой, как у Цукерберга, – но вполне себе гранатой, которая взорвалась прямо перед финалом.

Сначала некоторым участницам кто-то нагнал голосов с одного ip-адреса. Дуров держался роли арбитра и подчеркивал, что он не в жюри, а лишь обеспечивает справедливость выражения воли. После чего блокировал фальш-голоса. На форуме возникло семь тем, в которых студенты негодовали, что фальсификацию придумал сам архитектор, чтобы вызвать к себе ненависть.

Дуров и правда поощрял это чувство – неважно, какие эмоции ты вызываешь; важно, чтобы ты волновал людей. Позже, когда счет угодившим в сети «ВКонтакте» перевалил за 10 млн человек, он строжайше запретил репрессировать группы, разжигающие ненависть к создателю сети. А тогда, перед конкурсом, он отменил студенческую номинацию, хотя проголосовали тысячи человек.

В день финала аудитория громокипела. Первый ряд оккупировали спонсоры, декан и приближенные. Дуров с Перекопским отрепетировали все – от выноса цветов до фонограммы и конференса кавээнщиков, – а сами сели в зал.

Жюри наградило удобную конкурсантку, которая была хороша во всех упражнениях. Решение взорвало форум во второй раз – в ангажированности обвиняли уже оценщиков. Равдоникас, который наблюдал за тем, как конкурс вырос из идеи, брошенной на «Седьмом небе», все понял про тотема и надел черный костюм. И даже шляпу. «Итальянец» Дуров играл «в мафию» по-серьезному.

Как вспоминал один из однокашников, однажды утром во дворе со скульптурами молодые консильери, придавшие физиономиям выражение убийц, все в заветном черном цвете, – плечом к плечу перегородили путь конкуренту. Конкурента звали Иннокентием. Высокий и нескладный деятель, выпускник, выбил себе комнату под студсовет и пытался играть на поле конкурсов красоты и других тусовок. Сначала «мафия» мочила его на форуме, а потом решила как бы в шутку пугнуть во дворе.

Консильери перегородили ему путь и участливо-холодно заглянули в глаза: «You call it „crime“ – we call it „smart family business“». Рослый Иннокентий оказался к подобному не готов и хоть нависал – даже над шляпой Равдоникаса, – но чувствовал, что сейчас отведет взгляд. И отвел. Консильери по-змеиному улыбнулись и двинули к Неве мимо скульптуры «Нос».

Ко всему прочему, Дуров желал растоптать Иннокентия перед девочками. Архитектор прославился с помощью слабого пола, а теперь хотел использовать авторитет. Он начал стрелять во врага ироничными постами, попутно ругая в комментариях с помощью своего виртуала по имени Kreol. Иннокентий сдулся и не получил сотой доли обожания, доставшегося «мафии».

Дуров убедился, что girl power – великий инструмент. Как-то раз мы разговаривали в комнате с видом на Казанский, за которым фонил революционным колором закат – свидетельство верно выбранного штаба для тех, кто хочет взорвать мир. Вертя в руках бейсбольный мяч, Дуров формулировал осознанное в процессе привлечения людей на spbgu.org.

«Акцент надо делать на красивых девушках. Если они придут – соберутся парни, будут показывать, какие они умные, – сказал он, глядя в сторону. – У всех млекопитающих это самое главное. Есть девушки – есть арена, а зритель найдется. Мне всегда важно их мнение по поводу разных фич: если девушкам нравится, значит, остальные съедят. Они идеальные

контент-организаторы, они общаются и объединяют вокруг себя остальных».

Дуров действовал исходя из этого правила. Форум бурлил, и надо было использовать страсти, чтобы поощрять пассионарных девиц писать чаще. Что он, собственно, и делал, задруживаясь с ними в офлайне и подталкивая к более активным действиям – иногда даже отдавал модераторскую власть. Это помогало тащить на свою площадку факультеты, пока не примкнувшие к форуму, и переманивать еще не знакомых с тотемом красавиц. Какими средствами? А какая разница!

* * *

Осенним вечером студент философского факультета Тимур Качарава вышел из магазина «Буквояд» и направился к метро. Не успел Качарава сделать несколько шагов, как на него с криком «Антантифа!» «прыгнули» скинхеды. В ходе неравной драки его ударили ножом в шею, и он умер в считанные минуты.

Петербург встал на уши – война фашистов и антифашистов достигла апогея. История облетела массмедиа, и исследователи национализма получили возможность сказать с экрана, что больше нельзя закрывать глаза на армию бритоголовых.

Через два дня после убийства Качаравы третьекурсник Макс Петренчук сидел на подоконнике в коридоре истфака. Перед ним лежала тетрадь, в которой то и дело расписывались циркулирующие по этажу студенты. Петренчук собирал автографы под требованием к губернатору начать спецрасследование дела. Некоторые из подписантов сначала глядели с недоверием – эпатируя форум истфака, его модератор прикидывался фашистом, и в конце концов маска приросла. Убийство на Невском заставило Петренчука отскрести ее и прийти на лекции с тетрадью.

Петренчук поразился всеобщему безумию – на филфаке девочки вполне ангельского вида читали ему лекцию, что он продался жидомасонам, собирает голоса за грузина, когда русских убивают сотнями. Затем ему стали звонить и угрожать. Петренчук, человек вполне отмороженный и беззаботный, не остановился. Чтобы его пустили на филфак, он заручился поддержкой декана.

Сорвав очередную гроздь автографов, Петренчук осмотрелся и заметил, что за ним следит тип, в облике которого сквозило нечто опереточное – эспаньолка, черный плащ, кейс. Незнакомец понял, что его

раскрыли, и шагнул к собирателю подписей.

– Максим?

– Да. А ты кто?

– Я Паша Дуров. Собираете подписи?

Петренчук опешил от того, как с ним общается звезда, но не растерялся и сунул тетрадь: на, подпишись. Дуров черкнул ручкой и откланялся, но еще пять минут стоял в стороне и наблюдал за Петренчуком, надев вежливую улыбку.

Убедившись, что активист не мошенник, он вернулся домой и написал на форуме, что познакомился с Петренчуком и тот оказался искренним антифашистом. Количество подписантов выросло до 3000 человек. Дело Качаравы взяли под контроль ректорат и опасавшийся шума губернатор.

Дуров нуждался в фигуре, которая перетаскила бы историков с их форума «Покемония», где тусовалось 200 человек, на srbgu.org. Петренчук подходил на роль безумца-зажигалки – он гнал против всех, не пробился ни в профком, ни в студсовет и скандалил с обеими ветвями власти. Толкал дикие речи в пьяном виде, нимало не заботясь о высоком штиле. Дуров видел это, но считал, что средства оправданы целью.

Эпатаж и разжигание в исполнении добровольного клоуна загнали раздел истфака выше международников и филологов – по количеству сообщений. Однако чем больше истфаконцев Петренчук перетаскивал с «Покемонии» на форум, тем больше отбивался от рук. Модератор, который ведет себя как фрик и отказывается занимать позицию беспристрастного судьи, стал раздражать главного архитектора.

Нет, конечно, форум истфака бурлил спорами про Путина, гомосексуалистов, еврейскую закулису, результаты Великой Отечественной – и это было прекрасно. Чтобы зажечь танцпол, Дуров сам прикидывался циником и писал: «Жаль, что Гитлер нас не завоевал». Но правила на истфаке нарушались слишком часто. Модератор ввязывался в драки и троллил гостей.

Однажды Петренчук, напившись, опубликовал чрезмерно разнузданный спич и был подслушан конкурентами с «Покемонии», которые не могли ему простить захвата власти и увода глаз с их форума. Самый непримиримый его враг, редактор истфаконской газеты «Студень» (медиапремия Дарвина за название) Даша Бондаренко почуяла запах крови и вцепилась в Петренчука.

Эти два человека давно сошлись в клинче. Петренчук рассказывал, что Даша считала его неприятным идиотом – как-то раз он совершил грубую ошибку, высказав сомнения в ее уме и красоте, чем нажил непримиримого

врага. И главное, их интересы пересекались – Даша жаждала власти над истфаком за пределами «Покемонии». Макс, чья популярность держалась на истерике и клоунаде, ее бесил. Она писала резко и эпатирующе: «Я кончаю», – в ответ Равдоникасу, посвятившему ей рассказ. Но поддеть Петренчука так, чтобы дезавуировать раз и навсегда, у пользователя Jennifer не получалось.

Даша была знакома с Дуровым – брала интервью для «Студня». Ей понравился «горделивый профиль», а также очищенное от стереотипов восприятие мира.

Когда случился скандал с фашистом-модератором, она взяла у декана письмо в стиле «Петренчук подрывает нравственность» и встретила с Дуровым. Тот внимательно слушал ее – эффектная девушка вместо надоевшего хулигана; очень, очень вовремя она пришла. Очень гладкий, не подкопаться, повод убрать Петренчука. Дуров протянул руку и взял у Даши письмо.

Вскоре Петренчук читал мейл от консильери в духе: «Прости, мне не нравится вмешательство властей, но придется тебя отставить. Тебе не следовало попадать в такую историю. А теперь – сам понимаешь...»

Биться за власть после столь сердечного разъяснения Петренчук не стал.

Спустя четыре года на тусовке выпускников истфака он увидит Дурова, по-прежнему в черном. Согласно рассказу Петренчука, тот придет с Дашей и, обнимая ее, высокомерно кому-то станет растолковывать про уже взлетевший «ВКонтакте». Макс увидит, как странные, вызывавшие сомнения причины и следствия из прошлого сплетаются в прозрачный сюжет, и с горя напьется.

Дуров писал в форум все меньше, разве что в дискуссионных темах и закрытых группах или вмешиваясь в конфликты. Он переводил свой стиль мышления в тексты – предельная очищенность от иллюзий, иногда нарочито «тупой-еще-тупее» юмор, краткость и, главное, поворот против очевидности и стереотипов.

Тогда, в 2004 году, трафик измерялся тысячами посетителей в день. Перекопский вспоминал, как заставлял у Дурова дома семейные сцены. Заглянув в счетчик, мать комментировала: «Павлуша, сегодня что-то очень мало». Дуров злился: «Замолчи, пожалуйста, не мешай».

Когда форум поражала бацилла занудства, Дуров подпускал угара репликами выдуманных персонажей. «Очень сочные виртуалы, в их реальность верили: антифеминистка, гомофоб, сталинист. Я отстаивал их точку зрения. На 9 Мая шла моя любимая волна: Сталин преступник; не

победа, а поражение; при таких потерях называть случившееся победой – кощунство; лучше бы нас завоевал Гитлер. У меня дед прошел всю войну, защищал Ленинград, и мне непросто было принять эту точку зрения. Но я неплохо вжился в роль, негодовал по поводу оккупации Прибалтики и Польши».

Виртуалам свято верили, объявляли им джихады, жаловались их создателю. А дальше костер горел сам – врукопашную сходились фанаты альтернативных концепций а-ля Анатолий Фоменко, а также тролли с другими перверсиями.

Форум получал предложения о рекламе, но Дуров не ставил ее, держа слово, данное на плакате, – «ad free». На жизнь он зарабатывал, рисуя сайты.

Студенты оживлялись к сессии. Дурова избрали командиром взвода на военной кафедре – его отделение штудировало США. Разбираясь в истории Штатов, он заинтересовался масонами, сыгравшими важную роль в создании ценностей, воодушевляющих американцев как нацию.

Три года подряд он получал «стипендию Потанина», для чего требовалось побеждать в лидерской игре. Со всего университета селектировали тех, кто не только умен, но и способен вести за собой, и сталкивали в одной комнате, дав какое-нибудь задание. Смысл – понять по групповой динамике, кто лидер в среде лидеров. Испытание проходили единицы, и «потанинкой» гордились, как мало чем гордятся на филфаке.

* * *

В июне 2011 года я заглянул на лекцию потанинского стипендиата Юры Лифшица. Вообразите невысокого, худого и чрезвычайно активного, громкоговорящего Гарри Поттера, разменявшего математику высочайшего уровня на позицию в Yahoo и потом вернувшегося в Россию заниматься образованием и бизнес-инкубаторами. Это Лифшиц.

Лекция была про корпоративную культуру, но оратор взял шире и полтора часа держал аудиторию соображениями, как делать карьеру и строить великие компании. Когда в конце его спросили, почему он бесплатно делится ценными сведениями, Лифшиц хмыкнул: «Из эгоистических соображений. Во-первых, формулируя мысли вслух, я начинаю лучше их понимать. Во-вторых, я верю, что, когда люди делятся друг с другом знаниями, они улучшают качество социальной системы в целом. Экономика дарения выгодна всем – тому, кто дарит, выгода

возвращается».

На потанинском отборе состязались ораторы такого уровня и стиля. Дуров отличался от них и выигрывал. Лифшиц вспоминал, что интернет-тотем говорил негромко, но, когда открывал рот, все замолкали. Дело, впрочем, было не в какой-то особенной мудрости, а в трезвости и доходчивости. «Паша был взрослее и взвешеннее нас. Когда он выходил из комнаты, становилось легче говорить, и я снова чувствовал себя лидером». Дуров доминировал, даже когда искали кафе для поствыпускного сбора.

Троль с первой парты превратился в небожителя, который иногда спускается в народ. Дуров не был оппозиционером власти – он создал параллельную ей структуру, но при этом всегда поддерживал хорошие отношения с ней. Выступал на ученом совете, рекламировал мероприятия. Когда понадобилось выставить кого-то из студактива поболтать для телевидения о «Единой России», не отказался и резонерствовал. На военной кафедре их просили указать в анкете любимого политика, и комвзвода начертал: «Путин» (позже оправдывался, что хотел вписать Рузвельта, но счел такой вариант непатриотичным).

«Я никогда не списывал, – вспоминал брат Николай. – Павел всегда списывал и не терзался. Им на военкафедре сказали, что списывать можно, это как военная хитрость, но если поймут – двойка». Он подумал немного, будто сопоставляя какие-то события, и стал как бы оправдывать брата: «Павел – филолог, там много материала, от которого если не фанатеешь, то запомнить нереально. А мне надо было утверждения учить, теоремы».

«Дуров всегда хотел быть известным, чтобы его все знали, тщеславный, хотел власти над умами, – перечислял Перекопский. – Всегда выпендривался. Его мотивы – смесь тщеславия и благородства».

Сам Перекопский горел идеей открыть свое дело – статуса консильери ему было явно недостаточно. Уже на третьем курсе он убедился, что определяющее значение имеет нетривиальная идея: «Только на халяве и делаются большие деньги. На гениальных идеях, где не требуется много работать, а только немного пошевелить головой». Если Дуров играл во влияние и загадочность, Перекопский казался проще: «Я коллекционирую деньги. Нужно же что-то коллекционировать?»

Для начала Перекопский открыл курсы английского, где преподавали носители языка. Стартовый капитал он взял у отца своей девушки, нефтяника. Что-то типа 2000 долларов, чтобы снять помещение. На мебель потратился сам. Курсы раскрутились, и иногда не хватало учителей. Когда

слетел один из знакомцев по бару «Идиот», выручил Дуров: втолковал двум гламурным девицам грамматику, да так, что те требовали «еще того мальчика».

Затем приятельница из финской юридической компании попросила Перекопского найти ей практикантов. Тот нашел и получил заказ еще на несколько позиций. Вскоре у него образовалось бойкое кадровое агентство. Сидевший в жюри конкурса торговец компьютерами подбивал мафию открыть магазин в интернете, но Дуров скривился – торговля не для людей в черном; они про новую нервную систему человечества.

Мама испекла торт на день рождения, и он созвал друзей в буфете. Это походило на собрание масонской ложи. Действо разворачивалось по сложившемуся ритуалу – Дуров доставал из чемоданчика апельсин, чистил его и раздавал дольки приближенным, по значимости. Своей девушке, Перекопскому, Равдоникасу. За апельсином следовал торт, и после славословий трапеза целомудренно завершалась.

Вечером в квартире Перекопского на Сенной снималось другое кино. На диване сидела пятерка победительниц конкурса красоты, и хозяин втирал им, какое блестящее будущее их ждет. Один из участников тусовки вспоминал, как Перекопский невзначай перечислял свои успехи: ищу недвижимость тайскому премьер-министру, подбираю один дом, второй – а ему не нравится! Музыканты «Под водой» хлестали коньяк. Равдоникас заперся в ванной с одной из участниц форума и, видимо, преподавал урок риторики. Дуров сидел на диване и пил апельсиновый сок.

Гоп-компания оставалась ночевать, а тотем и его девушка встали и, накинув пальто, покинули квартиру.

* * *

Заканчивался последний курс. Spbgu.ru жил своей жизнью. Поколение юзеров, не знавших архитектора лично, считали его едва не привидением. Иногда против власти тотема создавали коалиции, писали воззвания к народу против верховного модератора и т. д. – но Дуров или не обращал внимания, или отщелкивал оппозиционеров короткими репликами.

Что действительно его волновало – как менять ресурс. Идея социальной сети, где люди выступают под настоящими именами, еще не материализовалась, и он сам о ней не думал, хотя интуитивно вводил все больше социальных опций.

У каждого пользователя были: профиль с датой рождения,

увлечениями; нечто вроде стены, где можно написать отзыв о ее хозяине; возможность написать заметку (особенно полюбил ее Равдоникас, печатавший стихи и рассказы), создать фотоальбом и открыть его, выбрав уровень публичности. Сотни юзеров поставили маркеры, отмечающие их дома на виртуальной карте Петербурга, которую тотому помог написать физик Кузнецов, он же Кузя. Дуров отметил на ней свой дом рядом с аэродромом, где теперь царствовали торговцы в нагромождениях стекла и бетона.

Майским утром он и Перекопский зашли в аудиторию, сели за парту и выложили ноутбуки – неуклюжие, похожие одновременно на станцию управления полетами и режиссерский пульт. Группа ходила с толстыми справочниками и бумажными словарями, а у них стояла программа Lingvo. Правила разрешали иметь мини-компьютеры при себе, но пользоваться запрещалось. Начинался третий этап госэкзамена «Английский письменный».

Надзирала за их потоком недавно начавшая преподавать аспирантка. «Не очень симпатичная», – заметил Перекопский. Аспирантка нервничала и принялась терроризировать консилеры: «Уберите компьютер». Отличники проигнорировали. Их ноуты были захлопнуты. «Вы слышите? Убирайте компьютеры». «Они же выключены», – отозвался Дуров. И тогда надзирательница допустила ошибку...

Тусовка вокруг группы «Мафия» считала приемлемым – как и в общеобразовательных классах – разговаривать на «вы», а «ты» включать лишь с совсем близкими друзьями. Как говорил Равдоникас, высшая степень близости – когда, перейдя с «вы» на «ты», через какое-то время опять начинаешь употреблять «вы»; как бы высшая форма признательности, когда человеку не нужно подчеркивать, что он твой друг. А вот посторонние, «тыкнув», получали намек, что так обращаться не следует.

– Убери компьютер и не выпендривайся!

Дуров заглянул в глаза надсмотрщице и стальным голосом произнес: «Заткнись, дура, мы пять лет учились, а ты нам мешаешь, коза закомплексованная». Перекопский заспешил добавить что-то более учтивое, но поезд ушел. Аспирантка взбешенно простучала каблуками в деканат. Сдавшим на отлично компаньонам вlepили неуды.

Холодея от жажды мести, они сели в буфете и набросали план расследования. Кто такая. Каковы слабые места в позиции деканата. Забросили удочки в форум. Доброжелатели подсказали, куда копать, – через несколько рук они добрались до знания, что в ходе экзамена аспирантка

должны была помочь остолопам с платного отделения, незаметно подсунув ответы.

Мафиози явились на кафедру и выдвинули против обвинений свои обвинения. В ситуации, когда слово споткнулось о слово, а одной из сторон был сын уважаемого завкафедрой, факультет сдал назад. Нахалы получили объективные оценки, а их врагу был объявлен строгий выговор. «Я не чувствую стыда за свои поступки, потому что, если и случались какие-то эпизоды, я давно выкинул их из памяти», – отмахнется позже Дуров.

Когда я спросил декана о конфликте, Богданов уклончиво и витиевато, но все же намекнул, что Дуров, безусловно, хам, но и аспирантка не без греха. Декана больше занимала другая тема. Битых полчаса он рассказывал о своем изобретении, которое считал прообразом «ВКонтакте». Это был гигантский складень, «левкас 14 метров, самый большой в мире, 350 лиц». Богданов вклеил туда фотографии всех своих друзей, авторов прочитанных книг и, кажется, даже киноартистов, а также лики святых.

«Идея в том, что каждое индивидуальное существование состоит из множества чужих, – вещал Богданов. – Друзей, врагов, героев, лиц, с которыми я еще встречусь, тех, кого я читал, – и я могу это расширить до человечества. Я даже терял сознание перед складнем – как я мог знать это все?» В глубинах полок его шкафа блестели рамки, в которые были вставлены фотографии студенческих праздников – Богданов в камзоле, на осле, на воздушном шаре. «Паша Дуров сделал гораздо более значимую вещь, – продолжил он, стуча карандашом по столу. – Форум, а потом и „ВКонтакте“ – это форма коллективного существования, которая позволяет не просто, стоя рядом с артефактом, чувствовать его, а жить в одном пространстве с людьми, которые что-то для тебя значат. Паша воплотил недоступным мне способом идею всей моей жизни. И он сделал ее доступным инструментом для огромного количества людей».

За университетским дипломом Дуров так и не пришел. Необходимость тратить время на административную волокиту отвратила его. Не то чтобы он боялся контактировать с бюрократией – просто, развязавшись с учебой, Дуров окончательно разделил волнующие и не волнующие его вещи.

Перекопский подначивал: спорим, у тебя через год не будет миллиона долларов, а у меня будет. Дуров уловил вопрос, но оставил где-то на периферии сознания.

Его мысли занимали изменения, происходящие с миром из-за проникновения интернета. Пока они не массовые. Например, в «Википедии» торчат одни гики, но очевидно, что аудитория людей, которые пишут туда статьи, редактируют, спорят, – все они, так или иначе,

учатся договариваться и формируют свой авторитет на базе замеченных сообществом поступков, а не лозунгов и деклараций. Ключевое слово в экономике – «делиться». Обогащая среду, ты делаешь себя же сильнее и работаешь на свое будущее.

Дурову нравилось наблюдать, как созданная им среда для общения жила сама по себе, но он понимал, что инструмент коллаборации «форум» устаревает. Какой будет следующая ступень эволюции в том, как люди обмениваются информацией? Он перебирал разные версии, но не слышал щелчка над ухом, который знаменовал бы качественно новый поворот, в который он так хотел вложить все свое желание воздействовать на реальность.

«Миллион так миллион, – очнулся Дуров и с любопытством посмотрел на Перекопского. – Спорим».

Если бы он знал, что через год, когда Перекопский вспомнит о пари, его жизнь навсегда изменится благодаря одной случайной встрече, – свалился бы в обморок, как декан перед тысячеликим складнем.

Глава 3

Мафия открывает глаза

Лежащая на столе газета редко поставляла читателям сенсационные откровения, но для этого круглолицего преппи листать «Деловой Петербург» было чем-то вроде традиции. Поселившись на кампусе, он не бросил это занятие – приходил на сайт dp.ru и читал, что происходит на родине. Когда этот выпускник Tufts University вернулся из Америки с дипломом и начал размышлять, с какого бизнеса взять старт, газета играла роль сводок с фронта.

Шапка про налоги, подвал о пошлинах на вывоз древесины, новости о линии автозавода во Всеволожске и очередном офисе глобальной корпорации в Питере. И закадровым текстом, двадцать пятым кадром: возможности, много возможностей.

За семь лет отсутствия Славы Мирилашвили город изменился – утихли лесные и другие войны за заводы и пароходы, бандиты скрылись в подполье, «крышу» обеспечивал класс силовиков. Еще до того, как Михаила Мирилашвили осудили за похищение похитителей его отца (Славиного деда), мальчика вывезли в Израиль. Он прибыл на Святую землю с выданными Гризом школьными документами и попал в школу для детей дипломатов. Окончив ее, захотел сменить континент и подал документы в Массачусетский университет Лиги плюща.

Остаться в Штатах выпускник Слава не желал – очевидно, что в России, где стартовал потребительский бум, незанятых рынков было больше. Семейный бизнес выстоял – управляющая компания избавилась от казино и сконцентрировалась на сдаче недвижимости в аренду. Пока отец сидел, дела курировал дед Михаил, с кражи которого началась их семейная эпопея.

Слава листал «Петербург», пропуская большинство заметок. Ему хотелось скорее добраться до полосы о молодых предпринимателях. Нет, про него там вряд ли написали – хотя первый опыт Славы был занимателен. Взяв в долю одноклассника Льва Левиева, отучившегося в канадском университете МакГилл и поработавшего аудитором в Ernst & Young, он расставил платежные терминалы по принадлежащей клану петербургской недвижимости.

В 2006 году рынок поглощающих деньги автоматов взлетал, но

компаньоны быстро убедились, что сыграть вбелую не удастся. Например, если ты не сдаешь кэш фирмам, которые занимаются обналичкой, теряешь прибыль. Или не теряешь (если у тебя низкая ставка аренды), но тогда в проигрыше остается арендодатель. То есть в случае с Мирилашвили – сами Мирилашвили.

Скорее всего, у Славы были и другие резоны бросать терминалы, но в данном случае это неважно. Важно, что он искал, куда вложиться.

Полосу про отроков в бизнесе занимало интервью неизвестного чувака. Слава прочел лид, в котором говорилось, что этот человек создал сайт, где общаются студенты универа. Далее утверждалось, что персонаж зарабатывает на баннерной рекламе приличные деньги. «Прикольно», – подумал Слава, рассматривавший вариант с инвестициями в сеть.

Речь в «Деловом Петербурге» шла о Дурове, а историю с рекламой выдумала Эльнара Петрова, автор интервью. Тотем почти ничего не получал с форума. Просто Эльнара однажды уже допрашивала Дурова насчет рецепта, как выиграть три потанинские стипендии подряд, и, чтобы оправдать второе явление понравившегося героя, продала редактору историю о бизнес-успехах студента. Дуров явился к ней «с этим своим саквояжиком», в черной бейсболке и пиджаке с набитыми поролоном плечами. Открыл рот и не закрывал два часа. Редактор названивал Эльнаре и кричал: «Гони его уже наконец!» Но та не могла прервать Дурова.

Этот факт странный сам по себе, так как я не встречал людей, произносивших в любую единицу времени больше слов, чем Эльнара. Позже она выйдет замуж за главного разработчика «ВКонтакте» Андрея Рогозова, я зайду к ним в гости, и мы будем вспоминать историю ее знакомства с Дуровым.

«Я поняла, что для Павла самое страшное, когда кто-то работает за зарплату, – щебетала Эльнара. – Это осталось до сих пор, он щедрый, но опасается, если люди помешаны на бонусах, этих премиях, перестанут гореть духом. Еще он был нетерпим к людям, которые медленно понимают сказанное и сами плохо говорят, медленно работают, ну, ты понял».

Уходя, я пройду мимо кухни и услышу, как Эльнара моет в одиночестве тарелки и продолжает: «Ну да, Паша все твердил: хочу, хочу создать сообщество, объединять все больше, больше вузов. Конечно. Собрал кучу людей, а что с ними делать, непонятно...»

Так вот, Слава влип в текст. Пассаж, где публике предьявлялся герой, он перечитал несколько раз. Вспомнился Дом культуры с алкоголиками и евангелистами, набег на пышечную, Тася с ее медяками, деликатно ползущий за спиной лимузин. Его одноклассник и друг Дуров замутил

популярный сайт и теперь рассуждает со страниц городской газеты о личной эффективности и сетевых социальных проектах.

Слава понимал, что Дуров интуитивно следует за трендом – в начале нулевых появились и прогремели платформы Livejournal (блоги), Myspace (страницы музыкантов и их композиции), Classmates (связи между старыми друзьями), Friendster (то же, но между всеми подряд). В России успели стартовать «Одноклассники» – клон Classmates.

Но больше всего Славе нравилась закрытая соцсеть Facebook, в которую могли попасть только учащиеся североамериканских универов – чтобы получить доступ, он авторизовался через персональную почту на домене Tufts University.

Facebook требовал реальных имени и фамилии, а клонов, троллей и других бестий вычищал. Удостоившиеся чести пользователи обменивались личными сообщениями, публиковали фото, назначали встречи, подмигивали понравившимся персонажам и при этом видели, что нового произошло у друзей.

Дуров произвел схожий ресурс для тех же студентов и владел вниманием пяти тысяч человек в день. Слава взял трубку и набрал Льва Левиева. «Шалом», – отозвался Лев и прослушал композицию «Есть мегакрутой чел, школьный друг, очень умный, с суперпроектом, надо вытащить его поболтать». Возражений не последовало. Слава разыскал мейл Дурова и написал ему.

Получив письмо, тот был не менее удивлен и рад. Старый товарищ, да еще с желанием и возможностями начать бизнес – конечно, встречаемся. Слава и Лев пригласили Дурова в петербургский офис семьи Мирилашвили на Тверскую улицу. Взявший название «мафия» самозванец, озираясь, шагал по коридору штаба, где сидели настоящие консьеры. После приветствий и вопросов за жизнь он включил обаяние и быстро снял сомнения, работать с ним или нет. «Разбирается в дизайне, как Джобс, очень хорошо говорит, пишет речи и тексты», – обрисовал первое впечатление Левиев.

После абстрактных дискуссий, что следует строить в интернете, Слава и Лев повернули к оппоненту ноутбук с открытым Facebook.

Не изучавший его доселе Дуров всмотрелся и услышал щелчок.

Находка Цукерберга претендовала на гениальность – создать сообщество, где ты действуешь под реальным именем и отвечаешь за свои поступки. Да, жизнь постепенно перетекала в интернет, отражалась в блогах и форумах, но слома парадигмы не происходило. Люди привыкли воспринимать сеть как другую реальность и видеть себя там в льстящем

себе фантастическом ракурсе – выдуманные образы, псевдонимы, ники, аватары с героями фильмов и игр.

Должен был найтись кто-то, имеющий наглость взорвать легитимность инкогнито и заманить человека в сеть в его натуральном, библейском виде, без прикрытия срама – под настоящим именем. Не то чтобы Цукерберг совершил этот шаг первым, но в отличие от разных «одноклассников» он воплотил на одном сайте удобный интерфейс и сервисы, обслуживающие базовые человеческие потребности: общение, самопрезентацию, самореализацию. Аудитория Facebook идеально годилась для эксперимента – лучшие университеты мира, люди около двадцати лет.

После просмотра Facebook компаньоны сказали впроброс, без конкретики: думаем, куда нам вложиться; рады делать бизнес с тобой. Дуров возвращался к метро через Таврический сад и слушал себя. Ему еще ничего не предложили, не обещали, но внутри дрожала струна, сообщавшая удивительно спокойные и счастливые колебания. Их частота давала железобетонное ощущение, что теперь все будет хорошо, очень хорошо.

Дуров сошел в метро, вынырнул, распахнул дверь в квартиру, включил монитор, надел наушники. В тишине звучала та же струна.

Когда все изменится необратимо и его личная война за независимость переживет апогей, в три часа ночи, сбившимся, не таким твердым, каким ему хотелось говорить, голосом Дуров скажет: «Вера в это ощущение не покидала меня очень долго. Появились „ВКонтакте“, миллион долларов, на который мы спорили с Ильей, инвестиции – а я уже порадовался, заранее, и пережил, что все эти события произойдут».

Вскоре поступило предложение – продать сайт и написать на его основе русскоязычный клон Facebook. Форум оценили в 10 000 долларов. Дуров взял тайм-аут на размышления и набросился на тех, чье мнение считал полезным. Соглашаться или нет?

Группа «Мафия» выступила скорее за сделку. «Паша, продай форум, купи машину!» – убеждала Дурова Эльнара, сыгравшая медийного Вергилия. «Не хочу машину, – отмахивался Дуров. – Меня укачивает».

Модератор факультета международных отношений Алексей Кобылянский вспоминал, что вариант с новым сайтом рассматривался как основной и споры велись вокруг названия – в частности, предлагался StudentList. «Я был недостаточно прозорлив, чтобы самому вложиться», – добавил он.

Дуров отказался, хотя, сказав «да», получил бы контроль в создаваемой компании или существенно больше денег. Но Дуров

определял, как себя вести, по иным параметрам. Кобылянский сказал об этом так: «Если Павел и предприниматель, то нового толка. Он отодвигал деньги на второй план и концентрировался на социальном эффекте и ценности для потребителей. Это, кстати, послужило поводом для мифа, что „ВКонтакте“ – проект ФСБ, люди не понимали такой благотворительности».

Парадигма социальной сети требовала нового интерфейса, имени, кода. А spbgu.org и так может помочь, решил архитектор и лично анонсировал форумчанам новый сайт, где люди взаимодействуют под реальными именами.

Слава и Лев взяли время на раздумья и предъявили Дурову несколько вариантов участия в предприятии, которому будет принадлежать написанная с нуля соцсеть. От зарплаты за 100 000 рублей и крошечной доли до 25 000 рублей и 20 %, включая возможность де-факто блокировать негодные решения.

Дуров колебался: «Я хотел обеспечить свои финансовые потребности раз и навсегда». Они с братом жили с мамой, которая «как прорывной провинциал любила деньги» и твердила, что пора зарабатывать более трех копеек.

Известный венчурный капиталист Билл Дрейпер однажды сказал: «Не тратьте даже время на размышления в сторону стартап-бизнесов Silicon Valley Style, если у вас в голове одна идея – как прокормить семью или купить себе ранчо. Это масштаб малого бизнеса – достойного, важного, социального. Но не того, кто запускает проект, – тот не должен думать о том, сколько денег он „поднимет“; только о том, как он изменит мир. И мир, возможно, ему потом заплатит».

Архитектора подмывало разом избавиться от житейских проблем, но ему хватило выдержки, и он предпочел стратегическую выгоду сиюминутной. Дуров верил, что стоимость его сети будет исчисляться в миллионах долларов. Мысль о том, что он, архитектор и творец, станет бесправным менеджером для своего детища, казалась невыносимой.

Друзья обговорили детали. По 20 % – Дурову, Мирилашвили и Левиёву. 40 % – Славиному деду, компании которого обеспечивали бэк-офис и тыл на случай приключений. Дуров – гендиректор с фактическим правом вето.

Последнее пригodiлось почти сразу. Управляя проектом, Дуров с самого начала блокировал различные идеи Славы и Льва, которые, например, хотели присоединить к соцсети интернет-магазины – коммерцию, создававшую cash flow. Хотя Перекопский, который был

в курсе перемен, предложил привязать к соцсети рекрутинговый сервис VKaдpe.ru и получил одобрение. Через год Дуров пожалел об этом решении и уничтожил непопулярный сервис.

Стратегию тройка основателей определила сразу: никакой монетизации и, в частности, рекламы первые несколько лет. За год предстоит набрать миллион пользователей. Все усилия надо приложить к тому, чтобы дать людям удобный инструмент коммуникации, чтобы они тащили в сеть друзей и превратили ее в доминирующее средство общения в интернете.

Слава взял кредит у отцовской фирмы и вложил в дело 30 000 долларов. Еще летом Дуров взял скопленные за три года деньги и купил сервер для будущих проектов. Так стартап обеспечил себя мощностями. Оставалось придумать название, а затем написать код.

Тотем Петербургского университета поступил наоборот.

* * *

Лабораторию института математики Макса Планка огласило пиликанье телефона. За окном медитативно падали листья и играли оркестры – население Бонна угорало по классической музыке на фестивале памяти Бетховена.

Телефон пропиликал еще несколько раз, пока появившийся аспирант не взял трубку. Мужской голос спросил Николая Дурова. «Его нет, – вздохнул аспирант. – Когда придет, сказать не могу. Он не появляется в какое-то определенное время».

За четыре года, которые Николай занимался высшей алгеброй в Германии и готовил диссертацию на петербургский матмех, родственники привыкли, что дозвониться до него трудно. Мобильная связь была дорога, и мать пользовалась международной телефонной карточкой. Под аккомпанемент струнных коллеги уведомили Николая, что ему звонили, и, когда после очередной нетерпеливой трели он поднял трубку, там оказался брат.

«Я занялся новым проектом», – без преамбулы сообщил Дуров и выдал параметры. Социальная сеть для студентов, профиль, стена, на которой отображается личная активность, сообщения, фотозагрузчик и альбомы. Плюс важнейшее – поиск людей не только по институтам-школам и годам обучения, но и по факультетам. «С чего лучше начинать?»

Николай не особенно удивился. Он помогал брату с первого

написанного им куска кода. Программа рисовала Сатурн и посередине Солнце – планета вращалась вокруг него почему-то по прямоугольной орбите. Когда брат придумал форум университета, он улучшал его движок InVision, правил php-код, добавлял новые функции. Форум превратился в проект с приличным трафиком, и Николай оптимизировал распределение нагрузки на сервер. Павел дорабатывал сайт, с большей охотой занимаясь пользовательскими интерфейсами и дизайном.

Но написать социальную сеть с нуля – это звучало как совсем другая история. Это было труднее, чем изменить старый сайт даже на 90 %. Николай ответил: «Я бы сначала занялся библиотекой авторизации и входом на сайт, а потом прикрутил остальной функционал».

Времени у братьев на эксперименты не оставалось – «Одноклассники» стремительно росли и, что самое скверное, запустился прямой конкурент – MoiFakultet.ru. Над ним трудились парни из МГУ под руководством каких-то экзотических, по слухам, австралийских инвесторов. Дуров зарегистрировался и стал разбираться, что натворили конкуренты.

Успокоился он быстро. Парни привлекли всего 1700 пользователей. Они не заморачивались со своими фишками и скопировали Facebook – начиная с того, что при регистрации требовали указывать почту на домене вуза. Это была явная глупость. Мало того что не каждый институт имел сайт и выдавал студентам e-mail – еще и редкий студент стремился получить этот почтовый ящик. Позднее MoiFakultet стал просить номер студбилета, но революции это нововведение не произвело.

Дуров начал кодить. Помимо правила реальных имен он ввел схожие с Facebook возможности, которые перечислил в телефонном разговоре брату. По неделе ушло на фото и опцию «назначь встречу». Одним из главных преимуществ он полагал максимально детализированный поиск по вузам и школам. Для последних он ввел поиск по литературе класса – «А», «Б», «В» и т. д.

Его девушка скрупулезно коллекционировала данные обо всех факультетах России и Украины, на которые Дуров серьезно рассчитывал. Если не находилось информации в открытых источниках, она звонила в Министерство образования или ректораты самих институтов. База расширяла географию – Москва, Петербург, Новосибирск, Екатеринбург, Челябинск, Нижний Новгород, Самара. Затем Киев, Одесса, Харьков.

Название «ВКонтакте» пришло в голову сразу, без романтического перебора вариантов. Оно звучало легко. Сначала Дуров хотел добавлять названия городов – типа «В Контакте С Хабаровском», но вовремя отказался от этой идеи.

Получившийся сайт в серо-синих тонах стал горячим сырьем, спиртовой таблеткой, валежником для костров амбиций интернет-спорщиков. Лейтмотив все эти годы неизменен: украл «человек в черном» идею Цукерберга или нет. «Тупоконечники» утверждают, что, раз взял основные решения, – вор. «Остроконечники» отвечают, что идеи ничего не стоят и висят в ноосфере, срывай и надкусывай – главное в том, как их докрутить.

Сам Дуров не видел в переработке чужих идей ничего предосудительного: «Стив Джобс учился и декомпилировал „Сони“, разбирая Walkman’ы и ощупывая их полиграфию. Если бы общество послевоенной Японии или Америки 80-х относилось к заимствованиям так, как сегодня относимся мы, там могло бы попросту ничего не вырасти».

Отвечая на прямой вопрос о копировании, Дуров не отрицал, что произвел на свет клон. Когда закрытая версия «ВКонтакте» уже была запущена, на форуме физфака разгорелась дискуссия с парнями из MoiFacultet.ru, сравнивая с самыми кассовыми драками на форуме истфака.

Автор: durov 3.12.2006, 23:33

Ребята, важное объявление.

Данный сайт создан на профессионально низком уровне и имеет десятки дыр, через которые хакеры могут узнать вашу личную информацию. БД со всеми личными данными, внесенными на moifakultet, продается в интернете за 800 долларов. Я бы не поверил этому, если бы мне не предложили купить базу данных, от которой я, разумеется, отказался. Но я отказался, а кто-то согласится.

Почему предложили мне – я один из создателей проекта ВКонтакте.ру. Этот сайт, как и moifakultet, является клоном американского сайта facebook.com, однако мы создаем наш, российский сайт со своей спецификой и рядом функций. Если вас заинтересовал moifakultet, но вам не нравятся баги, слабая функциональность, корявость в альтернативных браузерах и т. д., я советую использовать ВКонтакте.ру.

Друзья, если вы посмотрите сайт и согласитесь, что vkontakte.ru – проект более серьезный и профессиональный, прошу пригласить туда друзей и предупредить их о том, о чем я рассказал. Для всех нас очень важна ваша поддержка – без нее проект и все наши старания бессмысленны. Пожалуйста, напишите, что вы думаете об этом.

Автор: durov 4.12.2006, 7:44

UPDATE!

Только что мне рассказали, что администратор сайта moifakultet.ru теперь обвиняет нас в том, что мы его якобы злостно взломали. Приехали, называется...

Мы сотрудничаем с серьезной командой по информационной безопасности, которая с нами работала некоторое время, – они не занимаются нелегалом. Как оказалось, moifakultet взломали хакеры, которые как-то узнали о работе над параллельными проектами и решили «через них» подзаработать. Продать дыры одного сайта владельцу другого и наоборот. Они связались через нашу команду со мной и предложили купить БД незадачливого конкурента. Не получилось – нам это просто не надо. Не уверен, что та сторона была бы настолько же великодушна, но я хакеров послал. А теперь в благодарность распространяются байки про то, что «они нас взломали».

Автор: Данила 4.12.2006, 12:58

Новый проект Павла и Николая Дуровых стартует с криминальной хакерской атаки и плагиата!

КРИМИНАЛ. Наш сайт (MoiFakultet.ru) 01.12.06 подвергся криминальной хакерской атаке со стороны команды Павла Дурова. Документальное свидетельство (заказ на взлом сайта) смотрите в Яндекс-блогах:

<http://blogs.yandex.ru/search.xml?how=tm&rd=2&text=moifakultet.ru> [сейчас ничего криминального по этой ссылке найти невозможно. – Н. К.].

Вот цитата текста объявления Павла или его подручного: «Большая просьба проверить два сайта на уязвимость: _vkontakte.ru и moifakultet.ru Если найдете во втором сайте серьезные дырки, с меня \$. Заранее спасибо».

После этого, 01.12.06, наш сайт был взломан и прекратил работать на 1 сутки...

Возможно, часть мейлов был похищена и будет в дальнейшем использована для увеличения аудитории сайта vkontakte.ru.

ПЛАГИАТ. До хакерской атаки Павел с братом отличились тем, что оперативно скопировали наш сайт. Убедиться в этом

также просто: достаточно посмотреть на дату регистрации нашего сайта: (domain: MOIFAKULTET.RU, created: 2006.08.14) и на дату регистрации домена vkontakte.ru (domain: VKONTAKTE.RU, created: 2006.10.01). А после этого сравнить сами сайты.

И то и другое – неправомерные деяния по российскому праву...

Выводы о чистоплотности организаторов сайта и о доверии к ресурсу делайте сами. Для нас очевидно: Павел и Николай не брезгают никакими методами...

Автор: durov 4.12.2006, 13:02

Не надоело сыпать клевету и ложь?

Ребята, посмотрите сайт facebook.com и оцените, что кто у кого скопировал и когда =]

В СОТЫЙ РАЗ ПОВТОРЯЮ: Я ЭТОГО НЕ РАЗМЕЩАЛ И РАЗМЕЩАТЬ НИКОГО НЕ ПРОСИЛ.

Хватит фантазий.

Умейте отвечать за свои дырки, а не валить все на злые силы.

В суд подадим за клевету!

Автор: Данила 4.12.2006, 13:30

Достаточно прочитать эти две ссылки, чтобы стало все понятно.

Павел просто дружит с криминальными элементами, которые ломают неудобные сайты. При этом в частном разговоре по «аське» Павел признал, что размещал заказ. Да что тут говорить, все и так видно... Заказ размещен, сайт взломан, наши пользователи уже на его сайте... Не надо быть Шерлоком Холмсом...

Автор: durov 4.12.2006, 14:15

Простите, что Вы несете???

Извините, я больше не могу выдержать этого бреда... Надеюсь, Вы успокоитесь и перестанете во всех ваших грехах винить только меня. Бог видит – я Вам не вредил.

Перед остальными могу только извиниться за этот грязный базар. Надеюсь, все эти разборки никому не испортили настроение.

«Facebook подсказал не как надо делать, а как не надо, – объяснял Дуров. – „Одноклассники“ – тоже. Важно было понять, от чего избавиться. Я понял, что главное – стартовая страница пользователя. Человек хочет видеть свой профиль, а не ленту происходящего у друзей и предложение разных возможностей, как у Facebook. Надо выводить личную страницу как стартовую, чтобы человек загружал больше личных данных, чтобы лепил идеального себя».

Догадка Дурова не была оригинальной – с момента возникновения социальных сервисов стало очевидно, что у человека возникают отношения со своей страницей, профилем. Люди не только загружают новые фотографии, но и периодически редактируют данные, любимые цитаты, предпочтения, создают свой образ. Но ставить как стартовую страницу сам профиль и стену – это как раз чисто русская находка.

Разобравшись с функционалом, Дуров ломал голову над дизайном. На мониторе мерцали варианты. Малкольм Икс чеканил в наушниках: «Мы покажем, как проснуться и начать настоящую революцию! Хватит трепать языком. Нам нужны не разговоры, нам нужны действия!»

Логотип? Без наворотов, что-то лаконичное. Наберем «ВКонтакте» Таhоmа. Теперь цвет. Мы не должны вызывать ярких негативных эмоций. Какие цвета никого не бесят? Синий, белый, серый. Что ж, мы будем чуть серыми, но узнаваемыми. Выпуклая буква всплыла в его сознание откуда-то из воспоминаний об уроках Руткевича.

«Тема Лебедев может ругаться на наш логотип, – почти кричал Дуров, уворачиваясь от идущих по Невскому прохожих. – Ну и что! Леонардо да Винчи, наверное, тоже ругал строителей древнеримских дорог – типа „почему их будто по прямой прокладывали?“ – а строители создавали инфраструктуру».

Светофор, на противоположном берегу проспекта двери штаба, Казанский за спиной. Дуров помолчал, затем снял кепку, быстрым движением пригладил волосы и водрузил ее обратно. «По крайней мере я никогда не копировал, не применяя мозг».

* * *

1 ноября 2006 года «ВКонтакте» открылся для узкого круга пользователей. Первые id распространили между владельцами и группой «Мафия». Где-то со второго десятка примкнули старые форумчане.

Конкуренты из MoiFakultet.ru не спали и медленно, но все-таки

расширяли аудиторию. Дуров понимал, что ему предстоит не просто внедрить элегантный и понятный человеку инструмент. Надо было затащить во «ВКонтакте» незнакомую с ним, университетским демиургом, аудиторию. Для этого следовало отстроиться от имиджа петербургского локального ресурса.

Специалисты только что образованного IT-сообщества «Хабрахабр» были единодушны: новую социальную сеть создавать бессмысленно, так как тема социальных сетей на 146 % исчерпана сетями «Мой круг» и «Одноклассники». «Как это часто бывает, эксперты хорошо предсказали прошлое», – ухмылялся Дуров.

Он списался с форумом «Дубинушка» физфака МГУ. Он даже купил у физиков рекламные баннеры – не столько ради рекламы, сколько ради лояльности москвичей. Раньше гуру social media он сообразил, что прямая реклама среды, где люди коммуницируют без преград, – бессмысленна. Работает только искренний интерес, только сарафанное радио.

Активность на форумах МГУ выстрелила. Конечно, во «ВКонтакте» регистрировалось больше питерцев, но московская диаспора также росла. Через месяц Дуров открыл сайт для всех. Единственным требованием к новоприбывшему он выставил приглашение со стороны уже зарегистрированного пользователя. Эта мера втыкала решетку перед мордами троллей и давала привкус элитарности, что заставляло стремиться во «ВКонтакте» тысячи студентов – хотя бы поглядеть, как там внутри.

Я услышал о «ВКонтакте» весной 2007 года на тусовке бывших одноклассников. Когда школьные товарищи нравственно обнялись, распрощались и одной рукой уже залезли в пальто, кто-то крикнул: «А давайте зафрендимся в социальной сети! „Чтобы не теряться“».

Несколько человек среагировали – клевая идея, давайте в «Одноклассниках», мы там уже есть. Пара умников сказала: нет, ЖЖ интереснее. Внезапно две отличницы (детсадовский воспитатель и бухгалтер) предложили: «Лучше во „ВКонтакте“, там легче искать по школам-классам-факультетам-годам выпуска». – «Можно еще встречи назначать и фотоальбомы составлять». На том и договорились.

Именно такая аудитория – не программисты, а люди, оценившие удобство и интуитивно ясный интерфейс, – повалила тысячами в день.

«ВКонтакте» трудно было бы сделать человеку не из студенческой среды, – писал Дуров. – Я делал для себя». Первые два месяца он лично поддерживал сайт и отвечал на вопросы, а потом передал эту работу id2, Александре Владимировой.

Население «ВКонтакте» за два месяца выросло до сотни тысяч

пользователей. Внизу каждой страницы соцсети стояла подпись – «Павел Дуров».

* * *

Праздный люд, сидящий за чашкой кофе на Невском, не раскусил юношу – темные волосы, небритая щека, модное пальто – и не понял, чем он на самом деле занят. Версии были такие: драгдилер, продавец гербалайфа, мормон, свидетель Иеговы. Он сидел в «Кофехаузе» уже несколько часов, и все это время к нему стояла очередь из студентов.

Студент подходил, назывался, молодой человек искал его в списке, проверял паспорт, вытаскивал из-под полы небольшую коробочку и вручал ее оппоненту. На соседнем стуле лежали пакеты, и, пока они не кончились, мормон выдавал их всем, кто прошел проверку.

Это был Лев Левиев, и раздавал он не гашиш, а айподы. По его версии, идея конкурса родилась у Славы – кто пригласит во «ВКонтакте» больше всего друзей, получит джобсовский плеер. Дуров тогда еще не использовал устройства Apple, но дизайн айподов и идея ему понравились.

По другой версии, эту идею отцы-основатели взяли у MoiFacultet. Правда, у тех количество разыгрываемых плееров ограничивалось десятками. Слава перешиб конкурента числом. Компаньоны купили тысячу айподов.

«ВКонтакте» успел обрести поклонников, и двое из них – откуда-то из области – напечатали фосфоресцирующие футболки с логотипом сети и прислали на Тверскую. Лев прихватил их с собой в кафе. Под конец раздачи голова шла кругом, но страдания дорогого стоили – решающий для любого интернет-проекта набор ранних фанатов, то есть закладка фундамента будущей аудитории, прошел на ура.

Новый год друзья отмечали в победном расположении духа. Цель – миллион пользователей к ноябрю 2007-го – казалась быстродостижимой. Но уже в феврале сайт рухнул.

Месяцем ранее, раскинувшись, как патриций, на глубоких подушках, Олег Бунин затягивался кальяном и пускал дым в потолок. Он, консультант по высоким нагрузкам, больше напоминавший менестреля (кудри, что-то типа кованого амулета на шее, никаких пиджаков-галстуков), слушал чайников, затащивших его в вальяжный азиатский шалман.

Парни не рубили в предмете, но выглядели любопытно. Замкнутый старший брат, обращаясь к собеседнику, редко смотрел в глаза, думал

долго, говорил мало, жесты неуклюжие. Младший, наоборот, подвижный, речь поставлена, вопросами попадает в точку – при этом не лезет в лидеры, подчеркивая, что техническими задачами в их соцсети заведует брат, который круче него как программист.

Стороны встретились в кафе «Рубай». Еще несколько лет у «ВКонтакте» не будет офиса, и Дуров с программистами любят обсуждать дела в заведениях Невского. Лишь годом позже тотем посадит соратников в специально приобретенную квартиру.

Окутанный дымом Бунин растолковывал азы – как хранить и отдавать информацию с сервера, какие особенности существуют при расчете необходимых мощностей, масштабировании системы и т. д. По тому, как заказчики схватывали идеи, менестрель чувствовал, что долго консультировать их не придется.

Но он не предполагал, насколько быстро они въедут в тему. Николай хоть и выигрывал олимпиады по программированию, но решать сложные задачи – все равно что учиться колоть штыком манекен. Укрощение трафика, когда он растет в геометрической прогрессии, – иная баталия.

Бунин посоветовал использовать сервер Apache в комбинации с сервером Nginx. Через несколько часов от Николая пришла весточка – я поставил эту конфигурацию, посмотрите. Бунин изумился. Nginx обычно настраивают полнедели. Еще больше поразило, что Дуров-старший все написал правильно.

Консультант «подкрутил параметры», и первая версия запустилась. «Дуровы все быстро поняли и через три месяца перестали советоваться, – резюмировал Бунин. – Мы показали, куда копать, и они перекопали нас».

Мы встретились на конференции HighLoad-2011. «ВКонтакте» прислала разработчика Андрея Илларионова, и набитый битком зал задавал ему недоуменные вопросы по их системе распределения нагрузок. Некоторые решения не то что не приходили никому в голову – даже после выступления не стало яснее, как они работают.

«Когда общаешься с обычным человеком, почти всегда представляешь, что он ответит, – говорил Бунин. – Павел постоянно думал по-другому и масштабно. Знаете, как Цукерберг в фильме „Социальная сеть“ – когда девушка его отвергла, приятель хочет посочувствовать, а он уже думает о своей сети: „Пора расширяться“. Дуров – такой же».

Это наблюдение Бунина повторяли разные деятели рунета. Способность думать иначе стала краеугольным камнем для дуровской команды, спровоцировала изменения личности ее участников и привела к неминуемому конфликту с окружающей реальностью.

Но тогда, первой зимой «ВКонтакте», сентенции Дурова выдавали лишь оригинальный ум. Для интернет-тусовки соцсеть выглядела не более чем любопытным проектом с пассионарным основателем, уверенным, что выведет сайт в топ популярных ресурсов.

Дуровы советовались с консультантами, но вызывали их все реже. «Какие-то вещи я сразу сделал, как считал нужным, – рассказывал Николай. – Например, Бунин советовал хранить фотографии на одном домене и пропускать все через один сервер. А я предложил отдавать фото с того сервера, где они находятся».

Счетчик посещаемости крутился как бешеный, пока однажды февральским вечером Павел Дуров не набил в браузере vkontakte.ru и не обнаружил вместо соцсети «ошибку 502». Вход на сайт для пользователей оказался закрыт.

Дуров набрал телефон хостинг-провайдера. Трубку взял дежурный инженер.

– Алло, привет. Мы висим.

– Привет, сейчас разберемся. (Пауза.) Так. Идет огромный поток запросов к сайту, волна полтора гигабита. Канал забился.

– Есть идеи, что делать?

– Если честно, нет.

Звонить в Бонн поздно, брат наверняка ушел из лаборатории. Пальто, штиблеты, ключ, деньги, такси. Дуров ворвался в прохладную комнату со стеклянными стеллажами, нашел свои сервера и перезагрузил их.

Волна шла из Китая, Южной Америки, Украины. Даже если передать провайдерам списки IP-адресов, участвовавших в атаке, чтобы те их заблокировали, – все равно шансы на успех мизерны. Соперник не идиот, атакует с других компьютеров.

Утром Дуров известил брата, и они начали суматошно перебирать способы защиты. Сначала арендовали маршрутизатор, который идентифицирует врага. Зная провайдера, можно его блокировать – но, опять же, провайдеров-то тысячи.

Ночами они с Николаем, который еще не дописал диссер, созванивались и ломали головы, что бы предпринять. Атаки продолжались – их старались заваливать запросами ближе к ночи. Особой популярностью пользовался вечер пятницы, когда в офисе провайдера оставался только дежурный. На форуме СПбГУ жаловались, что «ВКонтакте» лежит, сочувствовали, но ничего посоветовать не могли. Слава и Лев вели свое расследование, и им даже слили переписку с исполнителями атаки, однако установить заказчика не удалось.

Дуров написал письмо юзерам:

«В течение прошедшего дня (18.02.2007) активность доходила до фантастической отметки в 2 млн запросов в минуту. Это позволило предположить, что весомая доля запросов была создана искусственно для того, чтобы часть пользователей не смогла попасть на сайт. 95 % из этих искусственно создаваемых запросов шли из-за рубежа.

Также мы получили серию новых коммерческих предложений, часто смешанных с угрозами. Мы по-прежнему отклоняем предложения людей, которые хотели бы превратить студенческое сообщество в обычный бизнес. „ВКонтакте“ никуда и никому не будет продаваться».

Строго говоря, атаки были разновидностью проблемы высоких нагрузок на сайт. Но здесь советы Бунина – да и никого другого – не помогали. Дуров спал по несколько часов в день, метался злой, с мутными глазами, между серверной и компьютером и лихорадочно искал вакцину против эпидемии.

Наконец он наткнулся на статью в журнале «Хакер» о том, как сисадмин на языке Perl написал программу, которая вычленяет IP-адреса нападающих, и сервер блокирует их. Операция происходит каждые три секунды.

Статья подтолкнула их с братом к созданию своего защитного кода. Николай написал нечто похожее. Протестировали, доработали, опять протестировали, опять доработали – и так, пока не удалось частично купировать атаки. Нервотрепка продолжалась, но задача уже начала решаться.

Дуров размышлял, кто мог быть заказчиком. Предположим, конкуренты из MoiFacultet. Простите, но один час такой атаки стоит 500 долларов – а «ВКонтакте» подвергали DDOS-набегам сутками. Откуда столько денег у стартапа? К тому же средства явно эффективнее вложить в продвижение, серверы. Вряд ли это австралийцы и компания. Но кто же?

Пока Дуровы боролись с хакерами, акционеров долбил иной тип атакующих – инвесторы. Стартап, запустившийся без рекламы и аккумулировавший 100 000 юзеров, привлек внимание всех, кто хоть немного разбирался в интернете. Одни хотели сотрудничать, другие – приобрести компанию. Дуров в этих встречах не участвовал; отдувались

Слава и Лев.

Установка звучала просто. Не то что контроль, а даже блокирующий пакет не отдадим. И вообще, сделка нужна вам, инвесторам, а не нам – мы органически растем и с каждым днем увеличиваем свою стоимость.

«ВКонтакте» переговаривались с разными деятелями – от Романа Симонова из Delta Private Equity Partners до отца «Одноклассников» Альберта Попкова и его партнеров-латышей из Forticom. Некоторые предложения звучали заманчиво. Но Слава и Лев отвергали предложения, загипнотизированные верой Дурова в то, что надо продаться позже и тому, кто предложит наибольшие деньги и гарантирует минимальное вмешательство во «ВКонтакте».

Впервые что-то искренне заинтересовавшее их партнеры услышали в апреле. Слава позвонил Дурову и сообщил, что ему наверняка интересно поприсутствовать на встрече с Юрием Мильнером. Знаменитый ныне венчурный капиталист, инвестировавший в Facebook, Twitter, Groupon и других передовиков интернета, в 2007 году был не так известен. Но то, что он собрал под знамена своего Mail.ru «Одноклассников» и игровой холдинг Astrum, – интриговало. Мильнер не напирал. Его oferta звучала как «встретимся и поговорим», а не «продавайтесь, или запустим свою сеть и сотрем „ВКонтакте“ с лица земли», чем грешили некоторые претенденты.

Итак, переговорщики съехались на Тверскую и уселись за стол. Светящийся доброжелательностью Мильнер, не выпавшийся из-за атак Дуров в черной водолазке и черных брюках, очень деловые и вежливые Слава и Лев.

Впоследствии умение Мильнера заключать сделки стало легендарным. Во-первых, он умел разобраться, с кем имеет дело. Стартапу с неочевидной перспективой мирового господства он предлагал рыночную цену. Вот как описывал это на Slon.ru основатель Liveinternet.ru и других проектов Герман Клименко: «Он приходит и говорит: „Вы будете стоить 20 млн долларов, а я вам дам два“. Вы говорите: „Да? Ну и на х... пошел!“ И уходите домой. У вас дома жена и 300 долларов в месяц. Ну или неважно сколько. И вы жене говорите: „Знаешь, дорогая, ко мне сам известный инвестор пришел, 2 млн долларов обещал. И я ему сказал: „На х... пошел!“ Жена начинает пилить, и через две недели вы сами позвоните и скажете: „Ну ладно, пять!“ А инвестор знаете что ответит? „Один!“ Вы скажете: „Как же так! Вы обещали хотя бы два!“ А он передумал.

Если же Мильнер видел блестящее будущее и пассионарных основателей, то назначал цену выше рыночной. Это было частью прославленного стиля DST Deal – сделки, при которой инвестор

гарантирует невмешательство в управление компанией, не настаивает на кресле в совете директоров. А главное – не парит мозг сложносочиненным контрактом, довольствуясь бумагой в три листа. И, опять же, не скряга и не торгуется, как на самаркандском базаре.

Сын академика Мильнера, экономиста, пришел к этому стилю – и вообще к своему пониманию будущего, – наткнувшись в 1999 году на обзор аналитика Morgan Stanley Мэри Микер о перспективах интернета. К тому времени он закончил физфак МГУ и Уортонскую школу бизнеса, затем трудился во Всемирном банке и брокерской компании Ходорковского. Олигарх был его кумиром. (Троль Дуров не признался Мильнеру, что после посадки кумира повесил в туалет тяжелую раму с портретом Ходорковского, чем эпатировал математиков, заглядывавших к брату.)

Осознав, что интернет – это среда будущего и вести в ней бизнес – великий вызов, Мильнер создал свою компанию. В 2006 году она преобразовалась в холдинг Mail.ru. Стратегия этого спрута заключалась в том, чтобы сожрать все перспективные коммуникационные проекты в рунете и окрестностях. Мильнер догадался, что деньги идут вслед за разными формами взаимодействия людей между собой, и начал скупать соцсети.

Позже, когда он начал инвестировать в мировых гигантов, Кремниевая долина переполошилась – вести дела, как Мильнер, считалось фриковством! Не принято инвестировать в компании на стадии перед IPO. Не принято рассчитывать цену не на основе прибыли, а на основе востребованности идеи в будущем.

Мильнер крутил чужие деньги – с ним сотрудничал металлургический и телекоммуникационный магнат Алишер Усманов. Поговаривали, что тот полез в интернет и медиа по просьбе власти – чтобы контролировать каналы доставки контента, его производителей и саму информационную среду будущего.

Первый вопрос Мильнера касался трафика: «Как справляетесь с нагрузками?» По воспоминаниям Левиева, Дуров был совсем неопытным переговорщиком, почти не имел опыта диспута с бизнесменами.

Но тотем почувствовал, что инвестор стоящий, и включил свой навык производить впечатление. Если бы кто-то взялся составить рейтинг боев по интеллектуальному карате, эта дуэль, выглядевшая как умиротворенная беседа, вошла бы туда. Два талантливых пиарщика – Мильнер и Дуров – прощупывали друг друга.

Тотем не стал раскрывать карты и ответил в том духе, что с нагрузками хлебнули дерьма, но сейчас все в порядке. Мильнер сочувственно

выслушал и задал второй вопрос: «Как раскручиваетесь?» Дуров бросил: «Органически». Затем добавил, что не считает необходимым тратить деньги на рекламу – айподы и полоса в студенческой газете «Сачок» не в счет. Если проект кому-то нужен, молва о нем разлетится, подобно эпидемии. Несмотря на атаки, аудитория «ВКонтакте» продолжала расти в геометрической прогрессии.

Мильнер приезжал в Петербург еще несколько раз, и в одной из бесед мелькнула тема, что директор Mail.ru Дмитрий Гришин считает «ВКонтакте» конкурентами. Гришин запускал соцсеть на основе почтового сервиса Mail.ru – «Мой Мир». Кроме этого, DST в рамках своей «коммуникативной» стратегии приобретала долю в «Одноклассниках».

Дуров не придавал сведениям о ревности Гришина большого значения, так как считал конкуренцию благотворной. Но однажды он сопоставил даты визитов Мильнера и атак на сайт. Выяснилось, что они практически совпадают.

Впрочем, железных доказательств версии, что инвестор таким образом санкционировал проверку «ВКонтакте» через своего менеджера, Дурову заполнить не удалось.

Первая встреча закончилась безоблачно. Дуров понравился Мильнеру. Человек в черном признавал, как интернет меняет человеческую жизнь, какие потребности он может удовлетворить, и не стремился быстрее накопить денег. Последнее выглядело важным, так как Мильнер признавал: проекты, выжимающие копейку, рано или поздно начинают бесить пользователя.

Летом речь зашла уже о конкретных условиях. Мильнер оценил «ВКонтакте» в 40 млн долларов. Стороны начали торговлю – здесь на первый план вышел Слава. Он заявил, что соцсеть стоит 60 млн. Свои позиции он оборонял настолько яростно, что Мильнер согласился отдать 15 млн за 24,99 %. При этом капиталист выбил себе право на увеличение доли до 49 %.

Сделку оформили быстро – изящный договор в стиле DST Deal был подписан в июле. Если бы теперь Перекопский спросил Дурова, где заработанный миллион, тот предъявил бы ему счета. Но Перекопский вспомнил о споре нескоро – перспективы, нарисовавшиеся после альянса с Мильнером, ослепляли своим блеском сильнее золота.

Глава 4

Сок черешни

Это была странная квартира. Едва не в полтора квадратных метра, с четырьмя комнатами, глядящими узкими вытянутыми окнами во двор-колодец. Со стороны фасада шумел и клокотал человеческий трафик Невского. Население квартиры менялось от одного до десяти постояльцев. Средоточием жизни служила тесная комнатуха. За сдвинутыми столами стучали клавишами люди, останавливаясь лишь в шесть утра, когда по провайдерскому обыкновению падала сеть. Тогда люди обсуждали богословские вопросы типа: «Какой должна быть платформа для разработчиков?» или «Что хотят люди от соцсети?» Затем, утомленные кодом и схоластикой, валились на кровати и спали до часа дня.

Чтобы попасть во двор, Лев свернул с проспекта в подворотню с дверями неясного назначения и крадущимися по стенам проводами. Раньше дом занимали контора и квартиры банкира Блокка, который реконструировал здание и воздвиг на фасаде аллегии Правосудия и Адвокатуры. Дуров питал слабость к символике, и наличие аллегорий сыграло роль в выборе квартиры, к которой, гулко топая по лестнице, поднимался акционер его компании, нагруженный коробками.

Часто ночами одна из теней отвлекалась от ноутбука и бросала клич: «Кто за суши?» Коллеги неохотно отрывались от экранов и выдвигались в сторону двери и вниз по лестнице – к бару на углу Фонтанки и Невского. Но в эту ночь они были заняты настолько, что Дуров набрал номер Льва и попросил привезти еды.

Лев добрался до двери, перевел дыхание. Позвонил. Шаги. «Пи-ищу заказывали?» – крикнул он. Дверь открыл Дуров и, улыбаясь, отошел в сторону. Лев, хоть и не впервые заглядывал сюда, с удивлением осмотрел пустующую квартиру. Его приход будто не заметили.

Программисты сгрудились в каком-то чулане. Николай восседал в кресле и стучал по клавиатуре, время от времени прикладываясь к шоколадному батончику. За самым большим из сдвинутых столов согнулся кто-то худой и растрепанный. Некоторые из аутистов все-таки поздоровались, но, взяв еду, вернулись к коду.

Лев поговорил с предводителем, по которому было видно, что он тоже не прочь уткнуться в десктоп. Впрочем, Дуров, как всегда, был вежлив

и прохладно приветлив. Висело ощущение шабаша, на который заглянула человеческая душа. Лев чувствовал себя не совсем уютно.

После сделки с Мильнером осенью 2007 года Дуров получил на счет деньги и с помощью матери, устроившейся риелтором, вложил их в квартиры – одну купил недалеко от дома, другую как офис, в сердце города. Николай вернулся в Петербург, и вот они с братом осматривали анфиладу комнат – две спальни, гостиная, подобие чулана для прислуги, кухня. Дуров как истинный петербуржец привык жить в декорациях к историческим спектаклям, хотя, впрочем, признавал, что в последнее время репертуар измельчал и театр пробавляется одноактными оперетками про весенние сосули.

Команда расширялась, и вскоре в девятиметровом пенале за сдвинутыми столами толкались четыре человека. Изредка кто-то уходил на кухню и кодил за столом для готовки. Прочие метры оставались невостребованными.

Четырьмя годами позже я сел в лифт, напоминавший золоченую клетку, устланную коврами в духе советского министерства тяжелой промышленности, и поднялся на один из двух этажей «ВКонтакте» в доме Зингера. Перед дуровской бандой здесь обитали юристы, которые хоть и скрепляли транснациональные сделки, но существовали без изысков – дешевые панели, подвесные потолки, ковровлин.

Дуров въехал на этаж и изменил ровно четыре вещи. На стойке появился логотип сети, рядом с кабинетами возник механизм, выжимающий из апельсинов сок, и длинный диван с валиком в виде коров, высовывающих языки. На двери повесили доски с магнитным шрифтом (конечно, Таhоmа) – «Сквот ИЕ. Кости в танке», «Наркомпросвет», «Злые пользователи», «Музей Павла Дурова».

Все прочее осталось неизменным – включая торчащие провода, отваливающиеся панели и другие предметы быта от прошлых хозяев. Дуров бросил в бой программистов и почти не отвлекался на офисные заморочки.

Проходя по штабу, я вспомнил, во-первых, тропинки, от которых муравьи не отклоняются, а во-вторых, свою квартиру летом, когда семья уехала на дачу и жизнедеятельность происходит только по тем маршрутам, где я, пользуясь свободным временем, живу и пишу с перерывами на сон. Так я понял, что приехал к близким по духу товарищам.

А тогда, в блокковском доме, кодеры сидели друг у друга на голове. Толкотня в пенале – братья перед десктопами, остальные за ноутбуками – никак не отражалась на результате. За год после ночного визита Льва

с пиццей «ВКонтакте» открыла сервисы, которые обеспечили ей рост трафика в геометрической прогрессии. В первую очередь – видеохостинг и аудиохостинг с собственными плеерами. Во вторую – системы рейтингования юзеров через платные sms и подарки, мобильная версия.

Прежде чем врубаться в разработку сервисов, впоследствии принесших ему скандалы и судебные иски, Дуров охотился за головами. Позиции его были привлекательны: сайт входит в пятерку самых посещаемых в России, молва сделала его культовым в Петербурге, быстрее него летает только Google.ru. Его умение обаять и желание нравиться должны были притягивать гениев.

Одного из его самых ценных кадров пробовал сманить Google, но кадр, не моргнув глазом, ответил хедхантеру:

«Hey Nina,
It is the best company in Russia and possibly in the world.
I'm very happy to be able to create magnificent software and design at VK.
Regards, N.
P. S. Here's an address for CVs in case some of your programmers would like to apply».

Знакомые еще по группе «Мафия» Кузнецов и Столбовский занялись аудиохостингом и мобильной версией. Эти сервисы выглядели естественным выражением идеи Дурова об открытости информации. «Давайте сделаем русский YouTube», – предложил он банде.

Люди должны обмениваться контентом без преград. Закон позволял соцсети не нести ответственность перед правообладателями – «ВКонтакте» лишь предоставляла платформу для выкладывания песен. Загружать музыку, слушать ее, составлять плейлисты – короче, использовать соцсеть одновременно как полку для пластинок и проигрыватель – что может быть притягательнее?

Пиратские сайты были неудобны и не имели преимуществ соцсети, где действуют люди под настоящими именами. Myspace содержал мало русской музыки, а другие сервисы и вовсе были неизвестны. Очевидную лакуну взялся заполнить программист Александр Кузнецов, он же Кузя.

В отличие от музыки, спешка с версией для телефонов казалась странной. Люди редко использовали трубку как точку входа в интернет. Мобильный трафик рунета в 2007 году рос не такими мощными, как сейчас, темпами, и можно было потерпеть год-другой. Однако Дуров свято

верил, что если писать версию сразу, то к мобильному буму подойдешь во всеоружии – и пользователь привыкнет.

«Одноклассники» и «Мой Мир» от Mail.ru решали другие проблемы. Первые выжимали из пользователей копеечку через платные опции, включая регистрацию, вторые находились под впечатлением экспертного шума на тему: «Все умрут, а блоги останутся». Столбовский был отряжен писать мобильную версию, и через год она увидела свет.

На этих двух разработчиках университетский ресурс Дурова иссяк. Требовалась новая кровь. И в этот момент ему подвернулись два друга-программиста, которым предстояло превратить «ВКонтакте» в то, как он выглядит сейчас.

* * *

Олег Андреев и Андрей Rogozov познакомились на том же нёрдском озере Зеркальном, где тотем, краснея и запинаясь, читал лекцию о паскале, а его брат блистал в математическом отряде. Оба торчали на программировании и переписывались после того лета. Rogozov попал в олимпиадную «единичку» 239-й, а Андреев окончил Аничков лицей, где искусство кода преподавалось как предмет. Поступив в Политех, они создали что-то типа артели, которая писала сайты и сервисы для коллег. Они прославились в узких кругах и получали заказы со всего мира – в том числе соцсети; хорваты оплатили создание локальных «Одноклассников», staryiprijatel.hr.

Архитектор сразу опознал в Андрееве единомышленника. Дуров фанател от книг Пола Грэма, программиста и создателя инкубатора стартапов Y Combinator. Грэм доступно и емко излагал философию программирования и независимости от IT-монстров. Ты творец, меняющий кодом реальность. Программист – художник новой эпохи, который, экспериментируя, создает миры по своему вкусу. Он свободен от уродливых корпоративных этик, практик и дурного шлама.

«Для нас программирование – это инструмент, – рассказывал Rogozov об Андрееве. – А для него это как оперный спектакль. Важен не столько результат, сколько красивый код, язык, архитектура». Андреев вечно что-нибудь придумывал и пользовался языком ActionScript3, которым Дуров не владел. Случай проверить его в бою выпал быстро.

Дуров придумал приложение, где пользователь мог виртуальным баллончиком рисовать граффити. Ему не терпелось показать эту штуку

публике, но требовалось переписать ее на ActionScript3. Андреев согласился помочь. Вечером они начали менять «Граффити» – Андреев в своей квартире, Дуров в своей. Переписывались по ICQ, где у предводителя остался ник Mr.President.

Они стучали по клавишам всю ночь. Как вспоминал Андреев, он едва не валился спать, но Дуров подгонял его. Все, кто работает во «ВКонтакте», поражались умению архитектора в моменты истощения генерировать дополнительную энергию. Перекопский вспоминал, как тот мог не спать несколько ночей; при этом не был как-то особенно бледен, разве что зол.

Слушая подобные разговоры, я воображал дух Кастанеды, приземляющийся на брошенный аэродром. Если не знать о ненависти Дурова к веществам, можно заподозрить в нем кокаиниста или амфетаминщика.

Андреев стряхнул с себя сон и продолжил фиксировать ошибки. Он дорожил мнением тотема и рвался посмотреть, как отреагируют юзеры на граффити. «Павел в отличие от большинства программистов понимал, чего хочет от жизни школьник и студент и как это выглядит в дизайне, – рассказывал он по скайпу из Франции. – Он умел смотреть глазами человека, у которого старая версия браузера и медленный интернет».

Сквозь шторы просачивалось утро. Наконец все было готово, и Дуров запостил приложение во «ВКонтакте». Несколько минут хакеры ждали пользовательских рисунков, а когда те появились, проверили на предмет глюков и рухнули спать.

Дуров предложил Андрееву создать платформу для видео, связанную с «ВКонтакте»: «ВКадре». Тот согласился и первым делом получил от Николая советы, как хранить видео. Впрочем, воспользовался только теми, с которыми был заранее согласен. Видеохостинг он написал достаточно резво, но с управлением проектом возникли проблемы. Хакер-художник не ладил с маркетингом, к тому же сказывалась усталость от темы. Николай Дуров вспоминал, что с сайтом, написанным на языке Ruby on Rails, возникли проблемы масштабирования – когда пошел мощный трафик. Аналогичная история случилась с Twitter, который пришлось переписывать на Scala. Серверы не справлялись с нагрузками. Все эти факторы наложились друг на друга, и Андреев ушел.

Его жизнь обрела другие цели. Слушая докладчиков на пражской конференции по Ruby on Rails, Андреев внезапно увидел среди толпы свою школьную подругу – Ольга уехала учиться во Францию, и теперь код свел их. Последовал роман и отъезд в галльские палестины.

Другая версия гласила, что Андреев был мощным лидером, и они

с Дуровым трудно уживались. «Некомандный игрок, такой „скорпион“, который хочет захватывать мир, – щебетала Эльнара, нарезая торт, с которым я явился в сквот петербургских предпринимателей на Рубинштейна. – Мне казалось, что под каждой страницей сайта он хочет написать „Олег Андреев“, а не “Павел Дуров”».

Так или иначе, Андреев собрал вещи и улетел во Францию. Удаленно трудиться над «ВКонтакте» не представлялось возможным. Дуров сетовал: «Надо было по-другому мотивировать, я потерял сильного человека». После ухода Андреева тотем неустанно возносил ему хвалу и подчеркивал заслуги в части видеохостинга.

Раздел «Видео» стартовал и подвергся нашествию миллионов. Клипы, блокбастеры, мультфильмы, порно – все подряд лилось широкой рекой. Популярность принесла изменение аудитории. Раньше во «ВКонтакте» сидели, как и декларировалось на старте, «студенты элитных вузов». Теперь в сеть хлынули широкие народные массы. Чтобы справиться с потоком, Николай бился с нагрузками с удвоенными силами, а штат администраторов, поддерживающих порядок, теперь исчислялся десятками.

«ВКонтакте» рос, но пока оставался стартапом энтузиастов, купавшихся в эйфории оттого, что махом сдвинули с пьедестала гигантов рунета. Дуров декларировал, что тратить ресурсы на удаление порнографии и блокбастеров будет только в том случае, когда нарушен закон, – по запросу прокуратуры. Иначе понадобились бы не десятки, а тысячи админов, а несокрушимое преимущество его соцсети – вал пользовательского контента – обернулось бы против него.

Как почти всякий житель социального интернета со стажем более пяти лет, Дуров укрепился в цинизме и превратился в гурмана трэша, угара и содомии.

Однажды в штабе он отловил дизайнера Добромыслова и спросил, что тот думает про идею виртуального кладбища для умерших юзеров. Добромыслов подумал и ответил: «Трудно понять, кто на самом деле умер, кто нет, – куча фейков появится. А также любителей создать виртуала своего врага и отправить в могилу. Нам и так постоянно пишут, чтобы закрыли аккаунты умерших».

«Ха! Если бы врага! – воскликнул Дуров. – Недавно один товарищ выложил эротические фото своей девушки, а потом так получилось, что она умерла, и его попросили убрать их. Он не убрал и пририсовал фотошопом льющуюся кровь и пятна!»

Добромыслов широко улыбнулся – нельзя было понять, из вежливости

или он уважает трэш так же, как начальник. «Нет, ну какая у человека душа! – не унимался Дуров. – Подрисовал кровь. Какая душа!»

Программиста, который стал ключевым разработчиком «ВКонтакте», он нанял, как Джобс директора «Пепси-колы». Известный эпизод из истории Apple: отец яблоч агитировал Джона Скалли уйти из рядов «красно-синих» и невзначай бросил: «Ты планируешь всю жизнь торговать подслащенной водой или хочешь изменить мир?» Скалли подал заявление об увольнении из PepsiCo, правда, вскоре уволил самого Джобса.

Рогозов попался на ту же удочку. Сидя за столиком кафе, он мучительно ждал, когда от человека в черном отклеятся телевизионщики. Человек говорил и говорил, а корреспондент зачарованно кивал. Наконец фонарь на камере погас, и Дуров переместился за столик.

«Ну что, – спросил он. – Вы готовы заняться проектом, который меняет жизнь миллионов людей?»

Рогозова не надо было агитировать. Он пришел удостовериться, что намерения тотема серьезны. Узрев мерцание миссии вокруг фигуры, сидящей напротив, он, не колеблясь, ответил: «Готов».

Последнее время Рогозов работал в контракторе Motorola, изготавливал им софт, то есть вполне торговал подслащенной программной водой. Для «ВКонтакте» он когда-то писал виджет с всплывающим окном, когда кто-то присылал пользователю сообщение или комментарий. Причем медлил и изготовил версии не для всех браузеров.

Тут опять вступила в дело ангел-связной «ВКонтакте» Эльнара. Она схватила Рогозова за воротник и тряхнула: дуровские разработчики сейчас допилят свой виджет, и ты будешь никому не нужен! Рогозов очнулся и за ночь написал версию для Opera. Дуров приобрел его виджет за тысячу долларов.

Затем Рогозов прислал код на конкурс комментариев для блога и получил приглашение на встречу с архитектором. Завербовав талант, Дуров подключил его к прорывному проекту – платформе для сторонних разработчиков. Идея заключалась в том, что, взяв за основу открытый код «ВКонтакте», любой человек может создать свой сайт или использовать возможности соцсети для своих проектов – сообщества, магазина, краудсорсингового проекта, да чего угодно. Такие платформы запустили лишь Myspace и Facebook.

Дуров декларировал, что рассматривает открытие API как базу для интернет-герильи. «Мы считаем, что будущее интернета находится в руках отдельных пассионарных личностей, многие из которых сейчас читают это сообщение, – писал он, обращаясь к пользователям. – Поэтому мы

запускаем во „ВКонтакте“ проект User API, который позволяет любому желающему без затрат создавать отдельные социальные сети в различных странах мира».

Однако его мотивы касались не только создания идеального инструмента коммуникации. Гендиректор Дуров разрывался между своими целями и требованием приносить прибыль. Время беззаботного стартапа как бы длилось, но «ВКонтакте» неумолимо превращалась в бизнес, и это превращение было неотменимо – росло количество серверов, штат, издержки.

«Компании-посредники, которые стремятся дешево купить талантливые команды, старательно поддерживают миф, что продвижение игры в социальных сетях требует больших расходов, – писал он на сайте „Частный корреспондент“. – На самом деле никогда порог входа для желающих создать что-то существенное не был таким низким. По мере того как растет платежеспособная аудитория социальных сетей и падают цены на хостинг, порог входа для новых игроков опускается еще ниже. Фактически единственное, что нужно инвестировать начинающим разработчикам или дизайнерам в создание игры, – это свой труд».

После сделки с Мильнером прошел всего год, а Дурову пришлось пойти на компромисс со своими ценностями. Будучи циником и любителем трэша, он сохранял романтический пуризм в части обороны его сети от метастазов общества потребления. Пользователя ничто не должно раздражать – и точка. И вот теперь деньги инвестора кончились, денежный поток был слаб. Эти обстоятельства принудили Дурова заключить первый рекламный контракт.

Продолжать в том же духе не хотелось. Как еще зарабатывать? Весной 2008 года «ВКонтакте» ввели платное повышение рейтинга. Ранее рейтинг применялся для сортировки людей в поисковой выдаче, а теперь служил монетизации тщеславия. Дуров гордился его пирамидальной схемой – за приглашение в сеть новых друзей юзеры повышали свой рейтинг: «Как заработать на бессмысленной опции? Я придумал как и сумел».

Однако рейтинг не нес существенных денег, и Дуров придумал сервис «Подарки». Ты можешь оказать знак внимания другому человеку, подарив ему, допустим, виртуальную розу. Или плюшевого единорога. Или еще какую-нибудь слюнявую ерунду. «ВКонтакте» ввели валюту – «голоса», которые можно было оплачивать через мобильный счет.

Этот сервис принес несколько миллионов долларов, но было ясно, что подарки служат временной подпоркой.

Размышляя о том, за что еще люди готовы платить, Дуров пришел

к выводу, что в соцсеть логично затащить игры. Facebook уже сотрудничал с Zynga. Юзеры режутся в них под виртуальными именами – зачем, если можно под настоящими? Разработчики игр – творческие конторы, это один из самых драйвовых бизнесов цифровой эпохи. Сидят суровые дяди и спорят, какой уровень защиты нужен кирасам джедая восьмого уровня.

«ВКонтакте» создал платформу для этих рыцарей и окончательно превратился в государство с валютой, которое позволяет зарабатывать на своей территории, развлекая граждан и уплачивая с дохода налоги. «Мне показалось, что все должно быть доступно сторонним разработчикам, и тогда сотни пассионариев на основе API нас раскрутят», – объяснял Дуров.

Идея архитектора выглядела логично. Мильнер не уставал им восхищаться и рекомендовал в разговорах не иначе как гения: «Если бы Дуров жил в Америке, он был бы Цукербергом». Однако платформа не взлетела. Могло показаться, что дело в инертности кодеров, не готовых к революции, но на самом деле ошибся сам создатель.

Рогозов предлагал детально проработать API, а Дуров, наоборот, хотел запустить ее как можно быстрее, упростив до минимума. Рогозов быстро согласился. Как когда-то Перекопский; в отличие от «самого-себе-и-неба-и-луны» Андреева он не упирался насмерть и не претендовал на роль лидера.

Платформа оказалась неудобной для разработчиков, и взрыв пассионарности не прогремел. Дурову не хватило рук. Как он сам признался, можно было бы отвлечь Кузю и Рогозова от их задач, но тогда компания прекратила бы бои на других направлениях. Он не стал отвлекать их, и мечта о вирусном распространении «ВКонтакте» по миру не сбылась.

Это был драматический момент, потому что в 2008 году Facebook еще не захватил мир и пока штурмовал высоту «150 млн пользователей». Если бы у Дурова с его 20 млн получился идеальный API с кроссплатформенной авторизацией и другими возможностями, соответствующими тренду сближения разных устройств, платформ, сервисов, – неизвестно, как бы выглядел расклад соцсетей. По крайней мере, гегемония Facebook выглядела бы не столь однозначно.

С другой стороны, пассионарии и без платформы осознали «ВКонтакте» как инструмент распространения информации и организации событий. Сервис, назначающий встречи, был страшно популярен, а количество групп неуклонно росло.

Сначала юзеры подражали Facebook, регистрируя группы узконаправленного веселья типа «Группа для тех, кто любит пылесосить и петь знаменным распевом». Затем в соцсеть перетекали все группы

интересов – от революционеров и озабоченных родителей до фанатов аниме и азартных игр. География ширилась: все регионы России плюс Украина, которую Дуров захватил и до сих пор никому не отдал.

Среди новоприбывших юзеров мало кто понимал, что из себя представляет «ВКонтакте». Немногие осознавшие пытались достучаться до Дурова, чтобы поделиться идеями. Тот часто писал в блоге о нововведениях и достижениях, иногда отвечал на комментарии. Но по мере роста аудитории между ним и активными пользователями росла стена.

От: Д. [студентка, Златоуст]

Кому: Б., администратору «ВКонтакте»

Вы самое мощное средство массовой информации, которое сейчас у нас (русских, тех, кто любит свою страну) есть. Телевидение, газеты, журналы, радио – все это куплено, фальшиво, не развивается, поэтому морально устаревает с большой скоростью. А миллионы пользователей – не шутка. Как вы думаете, почему этот ресурс так быстро развивается? Только лишь потому, что люди могут теперь сократить расстояние? Можно найти и еще кучу причин, главная из которых – люди понимают (неважно, сознательно или бессознательно), что существует потребность в социальном развитии, что у нас все морально устарело.

Этот ресурс не для манипуляции, люди намного умнее, чем вы можете подумать, и вообще, обманывать неэффективно, особенно с нашей скоростью передачи информации – все же будет известно очень быстро, репутация может быть испорчена.

Общество (я, вы, наши друзья, родители, преподаватели и т. п.) как-никак развивается, но у нас это происходит медленно, а с помощью этого ресурса можно ускорить процесс развития. Везде проблемы одинаковые. Везде, и в Москве, и в Златоусте, и в Челябинске, где я училась (я про большое количество гопников, отсутствие места времяпрепровождения и т. п.). Но дело в том, что люди не понимают, что это с ними что-то не так, что они не умеют общаться. А их можно научить.

Про государственный аппарат, который должен этим заниматься, можно забыть. Они там думают о перераспределении прибылей, о том, как построить завод, как перепродать нефть выгоднее. Короче, о себе любимых они думают.

Поэтому я предлагаю описать на видном месте (чтобы люди

не искали), как именно пользоваться vkontakte.ru. Ведь это очень важно, это как предисловие у книги, инструкция по применению у телефона или фотоаппарата.

От: Б.

Кому: Д.

Много буков, Павел не осилит. Я с ним в icq общаюсь и знаю, что говорю.

Павлу надо писать кратко, ясно и по делу. Иначе игнорировать будет. Такова жизнь. Я ему не близкий человек, так что и меня игнорировать начнет, если пару подобных воззваний передам. Объясните, что же Вы хотели бы сделать, стоит в 3–5 предложениях, а то он не увидит сути и заигнорит. <...> Рекомендую все-таки с группы начать. Мы, техподдержцы и админы, на нее посмотрим, порадуемся и вот тогда уже Павлу расскажем – когда что-то будет осязаемое. Да, я так понимаю, о коммерции речи не идет. Я всю свою деятельность веду совершенно бесплатно.

* * *

В узкий двор валил снег, и жители странной квартиры наблюдали, как колодец наполняется им, а гипсовая аллегория правосудия поправляет белый берет. Квартиру по-прежнему наводняли тени, но этим вечером они не сбились в чулан, а, бросив десктопы и ноуты, сошлись за столом в гостиной. Чтобы не сидеть в темноте, включили свет, покинули сумрак и образовали круг.

Подступал 2009 год, и Дуров хотел обсудить, как развиваться дальше. Дилемма простая. Остаться небольшой группой, где каждый кодер выполняет титанические работы, или строить компанию с офисом, нанимать программистов и учиться делегировать задачи. Ясно, что с улетающим в небо ростом аудитории придется расширяться – но когда? Прямо сейчас или позже?

Голоса разделились. Рогозов выступал за офис и рост численности кодеров. Дуров-старший допускал оба варианта. Его младший брат склонялся к подпольной деятельности. Кузя и Столбовский сохраняли нейтралитет.

Разгорелся спор в классическом стиле «ВКонтакте». Дуров вбросил

провокационное предложение – забить на офис, – и сразу образовались партии консерваторов и умеренных обновленцев (отчаянных радикалов, как архитектор, до сих пор не завелось). Партии часами обсуждали свои концепции с самых разных сторон – а потом было принято быстрое решение, противоположное тому, что вроде бы выкристаллизовалось в дискуссии.

Как-то я поинтересовался у Николая Дурова, продуктивна ли эта шокотерапия. Николай откусил половину шоколадного батончика, вдумчиво прожевал и ответил: «Павел специально устраивает провокативные формы, чтобы стимулировать дискуссию и устранить сомнения, правильно ли мы все делаем. Например, говорит: „Это ненужный сервис“. Или: „Откроем все личные сообщения без учета приватности“. Или: „Давай дадим разработчику, который устроился, доступ к исходникам“. Я сразу говорю, что так нельзя делать – с точки зрения приватности, безопасности».

«А часто удается его переубедить?» – спросил я, вспомнив разговор с разработчиком Илларионовым, который утверждал, что в компании свобода мнений, но не смог вспомнить случая, когда кто-то уломал Дурова отменить желанное нововведение.

Николай погрузился в размышления. «Была идея приглашать в беседу человека через e-mail – это в том числе моими усилиями было отменено, – наконец ответил он. – Если бы мы начали рассылать спам, все почтовые службы могли нас забанить. Нет, Павел вряд ли предложит что-то безумное – например, сделать доступными публике все фотки пользователей. Он очень хорошо понимает, как использовать провокации и что можно и нужно делать».

«В его голове есть переключатель углов обзора, фокусировки, он видит ракурс проблемы, с которого видна заноза, – сформулировал Равдоникас. – Дурова в такие моменты ненавидишь – когда надо, он перевернет все с ног на голову. Как в „Матрице“, его голова на 360° поворачивается. Ты бьешься целый день – ушел в какую-то сторону и углубляешься, а он приходит и с этого важного ракурса разрушает все твои построения, надо переделывать».

Разработчик Андрей Мима писал, что провокации Дурова – способ менять продукт быстро, без ненавидимых им бюрократических проволочек. Если основатель в чем-то уверен, то не сдает позиций, пока не оттестирует свои идеи в бою. (Набрасывая этот пост, Мима уходил из «ВКонтакте» запускать свой стартап и, хотя рассчитывал на дальнейшее сотрудничество с Дуровым, был вполне искренен в своих восторгах.)

«Лучшее будущее создается каждый день, порой в коридоре, и без оглядки на возможную панику, – писал он. – Нереально круто, что изменения придумываются; еще круче – что внедряются, несмотря на вой пользователей; а что совершенно нереально круто – что все потом оказываются очень довольны. Часто от придумывания радикальных изменений до внедрения проходит меньше недели! Нет другого выхода, кроме как заранее четко понимать, что будет лучше».

Превращаясь в главу государства с многомиллионным населением, Дуров заражал соратников своей религией. Имя ей – максимальная, до полной отстраненности чистота восприятия и мышления. Это касалось как никотина-алкоголя-мяса, которых Дуров не потреблял, – так и риторики, культуры рассуждения и принятия решения.

У нас нет иллюзий, предрассудков, мы стараемся видеть вещи такими, какие они есть. Мы боремся с манекенами, оперирующими стереотипами. Чтобы заставить человека думать, надо встряхнуть его. Как главный герой своего любимого фильма «Пролетая над гнездом кукушки», Дуров хотел пробудить в соратниках свободу ума и воли.

«Мир вокруг нас развивается так быстро, что общепринятые убеждения на наших глазах становятся издевательством над здравым смыслом, – писал он позже. – Соппротивление шума вокруг – устойчивый ориентир для всех желающих внести весомый вклад в развитие человечества. Слушать внутренний голос не означает оставаться глухим к мнению окружающих. Однако забудьте про демократию среди тех, кто вас окружает, – голос деятельного мыслителя, меняющего мир, должен быть для вас стократ более значим, чем голос праздного обывателя с его правом на мнение».

Проповедуя, Дуров не забывал заземлять религию. Он рос как лидер, но оставался изрядным троллем, не любителем платить в маршрутках и фанатом «Тупого, еще тупее».

Журналист Злата Николаева, первой из московских репортеров добившаяся у Дурова интервью, пересказала мне разговор между пиарщиком «ВКонтакте» Цыплухиным и мафиози Равдоникасом, которого пригласили заняться «словесным оформлением» сети. Влад злился, что в ресторанах недалеко от офиса жалуются на Дурова. Типа он приходит и заказывает стакан свежавыжатого черешневого сока. И пока фрустрированные официанты ищут черешню и выжимают сок, Дуров ест, расплачивается с чаевыми и уходит. Официант стоит со стаканом черешневого сока и думает: ну что, самому выпить?

«Что ж, – заметил Равдоникас. – Каждый официант, выжавший раз

в жизни сок черешни, имеет право выпить стакан получившегося сока».

Даже если это апокриф, умение Дурова сшибать с привычного хода мысли оказывало на оппонентов магнетическое воздействие. «Когда с ним общаешься, всегда уходишь вдохновленным, – восхищался Бунин. – Он рассказывает то, чего не ждешь. Как Цукерберг в фильме – того грузят ерундой, а он смотрит в окно и вдруг: «идет дождь». «За год я научился у него многому, пропитал свое сознание простотой мышления», – вторил Рогозов.

Предновогоднее собрание закончилось победой Дурова. После дебатов насчет офиса победила точка зрения, что он не нужен. Год решили прожить в квартире и с незначительным расширением команды. Программисты не протестовали.

Такой стиль принятия решений имеет известные изъяны. В системе, которая держится на восхищении, штраф за фейлы зачисляется на счет вдохновителя. Двигаясь на ощупь в части продукта, Дуров совершал стратегические ошибки роста.

Отложив наем кодеров на год, он затормозил развитие компании. «Через год поняли, что нельзя дальше действовать маленькой командой, – признался Дуров. – Мы делали втроем работу, которую могут делать двести человек, а у конкурентов – тысяча. Нет психологического удовлетворения – конкуренты успевают больше. А офис лучше предназначен для дисциплинирования молодых сотрудников. В квартире они теряют ощущение, что здесь надо работать».

Кроме того, для десятков миллионов юзеров «ВКонтакте» отсутствовала служба техподдержки. Публика, не читавшая посты Дурова, не знала историю сети и не понимала ценностей ее создателей. С журналистами и сетевыми авторитетами никто не коммуницировал.

Впрочем, рефлексия настигла архитектора через три года, а тогда, после рождественских праздников, «ВКонтакте» меняли сайт семимильными шагами, не вылезая с Невского, 65, по выходным, с утра до ночи. Начали разрабатывать систему таргетинга рекламы, переделывали систему поиска по людям, вузам, фильмам, песням. Новый движок Николай пригласил писать Андрея Лопатина, тренера сборной России по программированию. Предстояло ускорить сайт – базы данных хранения не справлялись с росшим объемом информации.

Рогозов перекроил платформу. Коллеги одобрили новую версию, и оставалось лишь написать документацию – как кодерам пользоваться API. Дело было перед выходными, на которые он собирался ехать в Таллин. Рогозов пришел отпрашиваться к Дурову.

Тот выслушал его и сказал: «Нет, это нужно сейчас». – «Но у меня автобус в семь утра!» – «У тебя достаточно времени до семи».

Проклиная все на свете, Rogozov сел за текст, поручив взбешенной Эльнаре упаковать чемоданы. Они успели на автобус.

* * *

Солнце красило муравейник в охру и бликовало в его стеклянных панелях. Муравьи жили свою жизнь и к вечеру затихали – накидывали на плечо рюкзаки и исчезали. Они одевались похоже – либеральный casual: тенниски, шлепанцы, джинсы. Их исход напоминал вечерний отлив на шумящем неподалеку океане.

Компьютеры с погасшими мониторами напоминали коконы с людьми из «Матрицы». К каждому из-под потолка шла пуповина кабеля, через которую машины высасывали энергию. Там же, под потолком, покачивались флаги Индии, Китая, Чехии и других стран, чьи граждане до шести вечера трудились в коконе.

Консильеры бежали сквозь муравейник, чтобы успеть на встречу с его правительницей, и успели, но разговор получился малопродуктивный. «О, гости из России, сейчас я принесу вам сувениров», – сказала правительница, известная тем, что умела отстаивать интересы муравейника в самых высоких кабинетах. Вернувшись, она вручила каждому синий значок с надписью Facebook. Это напоминало обмен вымпелами перед футбольным матчем, когда через минуту после свистка начинаются тычки и грязные подкаты.

Содержательный разговор между Дуровым и коммерческим директором Facebook Шерил Сэндберг так и не состоялся, хотя «ВКонтакте» проторчали в штаб-квартире конкурентов несколько дней. Впрочем, Дуров не расстроился. Главная встреча была впереди – Марк Цукерберг позвал их с Rogozovым на ужин. До этого дня два тотема даже не переписывались.

Диспозиция выглядела так. Известный любовью к тусовкам своих подопечных Мильнер старался, чтобы гении взаимодействовали друг с другом, и пригласил Дурова и компанию в тур по США. Мильнер крутил деньги мощного партнера – Алишера Усманова – и договорился инвестировать около 800 млн долларов из кошелька этого участника списка Forbes в интернет. Объектом он выбрал новые медиа – социальные платформы, на которых люди общаются и сами создают контент.

«Могильщик веба», – писал о Мильнере журнал Wired. Очарованию DST поддались Facebook, Groupon и Zynga.

Спустя полгода работы на износ, летом 2009 года, Дуров и команда прилетели в Нью-Йорк, встретились с Равдоникасом, который на несколько лет уехал к отцу в Канаду. Парни отрывались. Садись в такси и, пока «желтый король» пробивался через пробки в аэропорт, дебатировали идеи, куда лететь. Их ждали в Сан-Франциско, но они направили стопы в Майами.

Перемещаясь зигзагами с севера на юг, шайка достигла Калифорнии. Нёрды поселились в отеле с видом на Сан-Франциско и залив. Мир лежал под ногами Дурова, который экономил на маршрутке.

Их ждали инвесторы Twitter, венчурные фонды и Марк Пинкус из Zynga. Последний забил стрелку в пиццерии. Zynga еще не была лидером среди производителей социальных игр с капитализацией под десяток миллиардов долларов. Но ее игры уже завоевали топ приложений Facebook. Дуров слышал, как невысокий, худой, похожий на подростка Пинкус мотивирует команду: «Почему я тут прыгаю перед вами в драной майке? Потому что наши приложения скачали всего пять миллионов человек!»

Дуров предложил ему запустить игры во «ВКонтакте». «Мы готовы русифицировать за свой счет», – прибавил он и назвал два хита: FarmVille и CityBuilder. Пинкус не задирал нос, расспрашивал про платформу и комиссию, но чувствовалось, что он делает одолжение. Zynga отказалась.

«В 2009 году Россия не была для Пинкуса приоритетом, половину доходов они не хотели отдавать – чтобы не создавать прецедент, который мог бы использовать Facebook, – пожал плечами Дуров и добавил: – Спустя два года Zynga решила выйти в Россию, пытались с нами встретиться. Я заранее знал, что они хотят – поддержка, команду найти, – и мне были неинтересны эти переговоры. Сейчас они нам не нужны, у нас разработчики лучше. Zynga первой захватила лидерство – а когда у тебя есть игры с сотнями тысяч юзеров, раскручивать новые игры не так сложно».

Когда они с Рогозовым тусовались в муравейнике Facebook, вице-президенты и маркетологи глядели на них свысока – клонировали нас, ну и ладно. Разработчики встречали по-другому – как вы добились, чтобы «ВКонтакте» из долины загружался быстрее, чем Facebook?!

Дуров спросил Цукерберга: «Что вы ответите Twitter?» Создатель микроблогов Джек Дорси привлек миллионы людей простотой использования – на высказывание 140 знаков, легко делиться ссылками. Информация крутилась в интернете все быстрее, люди привыкали плавать

в ее потоках, а не потреблять дискретные образы и идеи, как в гутенберговскую эпоху. Дорси шагнул на следующую ступень эволюции – от сети друзей и знакомств к Twitter, где люди быстро и активно делятся мыслями, чувствами, ссылками. Он взял из модели Livejournal идею односторонних связей, гениальность которой стала очевидна только сейчас. Ты можешь подписаться на интересующего тебя вещателя в одностороннем порядке, без его благословения.

Цукерберг не раскололся про Twitter и пустился в рассуждения о соцсетях. Либертарианец Дуров почувствовал в нем брата-революционера. «У нас оказалось больше общего, чем с бизнес-персонажами, – заявил он после. – Марк – анархист, но не в смысле отрицания власти и порядка, а в плане понимания устаревшей природы государства». Архитекторы сошлись на том, что соцсети выступают надстройкой над человечеством, позволяющей информации распространяться мимо централизирующих рупоров государства.

Безумное чаепитие происходило вечером. Цукерберг пригласил гостей в свой дом, надел галстук, позвал переманенного из Google повара приготовить несколько блюд, как в гурманском ресторане.

Дуров ерзал на стуле и морщился не от официоза, а от кухни. «Для желудка много ингредиентов – деструктивно, – жаловался он. – Желудочный сок зависит от того, что вы перевариваете, чем однороднее еда, тем лучше. Поэтому я ем как животное – отдельно фрукты, потом, допустим, пюре». К вину он не притронулся – уверял, что не пил с тех пор, как в школе химик Шпаков рассказывал об убийстве клеток спиртом.

Разговор напоминал танец боксеров на ринге:

– Какую комиссию берет «ВКонтакте» с разработчиков приложений?

– Ну, вообще 50 %, но так происходит не со всеми. С каждым по-разному. А когда вы начинаете экспансию в Россию?

– Россия нам интересна, как и другие развивающиеся рынки. А ваши пользователи сразу восприняли валюту?

– Не совсем.

Пока архитектор трепался, Rogozov наблюдал за Цукербергом. «Очень странный тип, – делился он ощущениями. – Как робот зомбированный – глаза бешеные, когда разговаривает, мышцы лица не двигаются». Оппоненты танцевали друг вокруг друга несколько часов и раскланялись глухой ночью.

Дуров догадался по вопросам, что Facebook скоро введет свою валюту, а также начнет международную экспансию – причем и в Россию тоже. Вернувшись, он начал вавилонскую кампанию по переводу «ВКонтакте» на

тридцать языков – с помощью университетских друзей и добровольцев.

Но если сам Цукерберг понравился Дурову, то от Facebook он плевался. То есть, конечно, признавал мощь аналитиков, гибкость в выборе стратегии роста в зависимости от страны, ценил умение учиться на ошибках и амбицию согнать Google с пьедестала. Но гораздо важнее для него было ощущение, что Цукерберг прогнулся под ценности коммерсантов. «ДНК компании определяет Шэрил Сэндберг, бывшая вашингтонская лоббистка, – объяснял он. – Если Цукерберг скажет: „У нас будет пятьдесят разработчиков, а не двести“, – у нее найдется туча аргументов, чтобы заблокировать эту идею».

Сидя в самолете домой, Дуров размышлял о том, что «ВКонтакте» и Facebook расходятся все заметнее. Цукерберг монетизировал сеть все интенсивнее. Свободные места на страницах забиты баннерами. Раскручены инструменты для продвижения брендов – от промоутирования страниц до вылезающих подсказок с их названиями.

«ВКонтакте» отводил рекламе меньше места, а с маркетологами вовсе не работал. Дуров согласился продавать рекламу через компанию Media+ – за фиксированную сумму в год плюс бонусы, если план перевыполнен. Заниматься рекламой он поставил Перекопского, финансами – его брата, а сам только одобрял или заворачивал баннеры. Их размер напоминал Facebook: небольшие картинки снизу слева.

Позже Дуров признавал, что ошибся со схемой продажи рекламы. Следовало создать свою службу.

Это было характерным симптомом. Дуров нехотя втягивался в коммерческую историю. Гораздо охотнее он проводил время, выпрашивая звезд своей сети, где секрет успеха и чем сеть может им помочь.

Инопланетянка просочилась сквозь дверь и протянула тотему прозрачную руку. Перед встречей Дуров напялил коричневую кожанку, которая была ему велика, и узкие очки а-ля Нео. Пожимая руку, он разглядел существо в серебристом скафандре и ее компаньонку, обтянутую медицинским халатом, заимствованным из немецкого порно.

Пришелица по кличке Нахема перекочевала во «ВКонтакте» из Livejournal и затащила в свою группу про эзотерику сотни тысяч пользователей. Часть их обожала отфотошопленные снимки Нахемы в бикини, часть стебалась над ней. Жестом призвав гостей к монитору, Дуров похвалил группу. «У меня тоже мистическое мышление, – улыбнувшись, добавил он. – Часто я знаю, что надо поступить так-то, но не могу объяснить почему».

Инопланетянка раскрепостилась и сделала несколько замечаний. Потом выдвинула предложения, как улучшить функционал. Дуров улыбался из-за очков. Когда гости раскланялись и покинули штаб, позвал дизайнера и сказал что-то вроде: «Фотографии стоит выводить крупнее, а вот эти пиксели лишние».

Правда, разбираясь в продукте и потребностях инопланетян, он допускал ляпы в управлении структурами, большими, чем партизанский отряд нёрдов.

Архитектор видел, что горячая любовь пользователей, как на первом году запуска, понемногу тает. Реклама убивала ощущение площадки сотрудничества а-ля «Википедия» – но выхода у Дурова не оставалось.

Сделки со своими убеждениями стоили все дороже. Казалось бы, раз «ВКонтакте» превратилась в государство, глупо игнорировать желание людей торговать. Лев и Слава настаивали на идее пустить в сеть интернет-магазины, и Дуров согласился.

Сначала требовалось определить, как сотрудничать с торговцами. Наиболее крупный и опытный игрок был очевиден. Его возглавлял экспат, что как бы намекало – можно договориться об удобной модели взаимодействия и гибких условиях.

Однако, сидя в переговорной комнате с видом на Казанский и слушая про разный процент на разный товар, Дуров почувствовал, что вот она, точка, когда он не хочет больше тратить ни секунды на уговоры людей, чуждых ему по духу, убеждениям и ценностям. Он ощутил, что стервенеет, и закричал: «Вы не понимаете разницы между торговлей и творчеством! Вы считаете, что мы набиваем себе цену. Вы просто тратите наше время».

Пока он выговаривал свою ненависть к мелкотемью, за 700 километров от дома Зингера зрела война против «ВКонтакте», поражение в которой означало утерю нёрдами их острова бизнеса в стиле панк.

* * *

Враг пришел изнутри. Русские компании Юрия Мильнера объединились в холдинг Mail.ru Group. Доля во «ВКонтакте», доведенная по соглашению с Мильнером до 32 %, принадлежала именно этой структуре. С Дуровым конкурировала соцсеть «Мой Мир», которая автоматически записала в своих юзеров всех обладателей почты на Mail.ru, а также «Одноклассники».

Дуров не уделял конкурентам много внимания. «Мой Мир» был не так удобен, лишен возможности делиться контентом и плелся за «ВКонтакте» и более боевыми «Одноклассниками». А главное, разработчики Mail.ru не демонстрировали способности изобретать что-то крышесносящее.

Тем сильнее штаб в доме Зингера поразился, когда конкуренты выкатили свою платформу для разработчиков приложений. Изучив ее, Рогозов убедился, что Mail.ru передрал у них некоторые решения. Дело напрямую касалось денег, поэтому компаньоны обсуждали ответные действия в расширенном составе. К Дурову, Левиеву и Мирилашвили-младшему примкнул Мирилашвили-старший, недавно вышедший на свободу. Ему удалось сохранить свои компании. Позже власти запретили игровой бизнес, и Мирилашвили сделал акцент на недвижимости. Назначив на ключевые посты надежных менеджеров, он улетел в Израиль и в Петербург старался не заглядывать. Слава отправился вслед за ним.

* * *

Дуров ломал голову, как убедить игровые компании не пользоваться платформой конкурентов. Конечно, он понимал, что задавить эту инициативу Mail.ru не удастся и «ВКонтакте» перестанет быть монополистом, но москвичам требовалось дать ответ. Мирилашвили-старший предложил выдвинуть игровикам ультиматум: или вы с нами, или против нас. Кто пользуется «Моим. Миром», ни копейки у нас не заработает.

Если бы речь шла о заметном рынке, антимонопольная служба вкатила бы Дурову предупреждение. Он и сам не радовался мере, казавшейся архаичной, – в интернете глупо опускать шлагбаумы. Это свободная среда, где барьеров нет, а если кто-то что-то запрещает – следует взломать, обойти, скопировать. Но партнеры настаивали, и Дуров согласился на шоковую терапию.

Идея была симпатична тем, что к Mail.ru, который уже намекал, что стремится контролировать «ВКонтакте», хотелось прийти с плеткой. То естьотреагировать максимально свирепо. Дуров улавливал настроения, витавшие в Mail.ru, по разговорам с Мильнером. Два года назад тот вскользь упомянул, что москвичи следят с интересом за его сетью, а теперь по разговорам с представителями инвесторов Дуров почувствовал, что независимость его детища ставится под вопрос.

Тотем разделил песни на личной странице на две вкладки – «s [e]x»

и «w [a]г». Эти две мании вели его, но страсть к сражению, похоже, была сильнее. Конфликты неминуемо должны были возникнуть после того, как «ВКонтакте» превратился в мощный инструмент влияния.

Создав этот инструмент, Дуров должен был однажды обернуть его против захватчиков. Теперь момент настал. Он увидел первого врага у ворот и напал первым.

Набросав письмо о выборе между «ВКонтакте» и Mail.ru, Дуров поставил в копию игровиков, которые зарабатывали на его аудитории, пробежал глазами текст и кликнул «Отправить».

Глава 5

Стена

И казалось бы, куда ему деться, но он несея дальше и дальше. Мелькала трасса, холмы, пригорки, пилот уклонялся от опор мостов и, не сбрасывая скорости, входил в повороты, где обычный водитель сломал бы себе шею. За стеклом летела монохромная картина, пейзаж без свойств. Пилот управлял «Альфа-ромео» легким касанием пальцев и, когда пересек финишную черту, откинулся на стуле и нажал Escape.

«Ну что, – повернулся он к посетителю, который топтался за спиной. – Покупаю. Приноси еще чего-нибудь». Посетитель вздохнул с облегчением.

Наблюдая за гонкой, он изрядно нервничал, потому что учился в девятом классе и демонстрировал эксперту свою первую игру. Он написал ее на первобытной машине БК-2101, закинул на кассету, положил в карман и направил стопы свои в магазин «Руслан и Людмила». Саратовский посперестроечный ГУМ, кроме одежды и бижутерии, держал закуток, где сидел специальный человек и записывал игры.

Девятикласснику не хватало денег на дисковод, и он решил их заработать на интересе к автомобилям. Школу охватила мания коллекционирования вкладышей от жвачек – девочки фанатели от Love is, а мальчики дрались за Turbo с автомобилями «Формулы-1». Классы облепляли подоконники, бросали по вкладышу с игрока и стучали, пока не засинеют ладони.

Операция прошла удачно: автор избрал модную тему, кассета пропела свое «шшшш, трынь-трынь-трынь», торговец одобрил игру, и полученные рубли тут же возвратились в его карман как вознаграждение за дисковод.

«Так я понял, где в игровом бизнесе кусок пирога издателя, где разработчика и где дистрибьютора», – усмехнется автор через двадцать лет, сидя в кабинете, закрытом от внешнего мира жалюзи. Чтобы попасть в этот кабинет, я прошел по длинному коридору бывшего института кинематографической техники. Справа и слева мелькали кьюбиклы, набитые людьми, которые большей частью сидели в наушниках и задумчиво стучали по клавишам. Это напоминало даже не улей, а муравейник Facebook.

Перед дверью, за которой расположился бывший девятиклассник, задвинувший «Альфу-ромео» в саратовском универмаге, возникла

секретарша в сером костюме. Она сделала примиряющий жест «секундочку» и подняла трубку: «Приемная генерального директора, слушаю».

Дмитрий Гришин теперь управлял крупнейшим в России интернет-холдингом Mail.ru. Собственно, он и не собирался становиться предпринимателем, предпочитая заниматься интересующими его продуктами, а не бизнесом. Начал работать в двадцать два года, доучиваясь в Бауманке, и угодил в List.ru. Занимался интернет-аукционом, продвинулся до технического директора.

Port.ru входил в состав компании NetBridge, основанной будущим инвестором «ВКонтакте» Мильнером. Посмотрев на западные коммуникационные сервисы, Мильнер решил клонировать лучшее из того, что есть, в России.

Однако в 2001 году интернет-рынок подкосил кризис «доткомов». Западные инвесторы были фрустрированы падением акций крупнейших компаний, и, чтобы развиваться, Мильнеру пришлось искать партнера в России. NetBridge объединился с Port.ru, владевшей множеством сайтов.

Обе компании сидели в минусе. Мильнер сменил на посту директора основателя Port.ru и сократил 80 % персонала. Способного Гришина он двигал по карьерной лестнице. Разрозненные сайты плохо продавали рекламные площади, и коммерсанты решили вытянуть из колоды брендов самый быстрорастущий и консолидировать остальные под его маркой. Этим якорем стал Mail.ru.

Из почтового сервиса он превратился в портал с разделами «Работа», «Новости» и т. д. Мильнер с Гришиным создавали его во многом по подобию Yahoo. Правда, в дальнейшем они пошли по пути, позволившему выжить – в отличие от теряющей юзеров компании Джерри Янга.

В 2003 году Гришина повысили до генерального директора. Он продолжал кодить и разрабатывать продукты. Новых идей, как делать деньги в интернете, помимо рекламы, у него не было. Неизвестно, чем закончилось бы дело, если бы Mail.ru не поддерживали высокотехнологичные рекламодатели. Разбирающиеся в интернете и верующие в его будущее менеджеры Intel, Microsoft, МТС, «Билайн» и «Мегафон» фактически спасли портал, массово покупая рекламу.

Гришин был постоянно озабочен финансовым результатом и при этом не имел радикальных идей, как еще зарабатывать, кроме размещения баннеров. Куда двигаться, они с Мильнером поняли: строить линейку коммуникационных продуктов. Чем пользуются люди? Почтой, мгновенными сообщениями типа ICQ. Значит, надо развивать, а позже

интегрировать эти направления. А вот с источниками дохода несколько лет Mail.ru ничего не изобретал.

Впрочем, в мировом интернете над монетизацией ломали мозги более изобретательные парни, и в конце концов модели нарисовались сами. В состав акционеров Mail.ru вошел китайский Tencent, и, общаясь с новыми партнерами, Гришин заметил два тренда.

Во-первых, коммуникации в сети – своего рода развлечение. Почта, соцсети, мессенджеры и игры постепенно сливаются в одно пространство.

Во-вторых, монетизировать сервисы, тупо взимая деньги с юзеров, нельзя. Будущее за моделью «фримииум» – базовой версией пользуешься бесплатно, а платишь за дополнительные возможности, причем такие, которых нет у конкурентов. Например, Гришин рассказывал, что китайский аналог ICQ даром раздавал аватарки, но подсветить или «раскрасить» их можно было за денежку». (Выражение «за денежку» в ходе интервью Гришин употребил шесть раз.)

История Mail.ru – зеркало того, что произошло с Гришиным. В отличие от «Яндекса» и, в меньшей степени, «ВКонтакте», компания не имела уникального продукта – лишь копировала или скупала сервисы, комплементарные ее стратегии.

Гришин так и не научился генерировать прорывные идеи. Дух компании возник в эпоху выживания, а потом, когда пришли большие деньги и холдинг разросся, гендиректор столкнулся с внутренними интригами. Не будучи диктатором или визионером, воле которого беспрекословно подчиняются окружающие, он защищался от желающих сесть в его кресло.

Кроме этого, болезнь роста превратила Mail.ru в структуру с тысячами сотрудников, где вышли на первое место корпоративные фишки: бонусы, тренинги, митинги с разрисовыванием флипчартов, молебны на бизнес-показатели.

* * *

Гришин и Дуров родились с разницей в пять дней – 15 октября против 10 октября. Оба юзали MacBook Air. Оба одевались неброско. Оба ботаники и злостные нёрды. Оба начинали путь программиста с написания игры. Оба любили кодить. Но трудно было найти столь непохожих друг на друга военачальников.

Один формировал команду, собирая единомышленников-партизан на

герилью с корпорациями, и обращался к миллионам пользователей через личный блог. Другой строил корпорацию, лично утверждая макеты визиток для сотрудников, и обожал такой жанр разговора с миром, как пресс-релиз.

Один – про свободу и раздачу людям новых возможностей. Другой – про контроль над сотрудниками и удовлетворение акционеров.

Один – про маниакальное следование своему вкусу и пользовательским надеждам, еще не воплощенным. Другой – про работу с уже испытанными на юзерах моделями.

Когда Mail.ru решил скупить все многообещающие соцсети рунета, Дуров не подозревал, что когда-то эта стратегия выльется в открытый конфликт. Да, в «Одноклассниках» холдинг приобрел контрольный пакет и последующие два года свирепо конфликтовал с другими акционерами. Правда, те были сами хороши. Желая быстрее снять сливки, они прикрутили соцсети платную регистрацию и за каждый шаг юзера драли монету.

Вход в капитал «ВКонтакте» прошел более гладко. Мильнеру нравилось, как Дуров развивает продукт, а петербуржцев устраивала независимость, и они не просили помощи. У инвестора и основателя случилась любовь, которая до поры до времени хранила стартап от конфликтов.

Однако Мильнер помимо переговорщических качеств обладал изощренным политическим чутьем. Он знакомил подопечных друг с другом, возил в Кремниевую долину, гладил по головке и называл светочами, но, когда менеджеры сцеплялись между собой, поднимался над схваткой. Скрестив руки на груди, он наблюдал, кто кого съест, и не склонялся ни на чью сторону.

Услышав, что Дуров грозит извергнуть из сети всех, кто перебежал на платформу «Мейла», Мильнер не стал звонить и давить на второго Цукерберга, а занял выжидательную позицию.

Гришин жестом пригласил просителя за длинный стол и откинулся в кресле, приготовившись слушать. В окне маячили крыши хрущевок и краны, поднимающие блоки на возводящийся небоскреб. Проситель был крупным игровиком – насколько крупным можно быть на рынке, чей объем исчисляется миллионами долларов. Он не собирался утомлять хозяина спичем и просто спросил: «Что за хрень с вашей платформой?»

«В смысле – хрень?» – изумился Гришин. «Ну как, Дуров прислал ультиматум, что или мы остаемся у него, или выбираем вас, но ни копейки больше во „ВКонтакте“ не заработаем». Гришин переспросил: «Уверены, что это не шутка?» «Какие шутки, – сдерживаясь, проговорил игровик. –

Мы зарабатываем у них кучу денег. Хотели бы зарабатывать и у вас, конечно. Но боимся потерять „ВКонтакте“».

Гришин задумался. Казалось бы, Mail.ru владел акциями «ВКонтакте» и мог разбомбить выскочку Дурова, предъявив претензии насчет неэтичного поведения.

Но, во-первых, холдингу скандал не нужен, а во-вторых, давить на питерских ботаников никто не пробовал, а Дуров непредсказуемый, кто его знает, чем ответит. Пока надо вести себя тихо. К тому же ультиматум – ошибка, в интернете такие методы не работают.

Гришину промыли мозг еще несколько игровиков, и он понял, что сам собой конфликт не рассосется. Требуется контррешение. Схватка так схватка, и раз соперники ведут себя как дети, следует этим воспользоваться. Гришин вызвал пиарщика и сел составлять пресс-релиз.

Они придумали красивый ход: отменить комиссию для приложений. 100 % дохода с игр падали в карман разработчикам. Конечно, не навсегда, на первые месяцы, но тем не менее. Игровики больше не колебались и отправились в «Мой Мир» стройными рядами, и за последующие месяцы платформа Mail.ru взлетела, как ракета. Дуров смирился и дезавуировал ультиматум.

* * *

Прошло полгода. «ВКонтакте» въехала в дом с валькириями и земным шаром. Акционеры уже не сомневались, что офис нужен. «У меня слабость к красивым видам», – объяснял Дуров. Он выбрал три варианта: на Михайловской и Маяковской улицах, а также дом Зингера. Первые два, впрочем, выступали как фиктивные участники тендера.

Дуров нечеловечески хотел окопаться в штабе, которому раскрыл объятья Казанский собор и где под окнами не иссякал человеческий трафик. Глобус, опять же. И Заболоцкий, конечно:

*Там Невский в блеске и тоске,
В ночи переменивший краски,
От сказки был на волоске,
Ветрами вея без опаски.
И как бы яростью объятый,
Через туман, тоску, бензин,
Над башней рвался шар крылатый*

И имя «Зингер» возносил.

Они с Перекопским, путешествуя, выбирали самые умопомрачительные гостиницы как знак покорения мира денег. Теперь Дуров настаивал на Зингере из-за его привлекательности для гениев, которых намеревался поймать в свою сеть. Разрабатывать продукт, который от сказки на волоске, в легендарном доме, на первой линии Невского – это была уловка хитрого охотника за головами.

Совершив променад по двум этажам, Дуров восхитился пыточной переговорной, выходом по витой лестнице наверх в стеклянный глобус, где умещалось одно рабочее место. Конечно, два этажа «ВКонтакте» были не нужны, но Дуров выбил из Льва и Славы дорогущую аренду – под предлогом инвестиций в таланты, рост компании, создание службы поддержки и т. д.

Въехав, нёрды не изменили в быту ничего. Скелет, испанский сапог, дешевый ремонт на этаже, где сидели сам архитектор и топ-менеджеры, – все осталось. Добавились магнитные доски со шрифтом Tahoma, диван с коровьими головами и автомат с апельсиновым соком.

В университетской столовой Дуров раздавал дольки приспешникам, а теперь выжимал апельсины в промышленных масштабах.

Гришину тоже предстояли перемены. До осени 2009 года Mail.ru выпускал свои игры, но сейчас холдингу предстояло купить Astrum, владеющий множеством студий-разработчиков. Компанию основал Игорь Мацанюк, начинавший карьеру с торговли джипами в Мурманске, впоследствии бросивший стремный бизнес и занявшийся играми.

Мильнер оплатил сделку с Мацанюком деньгами и акциями Mail.ru.

Но на этом интерес игровика не кончился – он желал возглавить холдинг и поставить директора по маркетингу Astrum Алису Чумаченко на позицию вице-президента. Мильнер не стал принимать ничью сторону, оставив Гришину и Мацанюку выяснить, кто прав, в корпоративном бою.

Произошедший после этого конфликт имеет две версии. Согласно первой, Гришин заблокировал назначение Чумаченко и Мацанюка, а те создали компанию Game Insight. Взяв куски кода игр, разработанных Astrum, они нарушили пакт о ненападении (non-compete agreement) и стали выпускать игры, конкурирующие с Mail.ru.

Вторая версия гласит, что Чумаченко не очень-то хотелось трудиться с Гришиным, а вот создать свой бизнес – другое дело. Найдя инвестора (Мацанюк не подтверждает, что Game Insight создан на его деньги), она

начала писать свои собственные игры. Ни у кого ничего не копировала, а Гришин, мол, выдумал копирайтные войны, чтобы выжить Мацанюка до IPO, на котором тот бы заработал больше, чем при выкупе акций до выхода на биржу.

Конфликт перестал быть тайной и взорвался в публичной сфере, когда на сайте разработчиков Mail.ru был опубликован сворованный, по мнению холдинга, кусок кода. За несколько дней до этого Гришин пошел на манипуляцию, схожую с дуровской. «ВКонтакте» поставили в известность, что код краденый, и затребовали исключение игр Game Insight из сети. Когда Дурову сообщили об этом, он спросил, правда ли код тупо скопирован, и, получив ответ «нет», велел отказать Mail.ru.

Вскоре на его айфоне высветился звонок – беспокоил Гришин. Дуров привык брать трубку далеко не всегда и воспитывал этим Льва со Славой и других менеджеров. Теперь он применил это к сопернику. Гришин перезвонил еще пару раз и прекратил попытки.

Еще через некоторое время Дурову набрал Мильнер. В подобных случаях тотем брал трубку. Поговорив о том о сем, инвестор намекнул вундеркинду, что неплохо бы снять спорные игры. Дуров хоть и ненавидел переливание из пустого в порожнее, когда ответ уже дан, но в важных разговорах умел маскировать нежелание идти на компромисс выжидающей позицией. Да-да, разработчики посмотрят код, разберемся объективно.

Разумеется, итоги разбора были предсказуемы. Дуров понял, что военные действия начались и следует не держаться за позиции, а нападать первым. Если пойти на уступки Гришину – все, съедят. Надо подчеркнуто твердо отказаться убирать игры.

Дуров открыл ноутбук, зашел в систему рекламы и на свои деньги создал кампанию играм Game Insight. Затем он вызвал недавно нанятого пресс-секретаря Влада Цыплухина и велел предупредить Чумаченко, что со дня на день Mail.ru опубликует скандальный пост о краже кода и под этим предлогом отключит монетизацию их игр. О кампании за счет начальника Влад не знал.

Он предупредил Game Insight, и игровики встретили скандал во всеоружии. Для них решение Mail.ru лишить их средств к проживанию – более половины выручки капало с платформы Гришина – выглядело едва ли не смертельным. Конфликт закончился недружелюбными переговорами и поиском посредника для замирения сторон.

Впрочем, потом Чумаченко утверждала, что эта история заставила ее взглянуть на новые рынки – социальные игры на платформе Google Android и в джобсовском AppStore. Именно там Game Insight издала свои лучшие

приложения и стала одной из крупнейших игровых компаний в России. От «ВКонтакте» Чумаченко получала все меньше дохода, потому что сконцентрировалась на мировом рынке.

Если с Game Insight Гришин наладил какие-никакие отношения, то с Дуровым мира не предвиделось. Отложив боевые действия на потом, Гришин с помощью Мильнера нанял сильного продакт-менеджера Илью Широкова перезапускать «Одноклассников» – соцсеть, которая могла бы покончить с гегемонией «ВКонтакте» в стране. Mail.ru приготовился к затяжной осаде дома Зингера.

* * *

– Все здесь?

– Вроде все.

– Ты считал?

– Да, конечно. Если хочешь, пересчитай сам.

Лев кивнул сисадмину и направился по проходу между сиденьями. В автобус набились безмолвные пассажиры. Еще недавно вкалывавшие, работавшие, так сказать, с огоньком, они умолкли и заснули, откинувшись на спинки кресел.

Лев встал у дверей и, отдышавшись, еще раз посчитал перетащенный им и коллегами груз. Все были на месте: в креслах ехали серверы, которые предстояло развезти нескольким хостинг-провайдерам.

Он вернулся к водителю, убежденный, что ничего не забыли. Как ни странно, Лев был рад, будто недавно подрался и хотел бы продолжить.

«Давить, – сказал ему Дуров перед началом операции. – Давить этот чертов картель. Пусть засунут себе свой трафик куда-нибудь». Водитель повернул ключ, и автобус с серверами отчалил.

Безумное путешествие было продолжением противостояния.

Не столько с Mail.ru, сколько с тем, что Дуров считал злом.

«ВКонтакте» вырос настолько, что вторгался в сферу интересов и власти, и конкурентов, и просто отраслей, с которыми соприкасался и на которые влиял не так, как хотелось бы оппонентам. Казалось, реальность ополчилась против них. Впрочем, Дуров не искал в том, что на него посыпалось, политики или происков каких-то автохтонных сил.

«Что есть зло? – писал он в блоге. – Зло – это наш враг. Добро – это мы. Если увеличить масштаб, можно понять простую истину: то, что в итоге побеждает, становится добром. Побеждать и вытеснять врага – его

основная характеристика. Поэтому язычество и рабство – зло, а монотеизм и общество потребления – добро. Почему они победили? Потому что оказались более эффективными в изменяющихся условиях».

История с автобусом началась, когда растущей «ВКонтакте» понадобился хостинг-провайдер для обслуживания серверов. Мильнер указал партнерам на «Голден Телеком». Дуров согласился, не до конца понимая рисков. «Голден» входил в неформальный клуб трех крупнейших провайдеров страны и фиксировал цены на выгодном себе уровне.

Когда версия «ВКонтакте» для телефонов раскрутилась, трафик пошел мимо «Голдена» к сотовым операторам. Провайдер начал давить на клиента. Смысл – сделать так, чтобы соцсеть работала только через него. Несколько раз серверы падали на два-три часа – провайдер отвечал, что не имеет возможности расширить канал вовремя. Затем присылал письма, что поднимет стоимость обслуживания в десять раз. Не нравится? Уходите.

Компаньоны взяли билеты в Москву. Лев вспоминал, что дорогой они настраивались на победу: «Паша стоял твердо, что или мы их ломаем, или мы должны оказаться достаточно сильными, чтобы послать на фиг».

Офис. Круг стульев. Напротив бледного юноши, наряженного в черное, расположились импозантные мужчины – менеджеры подразделения, курировавшего интернет-трафик.

– Предлагаю подписать эксклюзивный договор на пять лет, – начал директор.

«Уверены, что у нас нет вариантов», – подумал Дуров.

– Вы не расширяете каналы вовремя. Есть гарантии, что это не повторится?

– Поймите, мало ли что может случиться, у нас много подрядчиков.

(«Монополисты, создали систему, когда все, кто от них не зависит, гонят трафик через Европу и переплачивают».)

– В таком случае нам выгоднее сотрудничать с несколькими независимыми провайдерами.

– Сомневаюсь, Павел.

(«Понимают, что у независимых нет столько мощностей, сколько нам надо».)

– Привязываться на пять лет к одному оператору – это слишком!

– ОК, подпишем эксклюзив на три года.

(«Менеджерье плевало на наши идеи, жируют при хозяине. Уверены, что, если я откажусь сейчас, приползу позже...»)

– Это все, что вы можете предложить?

– Да.

Дуров удержался от того, чтобы выдернуть чеку из воображаемой гранаты и взорвать офис к чертовой матери. Недавно он смотрел фильм «Святые из трущоб», где братья-ирландцы после убийства девочки на глазах у струсивших обывателей берутся за оружие и вершат правосудие.

Братья врываются в суд, который намерен оправдать мафиози, приставляют к его затылку дуло и произносят: «Теперь вы примете нас. Нам не нужны бедные и голодные. Нам не нужны уставшие и больные. Мы взыщем с продажных. Мы взыщем со злодеев. Пусть ваши мелкие гнусности не выходят за рамки и не переходят границ настоящей скверны, которой занимаемся мы. Ибо если это случится, то однажды вы обернетесь и увидите нас троих, и в этот день вы пожнете плоды».

Дуров встал и отодвинул стул. Перед ним, конечно, не злодеи, а корпоративная шушера, но их манипуляции мешают «ВКонтакте» расти. Пришел черед произнести свою речь. Побелев от гнева, он сказал: «Мы уходим. Вы нарушаете законы России. Я пожалуюсь на вас в антимонопольную службу. Вы выкручиваете руки стартапам. Вы действуете не в русле высказываний президента, который говорил о помощи высокотехнологичному бизнесу».

Переговорщики открыли рты. Вместе с ними застыл Лев, почувствовав, что Дуров зажег спичку и вот-вот бросит ее на мост.

«Более того, – холодно продолжил Дуров. – Я считаю, что вы ведете себя как уголовники. Следует подумать о том, чтобы отдать вас под суд, потому что, похоже, вы ставите свои интересы выше интересов акционеров „Голден Телекома“».

Мост вспыхнул, и змейка огня побежала к противоположному берегу. Оппоненты выходили из ступора.

Первым очнулся линейный менеджер и возмутился: этот наглец рассказывает, как нам вести бизнес! Видимо, в голове директора всплыли словосочетания «худой мир» и «добрая ссора», и он затоптал огонь: «Давайте не торопиться».

Но было поздно, Дуров вылетел из кабинета. Вслед за ним, попрощавшись, исчез Лев. Шагая по коридору, архитектор проговорил: «Ищем других провайдеров и перевозим серверы». Лев не стал возражать.

Спустя несколько дней они встретились с человеком из «Ростелекома». Тот обещал найти канал на 60 Мбит. Нашлось в итоге на 25, но «ВКонтакте» договорилась с другими провайдерами, в сумме набрав необходимые мощности. Лев вызвонил автобус, и демонтаж серверов закончил их роман с «Голденом».

Менеджеры, правда, выкатили претензии, что «ВКонтакте» им

недоплатила, и попытались взыскать около 15 млн рублей. Но Дуров платить отказался; тяжба продолжается до сих пор.

Тогда же акционеры «ВКонтакте» убедились, что нужно строить свои каналы – «дороги будущего», – чтобы не зависеть ни от кого. Слава и Лев создали компанию «Селектел» и занялись развитием независимого хостинг-провайдера.

Дуров написал и передал письмо президенту Дмитрию Медведеву. Телекоммуникационный картель искусственно завышает цены. Надо строить дороги XXI века, а не гнобить интернет-компании. У русских продуктов недостаточный авторитет в глазах журналистов, которые восхищаются всем западным. Мы рассуждаем о модернизации, а истинная модернизация – снизу; ей нужно помогать и т. д.

Политических претензий к власти Дуров не имел. Власть управляет страной, где осталось крепостное сознание и право, – и крутится как может. Не то чтобы Дуров не видел свинцовых мерзостей нулевых, когда бюрократам и силовикам позволили облагать оброком и сажать предпринимателей. Он все прекрасно понимал, но воевал с носителями зла и устранял помехи на пути компании, а не бодался с системой.

«Демократия и тирания различаются скорее формой, чем содержанием, – писал он. – Попытки установить всеобщее равенство оканчиваются печально, потому что равенство не предусмотрено биологически. Но хочется верить, что открытая конкуренция делает свое дело. И если остается хоть небольшая лазейка, самые способные и энергичные постепенно проникают наверх».

Проблема вымахавшего до полсотни миллионов юзеров «ВКонтакте» заключалась в том, что количество желающих перекрыть лазейки или вставить палки в колеса росло на глазах. Дуров неуклонно стервенел с каждым иском.

«Это 30 млн уголовников, и соучастники известны! – кричал на пресс-конференции директор кинокомпании „Амедиа“ Александр Акопов. – Всех посадить в тюрьму нельзя, но 10 000 – можно!» Пресса радостно строчила в блокноты, предвкушая скандал.

Акопов инициировал холивар против «ВКонтакте» за то, что соцсеть фактически держала крупнейшее хранилище пиратского контента. Это было объяснимое негодование – не только русские, но и западные пираты бесплатно хостились у Дурова. К 2010 году примерно половина показов видео в рунете приходилась на «ВКонтакте» – и это было конкурентным преимуществом сети.

Дуров считал свободу распространения информации органической

чертой интернета. Но правообладателей следовало успокоить, и ему вновь пришлось идти на сделку со своими убеждениями. «ВКонтакте» дала мейджорам возможность удалять видео и предложила продвигать их страницы. Первой под «отличника с двойкой за поведение» прогнолась 20th Century Fox. За ней последовала «Централ Партнершип».

Но за ними поспешили далеко не все. Английская Virgin Media закрыла клиентам доступ к «ВКонтакте». Акопов (как и телекомпания ВГТРК) все-таки подал в суд. Несмотря на проигрыш исков (контент выкладывала не сеть, а пользователи), правообладатели не успокоились и при удобном случае пинали «ВКонтакте». После этого на лбу манекена для избиения в тренажерном зале дома Зингера кто-то начертал: «Акопов».

Однажды я слушал откровения монстра копирайта: «Вот мы пришли с сериалом ABC, на который у нас есть эксклюзивные права на российскую территорию. Заглядываем во „ВКонтакте“, а там 65 000 видеозаписей – и мы вручную должны все это удалить. ОК, попыхтели, удалили, а еще через четыре дня там еще 30 000 видео – ну это издевательство, слушайте!»

Пересказав этот вопль Дурову, я услышал следующее:

«Мы занимаемся технологиями и средствами коммуникации. Проблемы индустрии развлечений, которую интернет вынуждает пересматривать бизнес-модели, волнуют нас только в плане соблюдения законов. Мы обязаны удалять видеоролики, если получаем письменное уведомление о ролике с документами, доказывающими авторские права на данный контент.

Но мы пошли дальше – дали правообладателям возможность бесконтрольно удалять видеоролики, которые, по их мнению, нарушают их права. Мы даже почти не проверяем списки удаленных видеороликов, полностью полагаясь на честность.

Тогда они стали говорить о том, что пользователи загружают те же видеоролики заново. Мы снова пошли навстречу – создали систему, которая запрещает повторно загружать видеоролики.

Но и этого оказалось мало. Жаловались именно те издатели, которым мы помогали все удалять. А западные издатели тем временем молча собирали рекордные прибыли в российских кинотеатрах при существующих копиях своих фильмов „ВКонтакте“ и на других российских UGC-ресурсах. При этом американские мейджоры покупали рекламу фильмов, а большинство отечественных кинопродюсеров – бойкотировали. Например, из США на нас жалуются скорее издатели музыки.

У некоторых российских издателей или у всей нашей киноиндустрии

есть какие-то внутренние проблемы, которые они не осознают или которые им не хотелось бы признавать. С ними невозможно договориться, они живут в прошлом веке и хотят заставить людей платить немалые деньги за то, что лежит в торрентах в более качественном формате бесплатно».

Позже я общался с главой «Одноклассников» Ильей Широковым – после того, как они запустили аудиохостинг. Широков подчеркивал, что, в отличие от «ВКонтакте», он горой за правообладателей.

«А, так у вас на выложенные песни подписаны контракты?» – поинтересовался я. Широков сделал жест, символизирующий сложность вопроса. Оказалось, они с Гришиным бились с правообладателями два года, а потом махнули рукой и запустили хостинг, куда любой может закачать песню. Мейджорам они продали эту новацию как «тестовый вариант».

Дуров считал хозяев контента, отказавшихся конструктивно сотрудничать, кем-то вроде избалованных работорговцев. По его мнению, вместо того чтобы менять стратегию и каналы дистрибуции, правообладатели хотели руками «ВКонтакте» душить юзеров, а после отказа призывали государство к репрессиям.

С другой стороны, Дуров задумывался о том, чтобы вывести компанию на биржу – так можно было поднять денег на дальнейший рост и удовлетворить желание Славы и Льва зафиксировать прибыль. И здесь начинались проблемы.

Продавать дальше акции значило потерять контроль. Акционеры не приветствовали идею опционов для лучших сотрудников – Дурову с трудом удавалось выбивать инвестирование части дивидендов в развитие. Партнеры хотели денег и не принимали идею вложить в развитие всю прибыль.

Между тотемом и основателями расширялась трещина. Они по-прежнему дружили и часами спорили о Торе, которую изучал Слава, – но разница в отношении к деньгам бесила обе стороны.

Еще один риск при выходе на биржу крылся в контенте. О размещении акций на западных биржах с дуровским подходом к интеллектуальной собственности можно было не мечтать. Например, банкир, участвовавший в IPO «Яндекса», утверждал, что без урегулирования всех вопросов о пиратском контенте «ВКонтакте» вряд ли что-либо светит.

Учитывая эти факторы, Дуров пятился, отдавая правообладателям все больше прав.

Схожая история происходила с порнографией, наличие которой пришлось бы объяснить инвесторам перед IPO. Соцсеть жестко блокировала детскую порнографию, но к остальной относилась прохладно.

Если в поиск по видео вбить запросы на тему секса – независимо от дней недели и времени суток, – примерно половина выдачи окажется порнороликами, выложенными в обход спам-робота.

Неудивительно, что в сети появилось письмо «к администрации и акционерам социальной сети „ВКонтакте“»:

«Ничто не мешает тому, чтобы в поиске внутри сайта пользователи без труда находили порно и пересылали его друг другу. Такое попустительство равно поощрению. Фактически вы потворствуете развращению целого поколения юных интернет-пользователей. <... >

В то время как уже сегодня настройка эффективной фильтрации порно и незаконного контента технологически и организационно осуществима, и это сделано на всех крупных интернет-площадках цивилизованных стран».

Письмо подписали больше десятка интернет-деятелей – в том числе партнеры правообладателей. Дуров не расстроился. Ему нравилось быть объектом ненависти для внезапно сколоченной армии спасения. Тестировать, как работает тэгирование фото, они с Цыплухиным отправились в стрип-клуб Golden Dolls.

Раскинувшись на диване в блуждающих лучах световых пушек, зажигающих блески на телах танцовщиц, Дуров сфотографировал сцену с шестами и подписал что-то типа: «Следует запретить курение в общественных местах». Затем поставил тэг и отправил миллионам подписчиков.

Первые минуты сеть молчала, а затем подписчики сообразили, в чем прикол. Офлайновая реальность тоже не дремала, и посетители начали подгрести к столу с вопросами: «Не вы ли Дуров?» Влад спросил шефа: ну что, исчезаем из этих благословенных широт? «Пожалуй», – отозвался Дуров, и парочка исчезла так же стремительно, как появилась.

Пробовать, что вышло с геотэггингом – помещением на карту точки, где находится юзер, – они явились в ночной клуб «Максимус». Повторилась схожая сцена, и Дуров с удовольствием сменил подпись в личном твиттере с «СЕО ВКонтакте» на «Porn King». Позже он выложил фотографию, снятую на пляже: морда хаски с капающей слюной на фоне женских поп.

На письмо о морали он ответил публично:

«Модераторы „ВКонтакте“ расчистили результаты стандартного поиска по видеозаписям от обилия порнографических материалов. Сотни поисковых запросов занесены в черный список, десятки тысяч видеороликов изъяты из перечней результатов поиска. Найти

порнографические материалы во „ВКонтакте“ сложнее, чем сделать то же самое при помощи более очевидных инструментов – поиска „Яндекса“ или Google.

Безусловно, при большом желании вы все равно можете найти порнографию во „ВКонтакте“. Однако в результате слаженной работы модераторов и разработчиков порнография теперь никак не затрагивает пользователей, которые в ней не заинтересованы... Оградить ребенка от порнографии можно только на уровне домашней сети».

Постепенно шум затих, правообладатели успокоились. Борцы с порнографией если не сняли претензии, то сконцентрировались на иных объектах ненависти. Mail.ru тоже не шумел.

Но штилем не пахло – ко «ВКонтакте» подкралась новая проблема, причем с той стороны, откуда давно не ждали удара.

* * *

Вагон мотало из стороны в сторону, как шлюпку на волнах. Пассажиры уткнулись кто в газету, кто в ридер, кто в телефон – поворот от бумажных книг к цифровым уже произошел. На Дурова и Илларионова, вцепившихся в поручень, никто не обращал внимания, но подручный порно короля все равно озирался, ожидая, что их окликнут.

«Слушай, может, снимешь бейсболку? – наконец спросил он у СЕО как бы в шутку. – Сейчас узнают и вломят». Тот поправил кепку с литерой «В» и засмеялся: «Кому мы нужны».

Московское метро фонило безразличием, но Илларионову мерещились враги, которые последние дни слали письма с угрозами оторвать руки. Они исписали полсоцсети граффити в духе «Дуров чмо», «Дуров, верни стену» и «Дуров, убери свой микроблог».

За неделю до визита в столицу «ВКонтакте» окончательно открыла все записи на личных страницах пользователей и позволила любому юзеру писать на их стенах что угодно. Это можно было ограничить в настройках, но гневные телеги катились тысячами. Илларионов трясся не зря.

«Сначала нас ненавидят, потом начнут любить», – перекрикивая лязг вагонов, ответил Дуров. Железный голос объявил «Кропоткинскую», и товарищи продрались к дверям. Выйдя невредимыми из подземки, они пересекли площадь и зашагали по переулкам, сбегаящим к Москве-реке, к залу, где проходило мероприятие HighLoad.

Старый знакомый Бунин позвал «ВКонтакте» рассказать, как они

оптимизируют высокие нагрузки на серверы. Соцсеть в сутки навещало около 20 млн человек. Увидев ожидающих его спича программистов, сидящих друг у друга на шее, Илларионов забыл про хейтеров, мысленно пробежал план выступления и взял микрофон.

Самая скандальная реформа «ВКонтакте» началась с того, что Дуров, вышагивая руки-в-черные-брюки мимо апельсинового автомата и коровьего дивана, придумал очередную провокацию. Он бережно донес ее до двери, за которой сидел Илларионов, и вкрадчиво сказал ему: «А что если открыть все стены?»

Немедленно был созван консилиум во главе с братом Николаем, который оценил идею как безумную. «Единственное, чего ты добьешься, – это массовые волнения и уход в другие соцсети!»

Однако Дуров стоял на своем твердо – он не изобретал велосипед, похожую манипуляцию осуществил Facebook, и ничего, все съели. Мир становится более открытым; людей следует приучать к прозрачности намерений и поступков. Все, что ты пишешь, а также что друзья написали тебе на стену, надо показывать другим. Ограничивать – можно. Но по умолчанию – открывать.

За нововведением стояла не только религиозная вера, но и желание сильнее вовлечь людей в интеракции с другими юзерами. Тем самым «ВКонтакте» увеличивала и без того лучшее в Европе вовлечение – пользователи ежесуточно сидели у Дурова часами.

Несмотря на яростное сопротивление Николая, Кузи и других, Дуров настоял на своем. Кодеры разработали новую стену и 2 августа показали ее сети.

Тотем недооценил пользователей. Как он предсказал несколько лет назад, страница «ВКонтакте» стала второй личностью человека. Вмешательство было расценено как покушение на личную жизнь.

«Дуров ублюдок», «Ты нарушил тайну личной жизни», «Верни все как было», – писали люди. Участок народного мозга, отвечающий за фольклор, родил мем: «Проснулся утром, гляжу – а Дуров всю мебель в комнате переставил!»

Читая это, Дуров ощущал жар костров амбиций. Он Доктор Зло. Он персонализирован. Он тотем.

Волна негодования не спадала – ее гнали миллионы пользователей. Пришлось впервые устроить опрос: хотите микроблог или нет? Большинство проголосовавших восстали против микроблога.

«ВКонтакте» пришлось идти на попятную. Нёрды сделали новую стену опциональной – то есть дали возможность выбирать старую. Но это

был не более чем обходной маневр. Дуров только укрепился во мнении, что демократия вредна. Разработчики перепиливали новый микроблог, чтобы ввести его принудительно.

В дом Зингера наняли новых бойцов – партизанская ячейка разрасталась. Прибывшие напоминали кого угодно, но не нёрдов. Вася Бабич, сын академиков, отличник, бегал на работу по набережным в зеленых физкультурных штанах. Эти штаны, а также недовольную физиономию Васи увековечила вирусная реклама, призывающая студентов наниматься «под сень валькирий». Рядом трудились Илларионов и проходящий по качеству футбола в дубль «Зенита» Игорь Жуков.

Эти превосходно социализированные юноши оттеняли не бросающуюся в глаза гостю комнату со странными людьми. Территория оптимизации высоких нагрузок и антиспама выглядела местом с искаженными временными и пространственными характеристиками. Люди разговаривали обрывками кода и птичьим языком.

Задав вопрос, здесь стоило рассчитывать на ответ не ранее чем через десять минут. Просто обитатели привыкли очень хорошо думать. Дуров с Равдоникасом на их фоне выглядели образцами нормы.

Например, среди «сишников» работал человек, который не отзывался ни на какие внешние раздражители, кроме голоса Николая. Он исправно писал на C++, но, например, Дурова-младшего не воспринимал. Также он ходил днями в бессменной одежде, размышляя, видимо, о горнем.

К этому диковатому племени примкнул тренер сборной России по программированию и друг Николая Дурова Андрей Лопатин. Помимо high load он вел холивар против сетей ботов, а также помогал приятелю не терять остатки человечности в окружении нёрдов. Сам Николай не сменил поля деятельности – мать, по-прежнему вникающая в происходящее с проектом сыновей, убедила его, что надо полноценно помогать брату, получать приличные деньги, а на науку выкраивать время от основной работы.

Готовясь возвести новую стену, Дуров переехал из кабинета под стеклянным глобусом в тесную комнату напротив соковыжималки и взял в товарищи Равдоникаса. Тот днями корпел над «словесным оформлением сайта», а ночами выкладывал в сеть стихи. Позже, смирившись с тем, что во «ВКонтакте» люди не воспринимают буквы без пиктограммы, начал пририсовывать что-нибудь к своим хорям – авторучкой на клетчатой бумаге.

После истории со стеной Равдоникас запостил полотно с избиением младенцев и подписал: «Саша (слева), Игорь (по центру) и Вася (справа)

отнимают у пользователей стену, новости и поклонников соответственно. 1625/26; Paris, Musée du Petit Palais».

Час икс пробил 20 октября. Зингер превратился в блестящую капсулу, готовую к взлету. Шар злоеще поблескивал, валькирии заметно нервничали. Команда пристегнулась, проверила ремни безопасности, убедилась, что все системы функционируют нормально, готовность три, два, один... Дуров совершил вояж по кабинетам, отметил, что люди горят духом, и запалил шнур.

Старые стены рухнули, и на их месте проступили водяные знаки микроблога. Дуров настучал в макбуке: «С сегодняшнего дня мы включаем этот режим для всех страниц. Для большей части активных пользователей „ВКонтакте“ переход пройдет незамеченным, так как порядка 70 % уже включили режим микроблога в настройках». (Цифру кое-как натянули – на самом деле абсолютный процент пользователей, перешедших на микроблог, был ниже.)

Сеть отреагировала мгновенно. Юзеры создали сотни групп с призывом вернуть старую стену. Многие администраторы использовали возможности микроблога и рекрутировали друзей в движение против микроблога. Команда с чувством глубокого удовлетворения вводила в строку разработанного Николаем поиска запрос «Дуров» и знакомилась с трехэтажными ругательствами.

Равдоникас, следивший за пользовательской реакцией чуть более пристально, чем кодеры, не смог остановить льющуюся из него литературу:

«22.02. Возле Казанского собора начинает собираться толпа. В отсветах факелов там и тут поблескивают вилы. Люди преимущественно спокойны и сосредоточенны, песен и лозунгов не слышно. Висит недобрая тишина, нарушаемая глухим кашлем и шумом дождя.

22.13. Толпа приходит в движение. В окна летят первые камни. В лазарет, спешно организованный в кабинете Алексея Богатова, доставлен Добромыслов с травмой левой брови и множественными порезами от осколков.

22.29. Для тяжелого пулемета на ресепшене оказалось всего три ленты. Похоже на саботаж. Переходим на легкое автоматическое оружие. Запасов пресной воды хватает.

22.53. Важное наблюдение: большинство наступающих – в лаптях. Добромыслов вырвался из лазарета и бубнит: „Великий день, великий день!“ Настроение праздничное. К стрекотанию и звону привыкли. С начала осады отжали 170 апельсинов».

Сводки с полей не сильно отличались. По «ВКонтакте» рассылали

сообщения с призывом не заходить на сайт 22 октября. Цель – дать понять, что юзеры готовы уйти из «ВКонтакте», если к ним не прислушаются.

Штаб нанес ответный удар: ночью в блоге, где фиксировалась история «ВКонтакте», опубликовали запись – в прошедшие сутки рекорд посещаемости побит. Чуть позже Дуров обратился к хейтерам: «Пару дней вы будете нас ненавидеть, затем – любить еще сильнее. Но ради вас мы готовы смириться даже с вашей ненавистью».

Написав эти строки, Дуров начал восхождение к образу просвещенного диктатора. Он запретил банить любые группы, разжигающие вражду к его персоне. «В репутации Доктора Зло есть что-то для добротного маркетинга», – признается он позже.

Впрочем, то, что сработало с юзерами, не говоря о служителях копирайта, не проходило с источником главной угрозы. Спустя несколько месяцев конфликт с Mail.ru разросся из маленькой разборки в большом Токио в громкий скандал.

* * *

Бомбу заложил Мильнер. Три года назад, когда Дуров, Мирилашвили и Левиев оформляли с ним сделку, в документах не регулировалась возможность инвестора переводить свою долю в другие юридические лица. Поэтому, когда у Мильнера прошел интерес к рунету и он обрел миллиард долларов для глобальных инвестиций (олигарх Алишер Усманов интересовался крупнейшими мировыми сервисами), все доли в «Одноклассниках», «ВКонтакте» и других компаниях он слил в холдинг Mail.ru Group. Группа основывалась на активах Mail.ru, и рулить ею назначили Гришина.

Дуров слышал о планах сколотить суперкомпанию, которая могла бы противостоять натиску Google и других корпораций добра, но не придавал им серьезного значения. К тому же и речи не шло о передаче «ВКонтакте» под командование московских менеджеров. В итоге случилось так, что Дуров внезапно обнаружил у себя в совладельцах агрессивно настроенного автора игры «Альфа-ромео».

Первое время Гришин не давал о себе знать – он определялся, как решать проблемы слияния, и разбирался с управляющими поглощенных продуктов. Некоторые из них – например, Илья Широков из «Одноклассников» – сопротивлялись тотальному контролю человека, подписывавшего макеты визиток своим менеджерам.

Однако через пару месяцев раздался первый звонок. Перекопский узнал, что сейлзы Mail.ru Group обещают клиентам, что скоро начнут продавать рекламу во «ВКонтакте».

Второй звонок прогремел как гонг на ринге. Корреспондент Forbes Андрей Бабицкий брал интервью у Гришина и поинтересовался, что тот думает о будущем «ВКонтакте». Гришин, не моргнув глазом, ответил: «Стратегически для нас правильно приобрести контроль в социальной сети, а лучше даже выкупить все 100 %».

Тратить время на диверсии не входило в планы тотема. Он по-прежнему желал изобретать новые штуки в кругу единомышленников, но после взорвавшейся информационной бомбы у него не осталось иного выхода. Маска воина прирастала к его лицу.

Дуров созвал шабаш под стеклянным шаром. Перекопский, Равдоникас и Цыплухин заслушали доклад на тему «менеджерье окружает». После недолгих прений Дуров опубликовал ответ акционеру:

«Контрольный пакет „ВКонтакте“ принадлежит основателям. Планов менять текущее положение дел не существует. Слухи о том, что Mail.ru Group находится в процессе переговоров о покупке компании „ВКонтакте“, не соответствуют действительности. Ситуацию, при которой „ВКонтакте“ полностью входит в холдинг, мы исключаем и считаем утопичной».

Среди песен во вкладке «война» у него появилась Sweet Dreams из блокбастера «Запрещенный прием», ремикс хита Eurythmics:

*Some of them want to use you,
some of them to get used by you.
Some of them want to abuse you,
some of them want to be abused.*

Сюжет выглядит так: отчим сдает девочку-подростка в психушку, чтобы завладеть имуществом ее умершей матери. Падчерица знакомится с такими же несчастными, упрятыми в клинику. Ее приговаривают к лоботомии, но внезапно реальности наслаиваются друг на друга, и они с сокамерницами оказываются трупой стрип-шоу, а главврач – сутенером. Еще смена реальностей, и они в средневековой Японии. Еще – и в эпоху Первой мировой. У каждой прозвище-амплуа: Куколка, Милашка, Ракета, Блонди.

Обитатели Зингера напоминали такую же банду – циник и любитель денег Перекопский, танцор и поэт Равдоникас, пиарщик Цыплухин,

превратившийся из сутулого очкарика в героя радиошоу «Школа соблазнения». Нёрды перезарядили оружие и приготовились обороняться.

Если насчет прошлых войн были какие-то сомнения, кем они начаты и кому выгодны, то противостояние с Mail.ru показало: Дуров ценил врагов и обожал конфликты как средство поддержания духа.

Впрочем, он вряд ли рассчитывал, что боевые сценарии однажды станут плотью от плоти реальности.

Глава 6

Запрещенный прием

Звук трубы навевал тоску и ярость. Трубач выдувал один и тот же набор – «кукарачу», «хаву нагилу» и далее без остановок. Денно и ночью он торчал на парапете, на углу канала и Невского в ушанке с заливхватски задранном ухом. Прохожие швыряли ему мелочь – в сумку на колесиках – скорее из жалости, чем из любви к искусству. Стояли приличные морозы, и выше –15 ртуть не заползала.

Шестой этаж Зингера готовил бунт против музыки. Труба достала всех, чьи окна выходили на канал. «Заберите его кто-нибудь», – молил читателей Равдоникас. Они с дизайнером Добромысловым работали допоздна и как-то раз в приступе вдохновения примотали бутафорскую трубу ко лбу манекена для избиения (того, который «Акопов»).

Обряд подействовал. На завтра человек с парапета играл недолго и к вечеру укатил свою сумку. Город праздновал 23 февраля 2011 года. Ночной Невский был чуть более оживлен, чем обычно. Дуров, Равдоникас и Добромыслов сидели за полночь и, проголодавшись, отправились в ближайший «Сабвэй».

Агрессия насыщала воздух. В начале месяца Равдоникас запостил очередное эссе:

«Когда мы шли втроем по набережной канала, все со своими ломиками, я почуял власть диспозиции. Метель, слякотная в центре города, – идеальная погода для любого преступления, все слишком заняты собственными ногами. Ты замечаешь лом в руке у человека слишком поздно, чтобы не стать частью его истории, какой бы она ни была.

Мы шутили, я говорил, что минимальные жесты наиболее угрожающи: похлопывание куском железа по ладони мультипликационно, но стоит просто изменить слегка положение предмета в руке – или же снять его с плеча. Без фейерверков приведение объекта в боевую готовность страшно, потому что общение со зрителем происходит на досознательном уровне; деятель обращается не к мозгу, а к животному и говорит ему следующее: „Сейчас тебя будут бить“.

Животное понимает при этом, что никакой рационализации не будет; но рационализация ему и не нужна, оно уважает свое чутье. И все же его страх приводит к оцепенению. Не потому ли, что разум

пытается отогнать страх? В одиннадцать утра, и в нескольких минутах от проспекта, и без какого-либо повода. Отпусти, мозг, у тебя не хватит времени выстроить цепочки, если мы не скроемся сейчас.

Сегодня, конечно, уже поздно, момент был упущен еще в самом начале, из-за снега. Мы как раз начинаем проходить мимо; и именно здесь я чувствую власть контекста. Она в том, что не бывает действительно никакого повода, есть только условия. И при необходимых условиях, которые сложились сейчас, мы изметелим человека ломami на берегу канала. Я не уверен, что мы этого не сделали».

Спустя три недели, ночью, по дороге к «Сабвэю» их окликнули банальным: «Есть закурить?» Равдоникас ощутил то самое, животное чувство. Он не успел сообразить, какую выбрать интонацию, как Дуров одарил просителей взглядом – каким отвечал назойливым официантам или не узнающим его на входе в штаб охранникам: с брезгливым поворотом головы.

Из тройки ростом выделялся Добромыслов, и инстинкт подсказал гопникам, кому врезать первому. Выдуманная и реальная жизнь скрестились, и предсказанные Равдоникасом булыжники с монтировками самовоспроизводились. Денди из пригорода прижимали их к какой-то витрине.

Дуров получил мощный удар в затылок и отступал. У Добромыслова заплыл глаз, и тот едва мог обороняться. Их наверняка прижали бы и изметелили, если бы Равдоникас не начал вязать нападавшим руки, крича что-то примиряющее.

Тотем вырвался и побежал к Дворцовой площади. Добромыслов бросился в штаб и вызвал скорую: если повреждена сетчатка, пора осваивать новую профессию.

Справа неслись сверкающие огнями заведения, слева машины, а милиции все никак не находилось. Дуров остановился перевести дух и увидел автомобиль с синей полосой и мигалкой. Он постучался в закрытое окно. «Это не наша территория», – ответили изнутри.

Дуров вспомнил, как шел с Равдоникасом по галерее Гостиного двора, через которую можно попасть на проспект, избежав торговых рядов. Обсуждали, как меняется понятие личности в соцсетях. Высокоумную беседу прервали барышни в серой форме и пилотках: «Сюда нельзя». За их спинами кипел пятачок между метро и проспектом, куда на 31-е числа сходились оппозиционеры – недобитая демшиза и иные антипутинцы. Их было мало, не тысячи, как в Москве на Триумфальной, и они требовали исполнения статьи Конституции о свободе собраний. Кого-то винтили

и волокли в автозак.

Дуров посмотрел на барышень с ласковой ненавистью: «Представьтесь, пожалуйста, и скажите номер удостоверения». Милиция замешкалась. «Вы не понимаете, что делаете! – крикнул Дуров, посмотрел в сторону и продолжил: – Вы не можете ограничить свободу передвижения. Ограничивая свободу, вообще любую, можно лишь разогреть протестные настроения». И так далее, в том же регистре.

Их с Равдоникасом пропустили. Пока они шагали к штабу, тотем возмущался, насколько слаба репрессивная машина, если два чувака смогли продавить милицейский кордон с помощью слов.

Теперь, стоя на Невском в бессилии, у равнодушного авто с синей полосой, обхватив болевшую от удара голову, владелец компании ценой в миллиарды думал о том, что все оказалось хуже. Все сгнило. Люди чувствуют это и не верят, что государство способно их защитить. Лишь подсознательно они цепляются за эфемерное обещание безопасности.

Скоро, очень скоро государства рухнут и на их место придут конкурентоспособные компании, в том числе охраняющие граждан. Граждане будут выбирать место жительства, исходя из своих компетенций. Государства станут бороться за привлечение тех или иных специалистов. Это произойдет не так быстро, как хотелось бы. Наше дело – приближать этот момент, погружая все большее количество социальных транзакций в сеть, где все процессы текут прозрачнее, чем по бумажным процедурам. Наши идеи как кислота – растворят консервативные установки и станут мейнстримом. Лет через двадцать.

В штабе Дурова ждал Добромыслов, избежавший отслоения сетчатки и чувствовавший себя счастливым – что, впрочем, было не очень заметно на фоне адреналина, фрустрации и размышлений, куда свернула бы его судьба, если бы.

Добромыслов не собирался становиться оформителем соцсети. Он учился торговать акциями, и если увлекался дизайном, то скорее автомобильным. Зарегистрировавшись во «ВКонтакте», он начал администрировать группу «Студенты.ру» и был замечен штабом. Затем он выиграл конкурс дизайна, получил приглашение, был очарован Дуровым и вступил в секту.

Они часами сидели над редизайном – архитектор с черной коленкоровой тетрадью, Добромыслов с айпадом – и обсуждали, как ложится свет на каждую кнопку страницы. Добромыслова, как и других, поражала способность Дурова вбросить неожиданную идею – и отследить, чтобы она была воплощена за короткий срок (если производство

растянулось, значит, идея негодная). Однажды они таким образом придумали выводить в профиле пользователя его фотоальбом, а личную информацию ужимать.

После вечера с мордобоем Добромыслов перестал оставаться в общежитии. Сквот располагался в восьмикомнатной квартире, которую Дуров купил в близлежащем переулке, – там ночевали закодившиеся программисты. Это было огромное пространство с пустынными комнатами и прихожей с люстрой, напоминавшей краба. Ключи от апартаментов на Невском, 65, СЕО отдал Васе Бабичу, который женился и нуждался в жилье.

Дуров утверждал, что не хотел ни к чему привязываться, и жил на разных квартирах; чаще всего в сквоте. Он редко приезжал в штаб раньше полудня, а задерживался до трех-четырех утра.

После сцены с дракой история «ВКонтакте» окончательно приняла вид самосбывающегося пророчества. Дуров раззадоривал себя, и теперь боевой дух не надо было поддерживать, он горел сам. Архитектор носил черное и сеял революции и провокации во всем. Он все больше убеждался, что преград не существует и растущее число пользователей – это и база для исследований, и журналисты его коллективного медиа, и потенциальные последователи.

* * *

Дуров продолжал дружить с Мильнером, летал на различные семейные празднества, а также ежегодные тусовки подопечных инвестора в Калифорнии. Однако венчурный капиталист, выполнивший свой долг перед Усмановым и получивший свободу, мирить «ВКонтакте» с Mail.ru не намеревался.

Тотем продолжал выбирать врагов для поднятия духа. Тем более, «Одноклассники» и правда догоняли по численности аудитории, правообладатели не успокаивались, а вслед за ними были забанены производители алкоголя и сигарет, желавшие разместить рекламу.

И вот после непродолжительного затишья проявился Mail.ru. После публикации интервью Гришина в Forbes интернет зашумел: сказка кончилась, холдинг сожрет нёрдов и не подавится. Резкий ответ Дурова не успокоил скептиков.

Тогда они с Перекопским решили обратиться сильные стороны врага в слабые. Перекопский заявил: холдинг, предъявлявший претензии

к соцсети, что та недомонетизирована (мало рекламных мест на страницах), продает баннеры на коррупционной основе. Отсюда и супермонетизация.

Обвинения имели под собой почву. Рынок медийной рекламы устроен так, что между площадкой и рекламодателем существует цепочка из двух-трех посредников. Каждый из них, борясь за бюджеты, предлагал контрагентам так называемые суперкомиссии – вознаграждение за приведенные деньги, которые проходили в контрактах как «белые», но по факту оседали в карманах посредников. Перекопский жаловался, что Mail.ru портил рынок, загоняя эти суперкомиссии до уровня 70 % от суммы размещения.

Наиболее взвешенно оценил этот конфликт на Roem.ru Игорь Ашманов:

«Не знаю, как на Mail.ru с этим, но обычно при покупке медийки каким-то крупным брендом имеется цепочка из трех-пяти посредников (рекламный отдел бренда → прикормленное рекламное агентство → медиабайер → медиаселлер → рекламное агентство площадки → площадка), и там не только откаты по цепочке, но и просто распил на комиссии – купив на 100 рублей рекламы, крупный бренд может получить открутку на 25, а остальное осядет в цепочке или/и будет употреблено его же рекламным отделом. Но факт этой усохшей открутки (или выросшей цены за показ) будет запрятан в отчетах, и будет заплачен откат, чтоб заказчик „не заметил“. Так в среднем устроен этот рынок, и именно поэтому так взлетела контекстная реклама, где нет посредников и распилооткатов».

Вслед за своим заявлением Дуров заблокировал ссылки с «ВКонтакте» на файлообменный сайт Mail.ru. Когда интернет осведомился, в чем изъязн, он написал на том же Roem.ru: «Все очень просто, files.mail.ru является безвкусным складом вирусов и варежа, как и любые другие обменники».

Mail.ru подвис от такой наглости. Через какое-то время «ВКонтакте» обвинили, что принадлежащий Льву и Славе провайдер «Селектел» закупал серверы у своих же компаний, то есть нарушал условия честной конкуренции и выводил таким образом деньги в карманы акционерам. Дуров вновь посетил комментарии и назвал выпад Гришина «словами типичного менеджера». Что касается вывода денег, он ограничился репликой, мол, смешно комментировать подозрения в махинациях с сотнями тысяч рублей со стороны долларовых миллионеров.

Когда я спросил у Гришина, почему он не стал нажимать на «ВКонтакте» и доказывать обвинения насчет серверов, тот ушел от ответа.

Мол, мы в одной лодке и, несмотря на натянутые отношения, стараемся вести себя интеллигентно – в отличие от Дурова, заигравшегося в шоу-бизнес и пиар.

Выгода от операции с серверами и правда не шла ни в какое сравнение с масштабами бизнеса «ВКонтакте» – 114 млн долларов выручки за 2011 год. Тотем по-прежнему с трудом отвоевывал прибыль, чтобы пустить ее на строительство дата-центра и каналов связи, которые считал дорогами будущего.

Гришин все же выступил с ответными обвинениями. Правда, сделал он это неконкретно и обтекаемо – без имен-фамилий. Дуров радостно загасил поднятую над кортом «свечу», повторив тезис, что это речь типичного скользкого менеджера.

Разделив мир с точки зрения ценностей на чужих и своих, Дуров сколотил преданную команду. Рассуждая о своем кумире-военачальнике, он говорил: «Джобс – шестидесятник; его ценностями были свобода, человек – хозяин своей судьбы, художник с мини-компьютером. Та же реклама „1984“. Apple – пираты, дающие бой протухшему „айбиэму“. Захват продуктом широких слоев населения. Айфон против уродства и безвкусыя мобильных устройств. Мы тоже восстали против тухлого дизайна, застоя, коррупции и повальной монетизации».

Внутренних диссидентов – тех членов команды, кто восставал против ее ценностей, – Дуров выжигал огнем. Например, одному из старожилов, Кузнецову-Кузе, надоело работать в ритме стартапа, и он ослабил хватку. Тотем терпел, но когда однажды Кузнецов забрел к нему, чем-то занятому, в кабинет, жуя колбасу, и что-то расслабленно начал спрашивать, рассвирепел.

- Выйди, пожалуйста.
- Почему я должен выходить?
- Выйди, ты меня раздражаешь.
- Не буду.

Дуров вскочил со своего архитекторского кресла, схватил Кузнецова за грудки и вытолкнул из кабинета. Тот подал заявление об уходе.

На юбилей соцсети, совпадающий с его днем рождения, Дуров снял ресторан. Как всегда, стол утопал во фруктах, парни создали своих девушек, алкоголь и сигареты отсутствовали. Кто-то из программистов решил сфотографировать Дурова, жующего кусок дыни, и тот показал в камеру fuck.

Из персонажей внешнего мира он мог взаимодействовать с кем угодно, даже с представителями государства – лишь бы это приносило пользу и не

касалось инструмента коммуникации, над которым друзья валькирий корпели день и ночь.

Когда Мирилашвили уехали из России в Израиль, перед «ВКонтакте» встал вопрос об отношениях с властью. Попасть в зависимость от Mail.ru казалось Дурову синонимом краха, и тогда Цыплухин взялся наладить связи с Кремлем. Точнее, с человеком, курировавшим информационную повестку страны, – Владиславом Сурковым. Дуров согласился. Ему, в общем, было все равно, кто им поможет.

Сурков, руливший политическими событиями в стране, казался ему умным человеком. Вполне искренне Дуров считал, что власть имеет дело с полукрепостной страной, изуродованной рабством и тоталитаризмом, и поэтому на политическом поле нет партий, которые предлагали что-то толковое.

Первую встречу с Сурковым назначил Мильнер. Политтехнолог помог сделать так, чтобы государство и близкие ему деятели не мешали развиваться «ВКонтакте» по дуровскому плану. Второй разговор организовал Цыплухин, подгадав приезд кремлевского деятеля в Петербург и зазвав в штаб.

Сурков поднялся в золоченой клетке на шестой этаж, не без удовольствия осмотрел переговорную с механизмом для скрепления сделок кровью. Затем Влад пригласил его заглянуть к кодерам, предусмотрительно обогнув резервацию «сишников». Увидев диван с валиками-коровами, Сурков поинтересовался у Дурова: «Это, конечно, вы выдумали?»

Откинувшись в кресле, он посмотрел на тотема и произнес: «Мне говорили, что вы гений». Дуров постарался, чтобы мышцы лица не отреагировали на лесть, и ответил: «Ну, про нас многое говорят».

Гостя волновали две вещи. Первая неслась на гребне информационной волны – создание аналога GPS «Глонасс», смартфона от «Ситроникс» и т. д., а также ажиотаж вокруг государственных высокотехнологических проектов. Дуров пожал плечами – он концентрировался на своей цифровой стране и только теоретически мог о чем-то рассуждать.

Второй вопрос, который волновал Суркова, – как развивать проект «Сколково». Дуров сослался на своего любимого писателя Пола Грэма – точнее, на текст о том, как создавать инкубаторы для инноваций. Кроме этого, добавил Дуров, произнося «Скол-ко-во», иностранец ломает язык. Другое дело – «Со-чи». Если строить русскую долину, то в теплом климате, у моря. Шаттлы от Ростова и Краснодара снимут транспортную проблему.

Собеседники расстались, удовлетворенные друг другом. Оба умели нравиться и нравились. Политтехнолог помог сделать так, чтобы

«ВКонтакте» государство и близкие ему деятели не мешали развивать по дуровскому плану. Когда я попросил Суркова об интервью насчет его роли в судьбе «ВКонтакте», он уклонился от разговора.

* * *

Продукт под названием «социальная сеть» эволюционировал. Однажды Дуров заметил странное изменение ленты новостей. Раньше друзья постили больше личного, а теперь выросла доля статей и ссылок на медиа.

Это объяснялось тем, что журналисты и их работодатели осваивали новые каналы распространения своих творений. Но тренд заключался далеко не только в этом – значительная часть пользователей привыкла не только потреблять, но и распространять информацию в Facebook и особенно Twitter. Создатель последней, Джек Дорси, устроил свою сеть микроблогов так, чтобы люди могли делиться новостями, ссылками, картинками за считанные секунды, а лента с новыми событиями ползла вниз сама, без лишних кликов.

Казалось бы, в эпоху социальных медиа новости перестали существовать, став общим достоянием, но Дорси придумал инструмент для их генерации. Следуя за ним, Цукерберг внедрил виджеты для сайтов традиционных медиа, а также опцию подсасывания красивой картинки к ссылке и некоторые другие шаги – в общем, все, чтобы превратить Facebook в персонализированную газету, оставив Twitter поле информантства.

Вслед за Дорси Цукерберг внедрил находку создателя Livejournal Брэда Фитцпатрика – односторонние связи. Чтобы читать публичные посты интересного тебе автора, ты не обязательно должен получить его одобрение насчет дружбы.

Дуров колебался. Его бесили новости. Он спрятал из ленты всех друзей, кто увлекался обсуждением злободневных тем.

Внедрять то, что необходимо тебе самому; делать соцсеть для себя – он исповедовал эту стратегию, и это приносило успех. Односторонние связи ему понравились, и, следуя за желанием еще сильнее облучать аудиторию своими идеями, он убедил кодеров, что необходимо перевести желающих стать друзьями юзера в его подписчиков. Настройка приватности, над которой по-прежнему тряслось большинство пользователей, осуществлялась выбором режима записи – если хочешь

писать для друзей, пиши.

Но с news feed Дурову было трудно переубедить себя. На выходные он поехал в Милан и бродил по улицам, размышляя, стоит ли превращать стартовую страницу из личной в поток ссылок на контент, расшаренный друзьями. Он помнил, как Слава вбрасывал идею обыгрывать событийную картинную дня чем-то вроде «Яндекс. Новости».

Дурову не нравилось, когда ему навязывали идеи. Тем более когда это проходит в Славином стиле – внедрять предложения постепенно, возвращаясь к одним и тем же темам. Архитектор терпел повторы, пока не взрывался и не отвечал на мягкое давление категоричным письмом. На звонки он по-прежнему отвечал не всегда, воспитывая акционеров.

Часть проблемы заключалась в том, что новости не просто толкали пользователей на создание добавочной стоимости к ним – в виде картинок, смешных подписей и т. д. Они влекли «премиальную» аудиторию. Facebook агрессивно захватывал мозг отечественных медиаменеджеров, предлагая им красивые виджеты, которые можно было вставлять на их сайты, чтобы одной кнопкой рекламировать статьи и фото.

«Образованная и хорошо зарабатывающая публика использует Facebook для коммуникации с иноязычными друзьями», сладкие рекламные возможности, многократная мантра «во „ВКонтакте“ сидит школоты, а администрация ненавидит журналистов» – все это перетягивало сетевых авторитетов к Цукербергу.

Российские медиа охотились за полумифической «премиальной» аудиторией Facebook, исчислявшейся парой миллионов юзеров, и сами начали загонять своих читателей к Цукербергу – создавая брендовые страницы СМИ. Во «ВКонтакте» царили Виктория Боня и сонм поп-звезд.

Дуров отправил на переговоры Цыплухина. Редакторы не сразу поняли, что им втирает хипстер в очках и клетчатой рубашке. «ВКонтакте» – это школьники и студенты, а нам какое дело?

Цыплухин раскинул офлайновую сеть связей и добился, чтобы к статьям и роликам выдавались кнопки «ВКонтакте», а СМИ завели группы в его соцсети. Но проблема заключалась в тренде потребления информации, а он был неумолим – Facebook сменил модель уютной сети для друзей на модель глобальной газеты.

Дуров решил, что сопротивляться бессмысленно. Он заменил стартовую страницу с личного профиля на поток новостей от друзей. Затем велел переписать фото – чтобы снимки расхлопывались почти на весь экран и группировались в альбомах более симпатичным образом.

Спустя год журналист Wired заглянул во «ВКонтакте» и был поражен

сходством с Facebook образца 2005 года. Но потом, взглядевшись, написал, что «это как если бы Facebook оставил черты сети „для своих“, но при этом выполнял роль информационного хаба с удобным просмотром картинок и библиотекой пиратского видео».

Когда Дэниэл Эк из музыкального сервиса Spotify, легально проигрывавшего песни и бравшего с пользователя абонентскую плату, приехал к Дурову договариваться о сотрудничестве, то получил от ворот поворот. «У нас в разы больше песен, чем у вас, нам невыгодно», – отрезал Дуров. Эк понял, что крыть нечем, распрощался и шагнул в позолоченный лифт.

* * *

Два человека уселись в кресла друг напротив друга. Вид на строящиеся небоскребы скрывали жалюзи. Спустя месяцы контрударов обоим было тяжело казаться приветливыми, но они старались. Хозяин встретил гостя у кабинета, к которому тот прошел через галерею кьюбиков, недобро поглядывая на программистов в сотах-отсеках.

Собеседники походили друг на друга. Расположившись за длинным столом, они открыли свои MacBook Air. Оба одевались неярко. Оба – ботаники и злостные нёрды. Оба начинали путь программиста с игр. Оба любили кодить. Но было трудно найти более полярных друг другу деятелей.

– Закажете что-нибудь поесть, Павел? У нас внизу есть ресторан.

– Давайте, если там готовят рыбу, я бы ее съел.

Секретарь получил указания и отправил гонца в заведение. Деятели перекинулись парой фраз о том о сем и наконец перешли к делу.

«Ну что, – сказал Гришин, считая это самое дело решенным. – Когда мы все подпишем, выпустим совместный пресс-релиз, где „ВКонтакте“ будет указана не как компания, а как проект».

Дуров, слушая, излучал нордическое спокойствие, хотя внимательный человек сказал бы, что это дается тотему с трудом. Много раз тактика «я обхожу острые углы, если меня не оскорбляют» играла ему на руку, но теперь он чувствовал себя несколько в тупике. Гришин напирал на переход контрольного пакета к Mail.ru.

«„ВКонтакте“ уникальна как независимая организация со специфической атмосферой и стилем, – ответил Дуров. – „Синергия“ – это, конечно, приятное для инвесторов слово, но в данном случае преимущества

слияния неочевидны».

За несколько недель до визита в кинофотоинститут Дуров шагал к Фонтанке, изредка поднимая взгляд, чтобы не столкнуться с прохожими. Мимо него, завывая, неслись черные автомобили с мигалками. Сквозь тонированные стекла можно было разглядеть страдающих одышкой седоков. Автомобили дышали так же тяжело – их радиаторы шумели, как вытяжные трубы, утомившись от солнца и пробок.

Дуров направлялся туда, куда ехала знать. Алишер Усманов собирал гостей петербургского форума на прием в снятый для этого Шереметьевский дворец. Полтора километра через мосты, и он, не сразу признанный охраной, поднялся во дворец.

Усманов желал познакомиться и нащупать ключевые мотивы в позиции Дурова. Конфликт с Mail.ru его не очень раздражал – у олигарха, который до сих пор собирал активы «Газпрому», были дела поважнее, чем распря двух программистов. Но, с другой стороны, капитализация холдинга на Лондонской бирже могла бы вырасти, если бы он поглотил русскоязычную соцсеть № 1.

Самый простой вариант поглощения – выкуп акций у Льва и Славы – обламывался. Им предлагали исходить из оценки компании, превышающей сумму последней сделки (1,5 млрд долларов) едва ли не вдвое, но аргумент об IPO, где можно выручить еще больше денег, сдерживал основателей. Кроме этого, Слава, даже раздражаясь на партнера, умел держать слово и не сдавал архитектора.

Помимо Дурова Усманов пригласил во дворец Гришина, финдиректора Mail.ru Верди Израэляна, «смотрящего» за телекоммуникационными активами Ивана Стрешинского и представителя в «Мегафоне» Ивана Таврина.

О чем беседовали Усманов и Дуров, обе стороны рассказывать отказались. Однако, сопоставляя данные из источников, близких к ним, канву удалось восстановить. Беседа развивалась примерно так – с учетом лексики Усманова, которая поразила коллег из Forbes в ходе интервью:

- Будете расти?
- Будем.
- На биржу когда можно пойти?
- Ну, года через три.
- Ладно, твои пассажиры [Леви́ев и Мири́лашвили] торгуются – но ты-то чего хочешь?
- Есть вариант: мне контроль над принятием решений, вам контроль над собственностью. В таком раскладе все выигрывают – у меня остается

мой пакет, а у вас, если парни продадут, больше 50 %. «ВКонтакте» будет расти.

– Хорошо, подумаю, а ты тряхни своих друзей.

Когда Гришин спросил Усманова о результате разговора, тот, вероятно, ответил что-то такое, из чего глава холдинга заключил, что «ВКонтакте» готовы продаться Mail.ru. Дурова позвали продолжить разговор. Перед встречей в кабинете напротив башен-близнецов он заехал к юристам прояснить свои права и возможности, если доли в компании будут меняться.

В дверь постучали. Переговорщики прервались, и секретарь внес тарелки.

Дуров прикидывал сценарии переговоров. Его раздражала уверенность Гришина, что холдинг съест его детище, как эту ловкую, но угодливую на сковороду рыбину.

Впрочем, Гришин лишь менеджер. За ним стоит Усманов, с которым прекрасно сотрудничал Мильнер и почему бы не посотрудничать ему самому. Если повести себя с менеджером чрезмерно агрессивно, можно лишиться возможности наладить отношения с собственным акционером.

Подчеркивая, что ничего личного, только бизнес, Дуров повторил, что слияние с Mail.ru нежелательно, и повернул разговор в сторону глобальных трендов и т. д. – подальше от темы слияния. Ему показалось, что Гришин понял.

Однако это был тупик и спор на разных языках. В нем, как и во всем конфликте, не было злых и добрых. Столкнулись настолько разные типы, менталитеты, что понимания между ними возникнуть не могло. Менеджер убеждал предпринимателя, что тому стоит перейти из «состояния независимости» в «состояние подчинения». Гришин искренне думал, что Дуров выторговывает шоколадные условия продажи «ВКонтакте» – ведь все имеет цену.

Неудивительно, что, вернувшись к валькириям и глобусу, Дуров получил письмо. Mail.ru предлагал вариант: он становится акционером холдинга, продав долю во «ВКонтакте».

Архитектора взбесило, что ему опять пихают деньги. Прямым текстом он дал понять: зеленые бумажки – совсем не то, чего он хочет. И в данный момент, и в жизни. В конце концов, он уже миллионер.

Мало того, соглашение подразумевало, что, если Дуров продолжит плохо себя вести – негативно высказываться о компании, – ему устроят ата-та и поставят в угол. Отнимут долю, например.

Дуров вдохнул поглубже, распахнул дверь в общежитие с люстрой-

крабом, устроился в своей комнате и открыл почту на айфоне.

Главное – спокойно объяснить, на английском языке, выбирая точные слова, почему эта сделка невозможна. То есть невозможна никогда. Указываем, что вся история спровоцирована Mail.ru, и ставим в копию Мильнера, чтобы он видел: мои мотивы прозрачны, агрессии нет. Переговоры завершены.

Нажав «Отправить», Дуров задумался. Чего-то не хватало. Красивого широкого жеста, коды.

Отбросив пару вариантов, он покрутил пришедшую в голову мысль. Мысль вызвала защитную реакцию – с Усмановым не хотелось портить отношения. Но, извините, пакостит не он, а менеджеры, выдумывающие схемы поглощения и унижительные условия, о которых мы не договаривались. «ОК», – подумал Дуров и запросил у службы тыла фугас.

Фото с праздника в ресторане упало в ящик, и он открыл Twitter. Подпись сформулировалась сразу: «Официальный ответ трэш-холдингу Mail.ru на его попытки поглотить „ВКонтакте“».

Картинка нерезкая, зато демонстрируемый fuck не вызовет двояких толкований. Все разделилось вокруг на чужое и наше. Жмем «Tweet».

Фотографию мгновенно заметили информагентства. Когда я разговаривал с Гришиным, Широковым и другими людьми из Mail.ru, их реакция была ошеломленно-прибитой. Как публичная компания, холдинг не мог перевести конфликт в медийную сферу. Поведение Дурова нарушало все возможные этики и эстетики. Консолидированное мнение менеджеров: парень зарвался и ведет себя как гопник с высоким IQ.

Не уверен, что тогда Дуров сознавал это, но на самом деле ситуацией управлял он. Журналист Forbes Валерий Игуменов брал интервью у Ивана Стрешинского, который отвечал у Усманова за интернет, и тот, совершив реверансы перед талантами Дурова, сказал: «Он считает программистов творцами, а всех остальных – людьми второго сорта. Интернет-бизнес так устроен, что огромное значение имеют компетенции, которыми мы не владеем. Условно говоря, если начнутся недружелюбные действия по отношению к „ВКонтакте“, Дуров может выключить рубильник и уйти».

Фобии Стрешинского выглядели знаковыми. Сильные мира сего не придали значения трещине, которая рассекала мир и пробиралась из стран с развитой демократией в государства с вертикалью власти, – высокие технологии по природе своей отдавали власть интеллекту и способствовали распространению демократии. Нёрды захватили ноосферу.

То, как понимал «ВКонтакте» менеджер Усманов, говорит о средневековье в уме даже очень хитрых людей. Проклятые маги сидят,

варят свое зелье, и как президент держит в чемоданчике ядерную кнопку, так эти очкарики где-то спрятали рубильник, который в случае опасности выключает все. Бизнес стоимостью в миллиарды долларов рушится, в стране полыхают восстания. Пользователи бегут во враждебный Facebook – хорошо, что небольшой кусочек этой сети Усманов купил заранее.

Интернет дал власть интеллекту, но, чтобы воплощать свои идеи в России, требовались твердость и умение контролировать страх, схожее с тем, каким владеют альпинисты, привыкшие лезть вверх по стене, имея под ногами километровую пропасть. Дуров обладал тем и другим.

Подувшись на строптивного ботаника, менеджеры Усманова продолжили переговоры. Убедившись, что Слава со Львом готовы обсуждать оценку стоимости компании, но не готовы продаться Mail.ru, они нацелились на вход в акционеры самого олигарха.

* * *

Россию штормило. Подходил к концу первый срок президента в синем костюме с айпадом под мышкой. Страна имела в анамнезе волнения в городах-миллионниках. Средний класс разбогател и хотел повысить качество государственных услуг, а также лишить чиновников коррупционной ренты.

Пресс-секретаря «ВКонтакте» Цыплухина больше волновали собственные проблемы с властью. Ему стоило больших усилий свести на нет гнев Кремля, когда Дуров отказался ехать на встречу президента со столпами рунета.

Узнав, что разговор пройдет под телекамерами, Дуров манкировал тусовкой. Это в университете он лавировал в отношениях с деканатом, произнося в камеру слова о «Единой России», а теперь у него были сотня миллионов зарегистрированных пользователей и буддистская готовность потерять все и сразу.

Услышав, что шефу неохота заниматься популизмом, Цыплухин известил об этом Левиева. «ВКонтакте» опаздывала на встречу. Лев разгневался и попробовал надавить на Дурова, но тот был непреклонен.

Последние месяцы Левиев с Цыплухиным общались теснее. Чтобы сплотить штаб и бэк-офис, сидевший на Тверской, они придумали воскресный футбол.

Закончив интервью, Лев пригласил меня попинать мяч, и мы

отправились на стадион. Лев опаздывал и потому гнал на ревущем «Гелендвагене» по трамвайным рельсам, со свистом тормозя у светофоров. Перед спортивным магазином, куда мы заглянули за бутсами, он припарковался во втором ряду с мигающей «аварийкой». Вспомнился гвоздь в кармане Дурова.

Наступившая зима усугубила проблемы власти. Президент анонсировал последователя, который по совместительству был его предшественником. Парламентские выборы принесли такую волну фальсификаций, что на следующий день оппозиция вышла на Чистые пруды, прорвала кордон полиции и добралась до Лубянки. Сквозь стекла здания ФСБ на протестующих смотрели силовики, а площадь разглядывала их. «Вы нас даже не представляете».

Бунт огоршил Кремль. На Новый год оппозиционные группы на Facebook и «ВКонтакте» координировали действия перед митингами на столичной Болотной площади и у Исаакиевского собора в Петербурге. Власть оказалась не готова, и «интеллектуала» Суркова сменили его замом Володиным, жестким администратором.

Когда новый владелец кабинета с портретом Че Гевары еще не вступил в должность, а прошлый уже съезжал, в дом Зингера принесли бумагу из прокуратуры. Бумага настойчиво рекомендовала Дурову закрыть группы против «Единой России» и несколько подобных. Мотивировка: экстремизм.

Несмотря на анархистские взгляды, Дуров старался блюсти закон. Обычно группы закрывались по запросу прокуратуры, подкрепленному законными основаниями. Но в данном случае внутри тотема что-то воспротивилось. Дело пахло ограничением свободы и предательством пользователей. Дуров решил не прогибаться и отказался закрывать группы.

Цыплухину позвонили из администрации президента и попросили убрать группы по-хорошему. Лев с Владом осадили Дурова, умоляли, просили и грозили. Тот вежливо улыбался и максимум, на что согласился, – написать письмо Суркову. Мол, удалить протест – что заливать костер бензином: вспыхнет ярче и перекинется на соседние дома.

Вскоре Влад постучался к нему с взволнованным лицом. Прокуратура прислала Дурову повестку на допрос. Ровно в тот день они с Мильнером запускали проект StartFellows, выдающий стартапам 25 000 долларов без требования доли в них. Дуров селекционировал заявки, а Мильнер переводил деньги.

Я позвонил Дурову по скайпу. Тот сидел в бейсболке, на которую накинул капюшон худи, и жевал что-то типа вегетарианского гамбургера, запивая минеральной водой. На лице его застыло выражение растерянного

безумца, которое поразило меня на первом интервью.

За год до разговора на благотворительном аукционе Дурова попросили нарисовать картинку для детдома. Он разделил лист на четыре части – красную, желтую, зеленую и синюю, а поверх нарисовал собаку с черными зрачками. Один глаз собаки был крупнее другого и сверкал, как дуло или тоннель. Ухо украшал зашитый шрам. Это наиболее точный портрет Дурова из всех, что я знаю.

«Что вы намерены делать?» «Ничего, – пробормотал Дуров. – Опять звонили, просят закрыть группы. Влад и Лев, наверное, будут уговаривать. Я уже привык. Они знают, что я не боюсь». Мы обсудили стартапы и распрощались.

Через час в твиттере Дурова появилась фотография хаски в наброшенном капюшоне и с высунутым языком. Внизу красовалась подпись, что это ответ прокуратуре. Твиту предшествовал скан повестки, к которому Дуров приписал, что на допрос не успел, бумага пришла слишком поздно.

Как я теперь понимаю, в тот день Дуров боролся со страхом потерять все. Одно дело – переговоры, где ты, чувствуя за спиной многомиллионную аудиторию, стоишь на своем. Другое дело – состязание с государством, чья компетенция – давить. Ценивший тотема Сурков уходил из Кремля на пост главного по технологиям в правительстве. С Володиным Дуров не был знаком.

Вернувшегося в квартиру на Крестовском острове Дурова потревожил звонок в дверь. На лестничной площадке суетились омовцы в камуфляже и, видимо, следователь. Дуров отшатнулся. Страх полз по телу, и надо было решить – пускать его, кормить надеждами, что само рассосется, или выбрасывать из тела. Вспомнилась школьная борьба с ужасом перед скандалом и эксперимент с обезьянами. Прими как факт, что ты ничем на самом деле не владеешь, – и тебе будет не страшно терять.

Дуров не открыл. Осторожно выглянув в окно, он увидел пятна камуфляжа во дворе. Позже служба безопасности рассказала, что чуть не устроила перестрелку, не желая пускать маски-шоу внутрь. Дуров выслушал, зашел во «ВКонтакте» и процитировал 2,7 млн подписчиков Карлейля: «Насколько человек побеждает страх, настолько он человек».

Ни на следующий день, ни позже санкций не последовало. То ли система отвлеклась на многотысячные акции протеста – вязала оппозиционеров у Исаакиевского и катала их по городу в автозаках; то ли Сурков шепнул что-то коллегам.

Дуров гнал страх дальше от блестящего глобуса. Группа поддержки

Алексея Навального, адвоката-антикоррупционера, известного проектами «Роспил» и «Добрая машина пропаганды», исчерпала лимит пользователей – Дуров велел программистам убрать этот лимит.

Позже он написал в «Ленту.ру» колонку о том, что оставил группы не из-за любви к оппозиции, а из-за того, что, закрой их, юзеры перетекут на Facebook. Это не был жест лояльности ни власти, ни Mail.ru, ни пользователям или кому-либо еще. Это была попытка объяснить поступок самому себе.

«Люди оправдывают свои действия в прошлом, – рассуждал Дуров позже, когда все кончилось и началась совсем другая история. – Я в этом смысле не совсем материалист, у меня мистическое отношение к таким вещам. Я, конечно, красиво объяснил все на „Ленте“, но не знаю, почему тогда отказался закрывать группы. Что-то внутри меня воспротивилось. Не знаю».

* * *

Кривые пересекались лишь один раз, в самом низу графика, когда синяя догнала оранжевую и больше уже не пропускала ее вперед. Впрочем, ближе к концу горизонтальной оси, которая обозначала время, оранжевая подбиралась к сопернице вплотную. Казалось, соприкоснувшись, они заискрят.

Когда я зашел в гости к Mail.ru, война с «ВКонтакте» приутихла, и стороны изредка обменивались колкостями. Присутствовало ощущение, что это временное затишье и холдинг обдумывает ход, который повергнет дом Зингера в руины.

Раскинувшись на оранжевом пуфе в застекленном отсеке зала «Одноклассников», где за партами сидели программисты и дизайнеры, Илья Широков объяснял, как перегонит Дурова. «Одноклассники» запустили свою платформу для игр, причем хиты рекламировали за свой счет. Аудио– и видеохостинги привлекали юзеров удобством и дизайном – например, песни одной группы можно собрать в альбом и загрузить его оригинальную обложку.

Широков открыл свою страницу и показал, как треки Pink Floyd скомпонованы в диск The Wall. Соцсеть сменила логотип на аббревиатуру ОК, изображенную в виде человечка, перевернутого набок. Превратив «Одноклассников» в продукт, интуитивно понятный даже новичку, Широков отбил у «ВКонтакте» малые города и поселки городского типа.

Дуров реагировал как сноб: «Как только утихнет волна новоподключившихся к интернету, провинциалы сами постепенно перейдут на более качественный ресурс. Готовы ли мы разменять наше доминирование в столицах и мегаполисах (9 млн человек ежедневно заходят во „ВКонтакте“ только из Москвы и Петербурга) на пенсионерок из провинциальных поселков и деревень ради того, чтобы остаться „самой массовой сетью“? Нет, не готовы. Потому что опыт показывает – если вас вышибли из столиц, в регионах вы можете иметь лишь временный успех. Рано или поздно провинциалы подтягиваются за жителями столиц. Если „Одноклассники“ и догонят „ВК“, то лишь до тех пор, пока более прогрессивные пользователи не покажут им то, что несоизмеримо удобнее и современнее. Каждый из нас знает множество людей, перешедших из „ОК“ в „ВК“, но обратных случаев практически нет».

До поры до времени он смотрел сквозь пальцы на сокращающийся аудиторный разрыв. В январе 2012 года разница оказалась мизерной – 30 млн против 31 млн пользователей в сутки. Выступая на мартовской конференции, «Одноклассники» заявили, что почти догнали. Но именно в этот момент «ВКонтакте» уходил в новый отрыв, и к лету разница в аудитории колебалась вокруг 5 млн пользователей.

Через месяц Усманов встретился с Гришиным и Широковым. В Москву приехал и Дуров – олигарх собирал подопечных на серьезную беседу. В Mail.ru, похоже, не знали истинной цели Усманова.

Так же как и переговоры в Шереметьевском дворце, детали этой встречи участники не комментировали, но сопоставив впечатления разных сторон (в том числе с помощью коллег из Forbes), удалось восстановить примерный ход разговора. Сначала Усманов огорошил Гришина и Широкова известием, что слиться Mail.ru и «ВКонтакте» не суждено. Произносимые им слова – вроде «две разные культуры», «конкуренция», «стимулировать друг друга» – вызвали лютый баттхерт менеджеров.

Еще сильнее они загрустили, когда Усманов намекнул, что Дурову следует самостоятельно управлять компанией. Фактически это означало, что ему отдадут в управление пакет Mail.ru. Тотем получит право одобрять свои же решения, и парни из кинофотоинститута ему не указ.

Затем Усманов анонсировал то, что они с Дуровым обсуждали во дворце, – он думает о выкупе долей Мирилашвили и Левиева. Это были лишь планы, но любом случае Гришин был шокирован, а его амбиции слегка поутихли.

Понимая, что стратегические позиции надо удерживать с любым акционером, Дуров предложил пофантазировать – может быть, ему

выкупить, скажем, 60 %? А что: он основатель, заслужил контрольный пакет. Лица у Широкова с Гришиным вытянулись, а Усманов произнес спич на тему скромности. Позже, в интервью коллеге Игуменову он скажет: «Вот Дима Гришин, нормальный русский программист, управляет компанией, и у него все будет хорошо. А Дуров не такой: он непростой, ему большего надо».

Когда встреча закончилась и Дуров отдельно говорил с Широковым в президентском номере Ritz, снятом по случаю со скидкой, в дверь постучали. Дуров отпер, и мимо него, не говоря ни слова, прошествовали агенты Смиты с проводками в ушах. Дуров открыл рот, чтобы поинтересоваться: «В чем дело?» – но агенты уже обстукивали шкафы, проверяли карнизы под окнами, щупали ковры.

Это не сбывалась «Матрица». Это президент Казахстана снял апартаменты с видом на Кремль, а в суете со встречами Дуров забыл продлить бронирование. Им с Широковым пришлось переместиться в соседний номер. Широков спросил, зачем Дуров рвется к контролю.

Дуров ответил что-то общее, а сам задумался – почему им не нужно большее, чем кресло менеджера или опцион 1 % компании? Почему они боятся и не хотят пойти на шаг дальше? Широков вроде запустил свой стартап «Мой круг», «сеть профессиональных контактов», отучился в Стэнфорде – и... И что? Не хватает дерзости идти до конца, наглости, за которую они меня не любят?

Позже Усманов, выступая по телевидению, рассказал, что да, управлять должны основатели, то есть Дуров. Рунет возликовал по поводу развязки мыльной оперы «„ВКонтакте” против Mail.ru». Но ее пузыри продолжали летать.

Слава и Лев общались с Усмановым по поводу стоимости их доли, и Дуров случайно оказался в курсе кое-каких новых сведений о компании. Тотем не сомневался в порядочности школьного друга, так как знал, что Мирилашвили не продался Mail.ru и не нарушал их договоренностей. Если бы Слава клял и ругал самого Дурова, тот бы отнесся с пониманием, но партнер пересек его границы добра и зла. Похоже, Дуров услышал что-то вроде того, что вес команды разработчиков в стоимости компании переоценён; «ВКонтакте» ценна скорее другими активами, не программистами. Не следует превозносить нёрдов.

Рассвирепевший Дуров вернулся в номер с коврами, вазой с орешками и запахом парфюма. Сел за круглый стол из дуба с вертящейся крышкой, будто для вызова духов. Выпил энергетического напитка с фруктовым вкусом. Решение оформилось так же быстро, как fuck в твиттере. Пусть

парни торгуются, но знают свое место.

Жернова игры «Мафия» вертелись все стремительнее. Консильери закрывают глаза. Утро. Жители города проснулись. Акционеры открывают глаза и видят, что аккаунты двоих из них удалены.

Позиции id3 и id4, которые пять лет назад получили Слава и Лев, оказались пустыми. Мало того, архитектор написал во все социальные сети, что запускает аукцион на вакантные места.

Юридически виртуальное убийство было оформлено чисто – пользовательская оферта «ВКонтакте» гласила, что администрация может удалить любой аккаунт без объяснения причин.

Лишившись своих профилей, фотографий и записей, Слава и Лев остолбенели. Дружба, походы за пончиками, бегство от неуместного лимузина, встреча через семь лет, раздача айподов в «Кофехаузе», вывоз серверов – жест Дурова разом обрушил все это.

Партия катилась к эндшпилю.

Но Дурова эта игра уже не занимала. «Пассажиры» не знали, что человеку в черном надоела торговля вокруг «ВКонтакте» и он обдумывает новый увлекательный квест.

Глава 7

Пятно Роршаха

Чайка совершила круг, примериваясь, куда опуститься, и выбрала жестяной знак, торчавший на парапете набережной. Стоило ей повернуться в профиль, как фотограф, чью личность теперь установить вряд ли возможно, нажал кнопку. Кадр расшарили в интернете – птица сидит на знаке, изображающем ее же силуэт, перечеркнутый красным: «Кормить чаек запрещено!»

Дуров покрутил-повертел снимок. Выбрал черный фон, как у модных картинок-демотиваторов, и приписал снизу лозунг, висевший у его профиля во «ВКонтакте»: Subvert The Paradigm. Разрушь парадигму.

При всей любви к своему детищу архитектор утомился и искал новые идеи. Сначала он, конечно, пробовал запустить глобальную экспансию «ВКонтакте». Купил домен vk.com и почти договорился о приобретении загибающейся студенческой соцсети Studi VZ, первой в Германии. Но выяснилось, что выдающихся программистов из этой компании схантили конкуренты, в том числе Facebook, захвативший местный рынок.

Дурову стало очевидно, что тягаться с Цукербергом бессмысленно – в том числе потому, что русский проект по умолчанию вызывал за рубежом не самые светлые эмоции (все опрошенные мной интернет-предприниматели говорили то же самое). Плюс к тому шлейф пиратского и порнографического имиджа тянулся за «ВКонтакте» несмотря на то, что «Централ Партнершип» и другие правообладатели подружились с домом Зингера.

Он задумался, как зайти на рынок персональных коммуникаций с тыла. Люди все больше общаются, пользуясь соцсетями, через мобильный интернет. После переговоров в Шереметьевском дворце Дуров, давая интервью, вскользь упомянул, что можно сначала запустить «остроумное мобильное приложение», позволяющее людям общаться, суперюзабельное и красивое – и распространить его по миру. Вскоре он уточнил идею: сделать такое приложение для телефона, которое будет удобнее sms- и mms-сервисов и при этом построит социальный граф на основе записной книжки.

Разумеется, не одни «ВКонтакте» были такими умными. Apple улучшил на айфонах свои iMessages – картинки красиво отправляются,

быстро делишься контактами, телефонная книжка связана с Facebook, можешь прикрутить фото абонента, связать телефонную книжку с Facebook. Украинец Ян Кум, эмигрировавший в долину, написал сервис WhatsApp, с которого можно бесплатно посылать тексты, фото и видео другим пользователям приложения.

Однако эти два конкурента имели бреши. Насладиться всеми фишками сервиса Apple можно, только если оба абонента используют iPhone или iPad. WhatsApp не желал вкладываться в борьбу с высокими нагрузками и не хранил на своих серверах историю переписки. Оба сервиса не произвели над телефоном то, что в последние годы обозначалось глаголом «твикнуть».

Это слово – от английского tweak (улучшить) – актуализировал писатель Малькольм Гладуэлл в эпитафии Стиву Джобсу, напечатанной The New Yorker. По его мнению, Джобс не получал по голове яблоком гениальности – он совершенствовал чужие изобретения. Доказывая, что такие люди двигают прогресс сильнее изобретателей, Гладуэлл приводит в пример английскую индустриальную революцию конца XVIII века. Нация инженеров улучшала недостаточно продуманные ноу-хау – внедряя докрученные разработки, империя укрепляла позиции правительницы морей.

Эпоха приложений для мобильных платформ подтолкнула массовый твикинг всего. Фотосервис Instagram – типичный пример. Учиться фотографировать – долго, техника дорога, освоить Photoshop дано не каждому; при этом камера встроена в большинство телефонов. Следовательно, надо дать возможность преобразить натюрморт с завтраком из подгорелых тостов или нерезкий автопортрет в искусство – с помощью фильтров.

Размышляя об этом, Дуров трезво оценивал себя и понимал, что он не великий творец, а твикер. Пять лет назад он твикнул для России идею Facebook, а теперь задавал себе вопрос – как бы я хотел, чтобы выглядел телефон? Что он должен уметь? Какие есть в мобильнике упущения и анахронизмы? Как продолжить идеи социальных сетей в телефоне?

Еще не оставив планов экспансии «ВКонтакте», он попробовал получить глобальное признание. Написал в Wikimedia Foundation письмо, что хочет пожертвовать Wikipedia 1 млн долларов. Основатель сетевой энциклопедии Уэйлс как раз собирался выступать в Мюнхене на конференции DLD. Дурова вписали в программу рядом с ним.

Тотем старался. Возникнув на сцене в черном – штиблеты, жилет с капюшоном – он с улыбкой пережил конференс «приветствуем клон

Facebook из страны медведей и водки» и рассказал о «ВКонтакте», не без сарказма поясняя слайды о ее аудиторном величии. Vk.com номер один среди соцсетей по времени, которое пользователь проводит внутри. «Если хотите профукивать еще больше времени, будьте любезны, присоединяйтесь к нам».

Затем он перескочил на величие Wikipedia, сказал, что 70 % его личного поиска информации в интернете заканчиваются в творении Уэйлса. Показал график, на котором полезные, образовательные сервисы оказали человечеству большую услугу, чем развлекательные. Под конец речи он анонсировал пожертвование фонду Wikimedia, и конференция заплодировала.

Дав зрителям похлопать, Дуров сбил аплодисменты и уступил место Уэйлсу. Тому надлежало выказать осмотрительность и не бросаться в объятия черного человека. Вы такой молодой, сказал он, двадцать семь лет, и спускаете миллион долларов.

Уэйлс намекнул, что в курсе сложных отношений «ВКонтакте» с правообладателями и полицией морали. Дуров отреагировал как всегда: мы действуем строго по закону.

После выступления его интервьюировал Businessweek. Вопросы те же – контент, контент, контент; легкое недоверие. Дуров включил доброжелательность на максимум, бурно жестикулировал, вертел в руках невидимый кубик Рубика, и вспомнил историю со Spotify. Мол, приезжали, а мы им р-раз – и от ворот поворот, потому что у нас музыки больше, чем у них. Законы не нарушаем, нет-нет.

Уэйлс принял миллион, но отношение к «ВКонтакте» не изменилось. Facebook засобирался на IPO, и журнал Wired нарисовал карту конкурентов Цукерберга. В России, констатировал автор, соцсеть безнадежно проигрывает команде из Зингера. «ВКонтакте» он описывал как копию раннего Facebook. Автор ностальгировал, но его всхлипы отдавали сарказмом.

«Я хотел бы совершить небольшую революцию в том, как люди общаются, – рассказывал Дуров, сидя в баре на последнем этаже Ritz, который оккупировали пожилые американцы. – „ВКонтакте“ вряд ли будет перерождаться. Из зайца нельзя сделать слона. Мне жаль Цукерберга и Брина – они построили империи и теперь стареют на глазах. Они не могут отключиться и сфокусироваться на том, что важно сейчас. Дорси ушел из Twitter и тогда изобрел Square». Кто-то из американцев поперхнулся чаем, и остальные с громкими криками застучали его по спине.

«У Цукерберга – дом, семья, кампус, – пробормотал Дуров, обращаясь, чтобы разглядеть соседей. – А я живу в съемной квартире, чтобы не быть ни к чему привязанным». Вскоре он наткнулся в твиттере на запись «Цукерберг вступил в брак, теперь пора Дурова женить» и ответил: «Проще убить».

Вернувшись из Лондона, он зачудил. Разбрасывал пятитысячные банкноты из окна штаба на День города (внезапный эксперимент над самоорганизацией граждан – они объединялись в кланы и определяли вожakov), троллил сталинистов. Затем сорвался и полетел в Неаполь к основателю сервиса знакомств Badoo Андрею Андрееву.

Андреев предложил ему авто, но Дуров сел в поезд, открыл ноутбук и покатил, переписываясь со штабом. От станции до места встречи он брел пыльными пустырями, где шатались стаи ободранных псов. Поговорив с Андреевым о телефонной идее, составил тому компанию на фестивале Le Web. Парни вырядились – один в тройку, другой во что-то ужасающе спортивное – и позировали папарацци.

Вернувшись, Дуров поручил Цыплухину нанять моделей для эротической фотосессии в Зингере. После сессии они раздавали футболки с монохромной собакой народу на Дворцовой площади.

Казалось, все это – полеты банкнот, игры в Нео, мокрые майки и забеги по Дворцовой, глубокомысленные цитаты – выдает катастрофическое отсутствие вкуса.

Дуров продолжал цитировать философов в личном блоге, а в медиа опубликовал программы переустройства Петербурга и системы образования. Слог напоминал одновременно Хилла и Грэма. Казалось, из его текстов можно надергать таких же манифестационных кусков, разрезать и написать код, который составляет из этих ошметков новые тексты.

«Мы зовем в новый мир, свободный от оков невозможности. Возможно все, если ты готов умереть за свой путь. Знания и возбужденная ими свобода, которая несется по каналам, построенным нами, рано или поздно заставят ветхие мехи прохудиться. Вино само выльется из них. Новые виноградари должны ждать и верить. Верить, что будущее невозможно без них».

Почему человек, который с малолетства изучал искусство, так любил этот стиль?

Когда Дуров прилетел в Москву и позвал встретиться в том же Ritz, я сел в машину с намерением допросить тотема, зачем, решая принять ли «телефонный» вызов – потенциальную новую жизнь, ответ на вопрос,

глобальных ли масштабов его талант, – он вытряхнул из закоулков сознания эту патетику.

* * *

Полночная Тверская генерировала человеческий трафик не слабее Невского. Поток бурлил, завивался и крутил водовороты из встреченных знакомых, прохожих, зевак, глазеющих на рубиновые звезды, которые мерцали с той стороны площади. Все были заняты.

Вход в отель Ritz оккупировали фанаты с картонными плакатами, беснующиеся у ограждения. Пара голливудских звезд заглянула в столицу раскрутить новый фильм, и охранники едва сдерживали поклонников.

Потягивая чай, Дуров рассказал, как выбрал из банды не очень занятых во «ВКонтакте» и угорающих по мобильным приложениям парней. Основного разработчика – первокурсника Григория Ключникова – он вытащил из толпы конкурсантов, писавших приложение vk.com под операционную систему Android. Григорий получил зарплату, сопоставимую с компенсацией кодеров «ВКонтакте», и продолжил учиться на программиста.

Лобби отеля оккупировали зализанные мафиози, телохранители звезд и менеджеры с аккуратными портфельчиками. Вокруг вертелись фрачные и декольтированные тени. Разговор свернул на будущее соцсети и продолжался беспрерывно около часа.

«Мне правда не так важны деньги: что 20 млн, что 200, – говорил Дуров. – Если бы я телефоны хотел делать – тогда да, нужны. А приложение недорогое – хоть сто вариантов пиши. Поэтому я не хочу продавать свою долю „ВКонтакте“. Продажа – это не свобода. Продажа с демпингом – рабство, бегство с поля боя. Это как-то не по-русски».

«Слушайте, – сказал я, – люди, с которыми вы в одной лодке, – они довольно жесткие. Их стиль из девяностых, они хитры и опытные, участвовали в грандиозных переделах собственности, вхожи в кремлевские приемные. Как вам удастся не просто переговариваться с ними, но защищать свои идеи?»

«Ничего особенного, главное – верить в то, что будете говорить, – пожал плечами Дуров. – Запрограммировать себя не на вранье. Врать вредно для духовной целостности. Нужно добиваться отрешенности – какая разница, продаем, не продаем. Обязательно в переговорах всплывает история, мол, „если вы не сделаете так, будет то-то“. Или запугивание

присказками типа: „Вы же помните, в какой стране живете“. Я выбираю позицию: компанию отбирать – отбирайте; крест на моей репутации ставить – ставьте; но я не прогнусь. Таким образом, манипулятивные переговоры вести невозможно».

«То же с прокурорскими запросами?»

«Абсолютно. Если ты безыдейный, это видно, и на тебя возможно влиять. Со мной это не пройдет. Идеология – это в конечном счете главное, что движет людьми. Нужно создавать более глубокие убеждения для возникновения у людей веры в свои силы и свое мнение. Глубинные убеждения, сходные с религиозными. У современных политиков нет мечты, цели, куда мы все должны стремиться. У Гитлера, кстати, была мечта».

Догадка, внезапно пришедшая в голову, поразила меня. Я сидел, придавленный не Гитлером, а пониманием того, что проглядел сквозной сюжет, шедший через историю героя.

Что Дуров – необычный предприниматель, оригинальный полководец, умник, фанат нетривиальных эвристических ходов, эпатажник и нёрд, воспитавший в себе воина, – это, в общем, и так можно понять по записям в твиттере, фейсбуке, редких статьях и постах в блоге. В конце концов, его сеть уловила 100 млн человек, и это не нуждается в комментариях.

Но теперь мне казалось, что его история о другом.

Если посмотреть на путь Дурова – это, по сути, путь политика, который работает напрямую с людьми, вокруг партийной системы и других сред коммуникации. Он создавал свои такие среды – еще с университета. Его форум выступал государством, объединяющим разбросанные по Петербургу и пригородам княжества-факультеты. Глава этого государства контролировал правила игры, был открыт разговору и лишь регулировал сообщество.

Сеть как среда была обязана сформировать запрос на такого лидера, и вот в русскоязычном интернете появился Дуров, чья «ВКонтакте» служила замахом на приобретение паствы совершенно других масштабов. Все, что он делал, – это была чистейшей воды сетевая политика и рекрутинг единомышленников.

Он произвел негромкую революцию – если понимать революцию в духе Ханны Арендт: не как освобождение («свобода от...»), а как создание среды, территории свободы. Итогом такой революции выступает *res publica*, дающая гражданам новое политическое измерение – в данном случае это «ВКонтакте».

Политики старого типа понимают веб как инструмент, и даже Алексей Навальный, тролливший госслужащих-коррупционеров, применяет старые

приемы в новой среде. Декларируя, что нет смысла лезть в партийную систему, он придумал «Добрую машину пропаганды» – сеть единомышленников, информирующих население о гадостях режима. Но идея Навального упирается в недостаточное доверие населения интернету, а также в контроль власти над обеспечением нужного результата выборов.

Дуров строил свою *res publica*. Восхождение он преодолевал постепенно. Разрешив регистрироваться несовершеннолетним и оставляя свое имя внизу каждой страницы, он притягивал будущих последователей. «Идеи, которые исповедуем мы [в Зингере], будут популярны лет через двадцать».

Так говорил сетевой авторитет и не навязывал свои взгляды, ничего не лоббировал, кроме здорового образа жизни и культа ума. Эта ненавязчивость и прямые коммуникации, уравнивающие всех, способствуют меритократии – то есть самореализации талантливого человека.

Похожую роль старался играть другой политик, которого с Дуровым объединила готовность быть для каждого человека таким, каким этот человек хочет видеть лидера, защищающего его интересы. Дэвид Ремник в книге «Мост» окрестил этого политика «пятном Роршаха».

Готовясь ко вторым президентским выборам, человек по имени Барак Обама признавал, что за четыре года мир изменился – люди обменивались идеями, убеждали, агитировали друг друга совсем не так, как раньше. Доля смартфонов в карманах американцев серьезно выросла, и Обама предстояло использовать эту новую среду и для фондирования кампании, и для достижения результата на выборах.

Обама честно признавал, что не рубит в «мобайле», и нанял политтехнолога Джима Мессину. Тот все прекрасно понял о цифровом веке и отправился консультироваться, как выстраивать новую кампанию, к основателю Google Ларри Пейджу и другим интернет-гуру. Команда Мессины написала приложение для избирателей, где публиковались новости и обсуждались программы. Параллельно создавалась офлайновая соцсеть, похожая на MLM: приведи десять продавцов идей, которые продадут их еще десяти гражданам. Этот офлайн координировался с помощью того же приложения.

Мессина объяснил Обама, что тому не следует как-то специально ломать себя – с помощью его сильных качеств можно выгодно проповедовать в интернете. Открытость, прозрачность позиции, искреннее желание нравиться – соцмедиа абсолютно про эти вещи. Будучи политиком нового типа, Обама тем не менее сделал усилие над собой, чтобы начать

постить фоточки с семейных пикников, сжимать мысли до 140 знаков твиттера и отвечать на выборочные комментарии.

Дуров чувствовал себя в этой среде как рыба в воде – просто потому, что сам конструировал инструменты новой политики: сервисы «встречи», «диалог» на несколько пользователей, «работа над документом» и т. д. Свойства «пятна Роршаха» были присущи ему органически.

Прежде обучения программированию Дуров вырастил в себе умение нравиться и ловить души, угадывая ожидания оппонента. В его убеждениях многие найдут созвучные себе мотивы. Сочетание «роршахности» с умом, настойчивостью и опытом в сетевых коммуникациях дало тотему шанс, и он им воспользовался.

Забавно, что сочетанием своих сильных сторон и устремлениями он походил на политика, под которого кодил, – Мартина Лютера Кинга. Журналист Гэри Уиллз писал в очерке «Дело М. Л. К. живет и побеждает»: «Кинг стремился к обретению достоинства как к конечной цели всех возмущений негров. Его талант, сообразительность, обучаемость, годы, посвященные теологии (к которой он не питал особой склонности), были направлены на получение власти. Все его ученые степени и книги – лишь инструменты, оружие, чтобы каждый негр Юга получил приставку „мистер“ перед своей фамилией. И они это понимали. Они ощущали его достоинство как свое».

Не правда ли, чем-то напоминает отношения с юзерами?

Размышляя о «роршахности» как черте политика нового времени, я вспоминал Послание апостола Павла к коринфянам: «Ибо, будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобрести: для Иудеев я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; для чуждых закона как чуждый закона, не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу, чтобы приобрести чуждых закона; для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых».

Политика бессмысленно осуждать, что он вышел за грань вкуса, – всякий политик должен убить в себе эстета, чтобы стать внятным, доходчивым и максимально понятным разным возрастам и социальным стратам.

«Слушайте, – прервал Дуров размышления, – давайте пройдемся, все равно спать уже глупо, а здесь сидеть надоело».

В три часа ночи людские потоки ослабли, и течение выносило навстречу только загулявшие парочки и пьяниц. Замигала огнями

Манежная площадь, и мы прошли в сад с выкопанной из преисподней рекой Неглинной.

«Эмоция как сто лет назад была движущей силой агитации и пропаганды, так и осталась, – рассуждал Дуров. – Чтобы увеличивать свою власть, не надо ничего делать. Надо ждать неизбежного результата процесса, когда люди проводят больше и больше времени в интернете. Бюрократы однажды проснутся и поймут, что оставили от своей системы пустую скорлупку».

«Вы типичный либертарианец, ждущий краха государств», – сказал я, рассматривая панков у Вечного огня.

Дуров, будто не слыша, продолжал мысль: «Люди держатся за государство как за спасжилет и за часто эфемерную, некачественную защиту интереса готовы терять независимость. Возьмем каналы информации – как власть общается с населением. Государство сейчас учится интернету, производит вирусные ролики, но у него нет монополии.

Получается, страна существует только потому, что все верят, что она существует. Когда вы получаете каналы, демонтируете систему власти де-факто. Люди теряют веру в то, что она легитимна».

Ворота сада, ведущие к Красной площади, кто-то запер. Мы потоптались немного напротив башен. «Вам это нравится?» – спросил Дуров и указал на Исторический музей. Я качал головой, потому что никогда не любил пряничные домики.

«Москва – красивый город, – невпопад заметил Дуров. – Да.

Но это какое-то нагромождение кирпича».

Я сказал что-то насчет неудачи жить в межвременье, когда старая нервная система человечества еще бьется в конвульсиях, не желая меняться, а новая еще не проникла повсюду.

«История с бюрократией устроена так, что стать наверху можно, только когда старое государство сгниет», – бросил Дуров.

«И вы, конечно, готовы?»

«Пока это все слишком умозрительно, меня не интересует политика. Разве что в плане эксперимента, – усмехнулся он. – Как отцы-основатели Америки создали либертарианское государство».

Что-то трогательное было в этой сцене: рассуждения о сломе ветхого мира в зассанном переходе, где грелись у труб драгдилеры, а безразличный охранник лутил семечки, – на пути от груды бурого кирпича к псевдоклассицистическому отелю. Адски хотелось спать, и две сомнамбулы заканчивали свой глубокомысленный моцион.

«Однажды я начал видеть, как некоторые люди терпят поражение не

из-за того, что не умеют считать, – а из-за неумения понять, почему так произошло. Отговорки они умели находить, но понять – нет», – сказал вдруг Дуров.

«Любопытно. А что вы имели в виду, когда утверждали, что у вас „мистическое мышление“?»

«Ну как. Все, в общем-то, просто, – ответил Дуров. – Нелогично, что я не хочу продавать „ВКонтакте“. И я не знаю, почему не закрыл группы перед митингами, – хотя потом все красиво обосновал «Ленте.ру». Смотрите: события происходят или не происходят не из-за умения или неумения все просчитывать. Я гляжу на сотрудников и себя. Если есть энтузиазм и вера – все ОК. Чуть-чуть страха – все рушится».

«Страх ускоряет негативный сценарий?» – продолжил я.

«Да, и я могу объяснить это биологически, но это будет лишь теория. Важно не это. Важно знать, что ты на самом деле ничем не владеешь, и быть готовым потерять то, что у тебя якобы есть, – сказал Дуров, протянув на прощание руку. – Что из этого следует?» – спросил он.

Из этого следовало со всей возможной в четыре утра ясностью, что отсутствие страха приближает момент, когда ветхие мехи прохудятся и вино выльется само. Политика не производит интересных лидеров. Часть новых фигур придет из бизнеса, часть – из медиа. Необходимое условие для входа – ты должен создать что-то для большого количества граждан. Имя этому движению *activist capitalism*, и Дуров предвосхитил его, описывая в квартире на Сенной изменения в мире, которые принесет смена информационной парадигмы, и дал людям то, чего они хотели.

Назначение предпринимательства меняется. Зарабатывая на свое развитие, бизнесмены генерируют интеллектуальный потенциал, притягивая таланты, и конкурируют с политиками, государством, академией. Новые виноградари должны верить, что будущее невозможно без них. Мы не можем рассказать, каким оно будет. Но мы можем показать, как начать его менять.

Человеческие потоки пересохли – не более чем на два часа. Скособочившись и поправив очки на переносице, чайка по имени Павел Дуров во френче с поролоновыми плечами двинула к колоннаде отеля. Там, прикрывшись от дождя картонным плакатом, спали фанаты, уставшие ждать старых кумиров.

Об авторе

Николай Кононов – журналист, главный редактор ежедневного издания о предпринимательстве Hopes&Fears (hopesandfears.com). Окончил МГУ, работал репортером в газетах «Известия» и «Столичная вечерняя». Писал о бизнесменах разного масштаба – от деревенских подвижников до миллиардеров – сначала в журнале «Эксперт», а затем на протяжении семи лет в российском издании Forbes. Автор книги «Бог без машины: Истории 20 сумасшедших, сделавших в России бизнес с нуля».

notes

Примечания

«Всего хорошего, и спасибо за рыбу!» (англ.) – юмористический научно-фантастический роман британского писателя Дугласа Адамса. Четвертая часть серии книг, известных под общим названием «Автостопом по галактике». Само название романа является прощальной фразой дельфинов человечеству из первой книги цикла, когда те покидали Землю перед ее уничтожением вогонями (чтобы освободить место для гиперпространственного экспресс-маршрута).